

**СТИВЕН
КОЭН**

**ВОЙНА
С РОССИЕЙ**

Ассоциация исследователей российского общества
АИРО-XXI

SOVIETICUS

AMERICAN PERCEPTIONS A·N·D SOVIET REALITIES

STEPHEN F. COHEN

EXPANDED TO COVER THE
GORBACHEV PERIOD

FAILED

CRUSADE

**AMERICA AND THE TRAGEDY
OF POST-COMMUNIST RUSSIA**

STEPHEN F. COHEN

П Р О В А Л
КРЕСТОВОГО
П О Х О Д А

США И ТРАГЕДИЯ
ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ
РОССИИ

СТИВЕН КОЭН

STEPHEN F. COHEN

WAR
WITH
RUSSIA?

FROM PUTIN & UKRAINE TO
TRUMP & RUSSIAGATE

"The most controversial Russia expert in America."

—THE CHRONICLE REVIEW

К 85-ЛЕТИЮ СТИВЕНА КОЭНА

Стивен КОЭН

СОВЕТИКУС:

Американское восприятие и советские реалии

ПРОВАЛ КРЕСТОВОГО
ПОХОДА

США и трагедия посткоммунистической России

ВОЙНА С РОССИЕЙ?

От Путина и Украины до Трампа и Рашагейта

Фрагменты из книг

Перевод с английского Ирины Давидян

Предисловие Дмитрия Андреева

Москва

2023

Оригиналы:

Stephen F. Cohen, *Sovieticus: American perceptions and Soviet realities*. New-York: Norton, 1985.

Stephen F. Cohen, *Failed Crusade. America and the Tragedy of Post-Communist Russia*. W.W. Norton and Company. New York, London, 2000.

Stephen F. Cohen, *War with Russia? From Putin and Ukraine to Trump and Russiagate*. Hot Books. New York, NY, 2018.

На 1-й странице обложки
портрет Стивена Коэна, художник Борис Жутовский

Дизайн, верстка и оформление обложки: *Сергей Щербина*

КОЭН Стивен.

Война с Россией? – М.: «Пробел-2000», 2023. – 268 с.

ISBN 978-5-98604-916-8

Выдающийся американский историк (1938–2020) в первой части книги анализирует основные черты самой опасной стадии холодной войны – политику Рональда Рейгана накануне перестройки в СССР. Вторая часть посвящена 1990-м постсоветским годам и той роли, которую сыграла в этом политика администрации США, а также бизнесмены, журналисты, экономисты и политологи. Автор искал ответы на сложные вопросы: Кто проиграл Россию?, Наступит ли после холодной войны холодный мир?, Могла ли в принципе Америка трансформировать Россию по своему облику и подобию? В третьей части представлены размышления о причинах ухудшения американско-российских отношений и о том, как можно остановить сползание в пропасть новой холодной войны.

Книга рассчитана не только на специалистов, но и на самый широкий круг читателей, всех, кому небезразличны история России и будущее американско-российских отношений.

© Катрина ванден Хювел, 2023

© Давидян И.С., перевод, 2023

© АИРО-XXI, 2023

© «Пробел-2000», 2023

ISBN 978-5-98604-916-8

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Андреев. Ддиссидент-патриот 11

СОВЕТИКУС

Наши и их поборники холодной войны 21

Их и наши поборники холодной войны 26

Провал жесткой линии.....31

Программа разрядки.....36

ПРОВАЛ КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Крестовый поход во имя «России, которая нам нужна»...45

«Холодный мир»? Ноябрь 1992 г..... 63

Провал американского крестового похода.

Февраль 1994 г.....76

«Кто проиграл Россию?» 1998–2000 гг.....85

Как снова привлечь Россию к сотрудничеству? 105

ВОЙНА С РОССИЕЙ?

Снова холодная война. Кто виноват? 171

Москва – Пекин 172

Обострение кризиса 174

Поиски решения 176

Новая холодная война и потребность
в патриотической ереси 180

Молчание американских ястребов о зверствах Киева 196

Почему мы должны вернуться к принципу
паритета между США и Россией 214

Перестанет ли Россия быть частью Запада? 225

Почему так необходима встреча Путина и Трампа?..... 230

Трамп как еретик холодной войны 241

Кем не является Путин? 248

Диссидент-патриот

Несмотря на то, что три книги Стивена Коэна, фрагменты которых собраны в настоящем издании, написаны с разрывом в полтора десятилетия и даже больше, они представляют собой органичную и естественную целостность. Как будто изначально задумывались как единый взгляд на поздний СССР и постсоветскую РФ. С одной стороны, это и понятно: автор, крупнейший специалист по истории нашей страны, вплоть до своей кончины был в курсе и в теме всего того, что в ней происходило. Однако, с другой стороны, такой целостности можно дать и иное объяснение. Все три книги создавались не как некие заранее продуманные исследования, а собирались из кратких комментариев для *The Nation*, из ситуативных колонок, посвященных тем или иным текущим проблемам. То есть авторская фокусировка всякий раз была предельно конкретной. Даже, можно сказать, частной, детализированной. А значит, в ней не было того сглаживающего, полирующего эффекта памяти, который неизбежно заставляет оглядываться назад, так сказать, в крупном формате, без мелочей. Этот эффект приводит к тому, что при описании прошлого человек, как правило, подчиняется своим настроениям из настоящего. Насколько репрезентативной оказывается при этом создаваемая картина – зависит от профессионализма ее творца. Да, он может прекрасно упаковывать факты, убедительно доказывать правоту именно своей интерпретации тех событий, о которых говорит. Но в такой картине не будет настроений, аутен-

тичных тем чувствам, мыслями и эмоциям, которые он испытывал непосредственно в те самые моменты, о которых пишет какое-то время спустя. И в результате получается странное сочетание фактов, пусть совершенно точных и абсолютно проверяемых, и их отложенного объяснения. Да, на дистанции прожитое видится иначе, в каких-то аспектах – вернее и тоньше. Но уже без той чуткой непосредственности, которая появляется только в синхронном описываемому событию комментарию.

Какое всё это имеет отношение к фрагментам книг Стивена Коэна? Самое прямое. Их калейдоскопичность, привязка к тем конкретным датам, когда они создавались, являются лучшими гарантиями того, что в них нет ни этого сглаживающего эффекта памяти, ни неизбежной для тематики выбранных книг ретроспекции, когда можно невольно начать объяснять прошлое не из прошлого, а из настоящего. Например, видеть в новой холодной войне (которая, кстати, в отличие от предыдущей холодной войны, имеет «хорошие» шансы перерасти в самую что ни на есть настоящую Третью мировую) просто новое издание того противостояния, какое было между СССР и коллективным Западом во главе с США во второй половине XX века. С теми же действующими лицами – только, естественно, в новом обличье. И главное – с теми же раскладами, когда обе стороны действительно воспринимали друг друга как врагов и делали всё для того, чтобы нанести максимальный ущерб своему противнику.

Но коэновские лаконичные свидетельства из прошлого убедительно доказывают, что холодная война и сегодняшний конфликт между Россией и Западом имеют совершенно разную природу. Если в том противостоянии, как

считал автор колонок в The Nation, виноваты были обе стороны, то демонизация постсоветской России полностью безосновательна, и вина в том, что мир сегодня находится на грани Третьей мировой войны, целиком лежит на Соединенных Штатах.

И вот тут начинается самое интересное, что можно почерпнуть из публикуемых фрагментов книг, а именно – авторское понимание и авторское объяснение того, почему США стремятся к максимальному ослаблению России и лишению ее сколько-либо значимой субъектности. Как следует из колонок Стивена Коэна, главная причина антироссийской позиции Соединенных Штатов кроется в догматизме политической элиты этой страны. Да, конечно, никто не сбрасывал со счетов фактора конкуренции: Америке не нужна сильная Россия, победа над СССР в холодной войне досталась дорогой ценой, и были моменты – как, например, во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х годов, – когда США готовы были отступить и начать договариваться о почетной капитуляции. И тем более дело не в американском ВПК, которому нужны военные заказы и рынки сбыта. Всё это – во-вторых, в-третьих, и так далее. А во-первых – это догматизм. Желание управлять всем миром по понятному и естественному для США сценарию. Стремление унифицировать своего вчерашнего конкурента в холодной войне именно вследствие того, что так дешевле, проще и удобнее. Намерение не напрягаться, рулить миром «одной левой». Экономить силы и не тратить их на ненужное – типа адресного подхода, учета культурной идентичности управляемого, а тем более – каких-то там его интересов. Мир должен быть гомогенно звездно-полосатым. Только лишь сумасшедшие, эксцентрики или

политические диссиденты наподобие Дональда Трампа могут считать иначе и пытаться о чем-то там договариваться со вчерашними противниками по глобальному противостоянию. (Не потому ли в последней из трех книг, изданной в 2018 году, Стивен Коэн возлагал такие надежды на этого президента и не потому ли американская политическая элита впоследствии сделала всё для того, чтобы его политически похоронить?)

В большой политике догматизм, инертность, стремление не напрягаться и действовать по привычным схемам чреват утратой чувства реальности. И в этом смысле Стивен Коэн – как действительный патриот своей страны – испытывал явную обеспокоенность из-за такой беспечности американского истеблишмента: вместо того, чтобы использовать свой сверхдержавный статус как дирижерский пульт для мирового оркестра, в котором каждый исполнитель – исключителен, востребован и необходим, Соединенный Штаты отказываются от этого богатого многоголосия и начинают сами отбивать барабанный ритм для строевого шага всех остальных государств. Давным-давно, еще на излете XIX века, великий русский мыслитель Константин Леонтьев грозно предрекал: «Европа смешивается в действительности и упрощается в идеале». Тогда Европа символизировала собой Запад. Теперь эту роль играют Соединенные Штаты. Европа не пережила этого «смешения» и «упрощения» и после Второй мировой войны уступила лидерство США как именно более правильному Западу. Но кому теперь уступят «смешивающиеся» и «упрощающиеся» Соединенные Штаты? У нас принято объяснять пророссийскую позицию Стивена Коэна его симпатиями к нашей стране.

Всё верно, симпатии у него были, но инспирировались они именно и прежде всего его глубинным американским патриотизмом, тревогой за будущее своей страны и четким пониманием того, что ее величие можно сохранить только лишь в дуэте с Россией, в режиме соединения потенциалов обеих этих сложных систем, каждая из которых обладает своей исключительной самостью.

Это со всей очевидностью прочитывается из публикаций, вошедших в его первую книгу «Советикус». И тут о многом говорят даже не столько его надежды, связанные с разрядкой, – с ними всё очевидно и понятно. Весьма характерна самая первая колонка из «Советикуса», датированная 23 октября 1982 года, когда до смерти Леонида Брежнева (а значит – до поворота в истории СССР) оставалось около трех недель. Стивен Коэн критикует американское руководство за недальновидность в вопросе об отношении к снабжению Западной Европы советским газом, призывает его отказаться от такой политики и включиться в «борьбу за советское будущее», поскольку крестовый поход Рональда Рейгана не достигнет своей цели и лишь укрепит позиции антиамериканских сил в СССР.

После поражения Советского Союза в холодной войне и его распада могло показаться, что прав-то на самом деле был именно Рейган, который своей политикой и сломал советскую систему, усадил ее нового лидера за стол переговоров и подвел его к необходимости капитуляции. Но если бы на самом деле было так, если бы Америка действительно победила СССР, то спустя несколько лет после этой победы не было бы ни феномена Владимира Путина, ни даже Бориса Ельцина образца 1994 года и позже, с уже яркой патриотической риторикой. И в обозначившемся

еще в 1990-х годах дистанцировании России от Соединенных Штатов Стивен Коэн винит только руководство и элиту своей страны. Автор фактически предостерегает их от риска проиграть ту самую «борьбу за советское будущее» (теперь уже, правда, будущее российское), о которой он писал накануне поворота СССР к переменам.

Таким образом, американский патриотизм Стивена Коэна сводился не к придумыванию нового врага и накатке его образа всевозможными негативными чертами, но напротив – к гуманизации той цивилизации, которая несколько десятилетий воспринималась официальной американской идеологией как «империя зла», к выстраиванию с ней равноправных и доверительных отношений. Словом, ради собственного патриотизма – чтить чужой патриотизм именно как оптимальный гарант того, что твоя страна благодаря подобному диалогу избежит примитивизации и упрощения, а значит – деградации и сползания к катастрофе. Потому-то Стивен Коэн буквально с начала XXI века и говорил об опасности новой холодной войны – на этот раз опасности прежде всего для самой Америки и для мира в целом. Такая холодная война, считал он, может обернуться неизбежной утратой Соединенными Штатами планетарного лидерства – в смысле развития и овладения будущим, а не в смысле выполнения функций глобального надсмотрщика.

Как любой интеллеktуал – поборник «цветущей сложности» (еще один образ Константина Леонтьева) Стивен Коэн был предельно чуток к вибрациям мировой политики. Вот любопытный и очень красноречивый пример. Он пишет о том, что на переломе веков американское руководство не стало препятствовать выбору Владимира

Путина в качестве преемника – потому что разглядело в нем нового Пиночета, понятного и предсказуемого популиста, способного навести порядок, но при этом в главных вопросах оставаться подконтрольным Вашингтону. И по той же самой причине Соединенным Штатам не приглянулся по-рузвельтовски мудрый и основательный Евгений Примаков – после своевольной «петли над Атлантикой». Из этих аналогий чувствуется, что сам автор в пору, когда определялась судьба послеельцинской России, симпатизировал именно «русскому Рузвельту», а не «русскому Пиночету». Но затем он однозначно стал воспринимать Владимира Путина по-другому. Иначе зачем так филигранно и тонко объяснять, кем на самом деле «не является» российский президент?

Стивен Коэн был диссидентом в своей стране – именно потому, что являлся ее настоящим патриотом. И эта книга показывает нам попытки такого патриота оказаться услышанным у себя дома. К сожалению, этим попыткам не суждено было реализоваться. Остается надеяться, что подобная позиция всё же будет востребована в государстве, от которой сейчас слишком многое зависит в мире.

*Дмитрий Андреев,
доктор исторических наук,
заместитель декана
исторического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова*

СОВЕТИКУС:
Американское восприятие
и советские реалии^{*}

ФРАГМЕНТЫ

---

^{*} Впервые опубликовано в: *Stephen F. Cohen, Sovieticus: American perceptions and Soviet realities. New-York: Norton, 1985.*

Наши и их поборники ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Кампания президента Рейгана 1982 года по остановке газопровода из Сибири в Западную Европу стала ярким примером того, как неправильно срабатывает американская политика по отношению к Советскому Союзу. Его мотивом было «наказать» Москву за ее проступки на международной арене и воспрепятствовать более тесным экономическим связям между нашими европейскими союзниками и Советским Союзом. Но на деле результатом кампании Рейгана против трубопровода может стать негативное влияние на самые важные дебаты внутри советского политического истеблишмента на сегодняшний день: должен ли Советский Союз двигаться навстречу Западу или от него?

По одну сторону этого ожесточенного спора находятся настроенные на реформы россияне, которые утверждают, что прогресс требует большего политического, экономического, научного и культурного «наведения мостов» с Западом. С другой стороны, растет число ксенофобствующих россиян, взращенных сталинским опытом и возрождением традиционного национализма с 1960-х годов, которые рассматривают все западное влияние как «выгребную яму» коррупции и подрывной деятельности и как источник проблем страны, от беспорядков в Польше до

падения рождаемости среди славян и неконформистских настроений среди молодого поколения в Советском Союзе. Исповедуя воинствующий русофильский подход, они хотят закрыть окно на Запад, которое стало расширяться после смерти Сталина в 1953 году, и вернуть страну к ее автаркическому образу жизни за имперским железным занавесом.

Это не второстепенный вопрос; это имеющая глубокие корни и потенциально судьбоносная борьба за будущее Советского Союза. Перекликаясь со спорами XIX века между западниками и славянофилами, дебаты о том, ориентирована ли Россия на Запад или на железный занавес, разделяют лидеров, диссидентов и обычных граждан в равной степени. Это лежит в основе приглушенных разногласий внутри политического истеблишмента по поводу разрядки. В популярной культуре это противопоставляет древние культы Родины модернизму.

Скрытое от посторонних глаз столкновение часто носит ожесточенный характер, чему я неоднократно был свидетелем. Два чиновника средних лет, оба члены Коммунистической партии и оба не евреи, поссорились на частной московской встрече. Один настаивал: «Чтобы спасти нас от наших же традиций, от таких людей, как ты, нам нужно больше Запада». Другой отвечал: «Ты и наши сионистские подонки за пепси-колу готовы продать душу России».

В начале 1970-х годов казалось, что западная ориентация возобладает. Несмотря на сильную оппозицию, Хрущев пробил большую брешь в железном занавесе стали-

низма у себя в стране и установил отношения сотрудничества с цитаделью Запада – Соединенными Штатами. Правительство Брежнева, изменив другие направления политики Хрущева, продолжило следовать его курсом сотрудничества в направлении более полной разрядки в рамках соглашений Никсона-Брежнева 1972 года. Советские связи с Западом казались прочными, включая торговлю, научные обмены, эмиграцию и переговоры по поводу вооружений.

Но с 1974 года западная ориентация потерпела целый каскад внешних и внутренних поражений. Поправка Джексона-Вэника свела советско-американскую торговлю и эмиграцию к минимуму. Американские зерновые эмбарго, бойкоты, запреты на технологии и возобновившееся стремление к военному превосходству вытеснили сначала дух ОСВ II, а затем и сам договор. Череда пограничных кризисов от Афганистана и Ирана до Восточной Европы, усугубленная замаячившим призраком китайско-американской оси, привела к тому, что сталинская стратегия «крепости» показалась многим чиновникам более безопасной, чем брежневское «наведение мостов». События на Ближнем Востоке возродили понятие «мировой сионизм» как антисемитский синоним всего западного. Экономический кризис в Польше продемонстрировал «вероломство» западных кредитов.

К началу 1980-х годов, в результате этих и других разрушенных «иллюзий», русофильство в духе железного занавеса приобрело новую силу в советской политике. Нашедшее прибежище во влиятельных партийных и во-

енных органах и в органах КГБ и ежедневно раздуваемое влиятельными газетами, оно стало громогласной оппозицией открытости по отношению к Западу и потенциальным претендентом на власть. Брежневское руководство, занимавшееся наведением мостов, заняло оборонительную позицию. В июне 1982 года министр иностранных дел Андрей Громыко выразил сожаление по поводу положения, в котором оказалось его правительство, и его уязвимости: «Нынешняя американская администрация очень успешно, один за другим, взрывает мосты, которые строились десятилетиями».

Кампания Рейгана против трубопроводов, возможно, нанесла советским западникам еще более серьезный удар. Газопровод протяженностью 3500 миль символизировал все, что презирают русофилы за железным занавесом: постоянную открытость Западу, продажу российских сокровищ за иностранную наличность и финансовую зависимость от внешнего мира. Прежде всего, предвыборная кампания Рейгана подорвала главный аргумент западников о том, что стабильные советско-американские отношения возможны, потому что американский антисоветизм – это всего лишь предвыборная тактика, от которой новоявленные президенты, такие как Никсон, всегда отказывались в пользу «деловых отношений». Готовность Рейгана поставить под угрозу сплоченность НАТО и применить санкции даже против компаний, принадлежащих американцам, чтобы «наказать» Советский Союз, доказала, что русофилы имеют основания утверждать, что американская советофобия является органическим препятствием для стабильной открытости Западу.

Завершение строительства европейского трубопровода вопреки американским препятствиям дало советским западникам одну запасную позицию – возможность выйти на Запад без Соединенных Штатов. Эта позиция поощрялась западноевропейскими газетными передовицами, протестовавшими против мер Рейгана и несогласными с его манихейским взглядом на «советскую опасность». Как с надеждой подчеркивал Брежнев в сентябре 1982 года, разрядка имеет «более глубокие корни» в Европе, чем в Америке. Но, учитывая навязчивую важность Соединенных Штатов в советском мышлении, эта позиция может не компенсировать растущее антизападное влияние на власть и политику в Москве.

Должны ли мы беспокоиться об этой внутренней борьбе за советское будущее? Очевидно, что жесткая позиция Америки в отношении трубопровода может привести к более стойкому отчуждению Западной Европы от Соединенных Штатов. Но есть и худшая перспектива. Крестовый поход Рейгана «за победу» в вопросе о трубопроводе способствовал политическому успеху наиболее ксенофобных, милитаристских сил с погромными взглядами в советской политике. Вновь изолированная от Запада Россия стала бы ядерной сверхдержавой, отброшенной назад к своим деспотическим традициям, обидам и тревогам. Такое развитие событий никому бы не помогло. Его первыми жертвами стали бы те, кого и что мы поклялись защищать на международной арене, т. е. права человека, жители Восточной Европы и безопасный мир.

23 октября 1982 года

Их и наши поборники ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

После трех лет политики холодной войны администрация Рейгана предложила Москве «налаживание рабочих отношений», или то, что раньше называлось разрядкой. Предложение, даже если оно искреннее, может быть слишком запоздалым. Впервые со времен Сталина появилась перспектива прихода к власти советского правительства, приверженного холодной войне и больше не верящего в разрядку. Создание такого правительства стало бы результатом длительной борьбы внутри советского политического истеблишмента – борьбы, в которой американская политика сыграла прискорбную роль.

Вопреки широко распространенным американским предположениям, официальная советская позиция по поводу отношений между Востоком и Западом никогда не была монолитной. Глубокое идеологическое разделение между сторонниками холодной войны и ориентированными на Запад сторонниками разрядки существовало с 1950-х годов, когда Хрущев отказался от сталинского изоляционизма железного занавеса в пользу открытости Западу, основанной на «мирном сосуществовании». Обе стороны конфликта, напоминающего спор девятнадцатого века между русскими западниками и славянофилами, нашли сильную поддержку в официальных кругах. И хотя

каждое советское руководство после Сталина придерживалось западной ориентации во внешней политике, оно делало это перед лицом мощного лобби приверженцев холодной войны. Это лобби, в конце концов, может в значительной степени одержать верх, поскольку аргументы в пользу разрядки потерпели полный крах.

Советские сторонники разрядки всегда настаивали на том, что значительное сотрудничество с Западом, особенно с Соединенными Штатами, необходимо для преодоления отсталости в экономической и других областях; для обеспечения роли сверхдержавы в управлении мировыми делами; и для предотвращения неограниченной гонки вооружений и ядерной войны. Политический вопрос заключался в том, могло ли советское руководство действительно рассчитывать на сотрудничество Соединенных Штатов, несмотря на различие целей двух держав на международной арене и давнюю американскую враждебность по отношению к СССР.

В начале 1970-х годов аналитики, выступавшие за разрядку, дали руководству гарантию, которая их и сгубила. Они утверждали, что, поскольку Советский Союз достиг глобального военного и политического равенства с Западом, разрядка стала для Соединенных Штатов «объективной необходимостью». В качестве доказательства они указывали на «деловую» советскую политику Ричарда Никсона, некогда главного американского ястреба холодной войны.

Брежневское руководство цеплялось за эту аксиому на протяжении всего углубляющегося кризиса разрядки в

1970-х и даже в 1980-х годах. Оно убеждало себя, что бессистемно жесткая политика Джимми Картера была временным отклонением от нормы и что Рональд Рейган окажется еще одним Никсоном. Но атака Рейгана на все предпосылки разрядки – его крестовый поход против «империи зла», его кампания по остановке советско-европейского трубопровода и его программа восстановления военного превосходства – окончательно «развеела» все сохраняющиеся «иллюзии» в Москве, как выразился Юрий Андропов в августе 1983 года, а вместе с ними и тезис лоббистов разрядки об «объективной необходимости».

Советские поборники холодной войны, всегда отвергавшие доводы в пользу западной ориентации, извлекли выгоду из этого краха иллюзий. Поддерживая русофильские и ксенофобские идеи, восходящие к царским и сталинским временам, они настаивают на том, что законным «предназначением» Советского Союза, как особого типа государства и великой державы, является изоляция от Запада в духе осажденной крепости и принципиальная оппозиция ему. Соединенные Штаты, воплощение пагубных западных ценностей, являются не решением советских проблем, а их причиной, от кризисов в Восточной Европе и Афганистане до политического инакомыслия и социальных неурядиц внутри страны. Более того, утверждают поборники холодной войны, Запад по своей сути антиросийски настроен, о чем свидетельствуют столетия заговоров и вторжений, и поэтому Соединенные Штаты никогда не примут обязательное условие разрядки: советскую безопасность и паритет в мировых делах. Рейган, а не

Никсон, является настоящим лицом Америки. Таким образом, для Советского Союза холодная война является одновременно политической добродетелью и вечной необходимостью.

Подобные взгляды еще десять лет назад многими советскими официальными лицами отвергались как безумный экстремизм, но сегодня они могут показаться убедительными и благоразумными. Идеология холодной войны сейчас более доминирует в советской прессе и в массовой культуре, чем когда-либо со времен Сталина. Не все это под непосредственным контролем государства, но кое к чему оно приложило руку. В 1983 году Советский Союз вышел из переговоров по вооружениям. Катехизис коммунизма времен холодной войны, книга «ЦРУ против СССР», был переиздан тиражом в 3 миллиона экземпляров и преподносился как ортодоксальное знание в газетах, некогда выступавших за разрядку. Романисты, выступающие за ксенофобию и сталинизм, получили желанные призы. А в феврале 1984 года руководство утвердило новый зловещий закон, запрещающий передачу «информации» «иностранным организациям». Тем временем некогда заметные и влиятельные сторонники разрядки ушли в тень и заняли оборонительную позицию.

Важность перелома в борьбе между ориентированным на Запад коммунизмом и коммунизмом холодной войны вряд ли можно преувеличить. На карту поставлена советская внешняя и внутренняя политика, поскольку конфликт также существует между реформами и реакцией внутри страны. Борьба, конечно, еще не закончена. Лобби,

выступающее за разрядку, поддерживают несколько важных факторов, включая определенные связи с Западом, которые напрямую выгодны советским элитам, широко распространенный страх перед Китаем и угроза ядерной войны.

Но есть и другие факторы, помимо американской политики, которые способствуют созданию правительства холодной войны в Москве. Один из них – поднимающаяся волна националистических настроений, которыми питаются поборники холодной войны. Другой – растущий политический вес наблюдательных органов, которые всегда выступали за «бдительность» в условиях холодной войны. Еще одним фактором является недавняя череда смен советского руководства. Даже новый лидер Михаил Горбачев, которому потребуется несколько лет для консолидации власти, может дважды подумать, прежде чем рисковать своей политической карьерой ради «иллюзий» разрядки. Действительно, у сильного руководства может возникнуть соблазн принять программу жесткой экономики, чтобы справиться с экономическими проблемами страны, и таким образом внять призывам к жертвам и жесткому контролю, подразумеваемым в холодной войне.

Американские поборники холодной войны всегда отрицали существование подобных политических разногласий в советском истеблишменте. Теперь, смутно осознавая обратное, они предполагают, что Москва в состоянии холодной войны на самом деле отвечает интересам Америки, поскольку это отвлечет внимание советского руководства от глобального соперничества с Соединенными

Штатами и переключит его на страны, составляющие «железный занавес». Такая перспектива цинична и опасна. Это будет означать усиление репрессий в Советском Союзе и Восточной Европе, растущее недоверие между Востоком и Западом, порожденное изоляцией, постоянную гонку вооружений и еще больший риск ядерной войны.

18 февраля 1984 года

Провал жесткой линии

Решение президента Рейгана проводить более примирительную политику в американско-советских отношениях молчаливо подтверждает то, что давно было ясно: после десятилетия растущего влияния хваленый «бескомпромиссный» подход к Советскому Союзу полностью провалился.

С 1974 года, когда двухпартийные сторонники жесткой линии одержали свои первые победы в Конгрессе против разрядки, они настаивали на том, что стратегия идеологической войны, наращивания военной мощи и экономических и связанных с ними санкций позволит достичь двух целей. Это укрепило бы американскую безопасность, вынудив Советский Союз капитулировать по спорным международным вопросам. Более амбициозная цель заключалась в том, что эти действия оказали бы дестабили-

зирующее политическое и экономическое влияние на подверженную кризису советскую систему, тем самым вынудив руководство провести фундаментальные реформы внутри страны.

На практике эти идеи, которые эпизодически проявлялись в политике администрации Картера и стали стратегическим крестовым походом при президенте Рейгане, привели к противоположному результату в обеих областях. С 1970-х годов советское руководство проводило собственную жесткую политику в мировых делах, расширяя свою войну в Афганистане, бойкотируя Олимпийские игры в Лос-Анджелесе, проявляя еще меньшую терпимость к переменам в Восточной Европе и противодействуя наращиванию военной мощи США и размещению ракет. Вместо укрепления национальной безопасности жесткая линия Америки привела к еще большей международной незащищенности.

Последствия жесткого курса внутри Советского Союза были столь же пагубными, даже там, где сторонники жесткой линии обещали ощутимые результаты. В 1974 году более 20 000 советских евреев было разрешено эмигрировать; к либеральному диссидентскому движению в Москве по-прежнему относились терпимо; а Александр Солженицын был выслан из страны, а не заключен в тюрьму. В 1984 году менее чем 1000 евреям было разрешено выехать; либеральное инакомыслие было подавлено, что нашло отражение в судьбе Андрея Сахарова; а спонсируемые Западом мученики, такие как Анатолий Щаранский, были оставлены томиться в трудовых лагерях. Вместо

внутренних советских реформ жесткая линия привела к политической реакции.

Такая американская политика по своей сути контрпродуктивна, поскольку она игнорирует главные истины, которые нужно знать о сегодняшнем Советском Союзе. Что бы еще ни отличало советских лидеров, они чрезвычайно гордятся статусом великой державы, достигнутым их страной, достигнутым только при их жизни и огромной ценой, и поэтому они глубоко возмущены любым предполагаемым вызовом ее международному престижу.

Сталкиваясь с утверждениями об американском превосходстве, морализаторством по поводу их «незаконности» и «зла», а также ультиматумами, направленными на то, чтобы «наказать» их, советские лидеры всегда будут прибегать к бескомпромиссной линии, независимо от связанных с этим трудностей. Например, несмотря на их давнюю потребность в соглашении о контроле над вооружениями, они вышли из переговоров по европейским ракетам в 1983 году. И поскольку эта инстинктивная реакция на американскую напыщенность широко распространена как среди чиновников, так и среди обычных граждан, она скорее укрепляет, чем ослабляет позиции руководства внутри страны.

Жесткий курс на реформирование советской системы посредством безжалостной холодной войны, включая неконтролируемую гонку вооружений, является еще более непродуманным. Мы можем желать более либерального исхода, но Соединенные Штаты не обладают мудростью, властью или правом вмешиваться во внутреннюю совет-

скую политику. Попытки сделать это всегда принесут больше вреда, чем пользы.

Такие усилия обречены отчасти потому, что они основаны на безумно преувеличенных представлениях о советских внутренних проблемах. На самом деле Советский Союз не переживает экономического кризиса и не является политически нестабильным. Более того, любое экономическое бремя, налагаемое нашими жесткими мерами, ложится непосредственно на рядовых советских граждан, а не на правящую элиту, и поэтому морально неприемлемо в качестве американской политики.

Прежде всего, каждая американская кампания по навязыванию либерализации советской системе фактически саботирует это дело, подрывая сторонников реформ внутри истеблишмента. Это дискредитирует их предложения, ассоциируя их с иностранным спонсорством или *диктатором*, тем самым многократно усиливая и без того мощную консервативную и часто ксенофобную оппозицию. Не менее важно и то, что это способствует нагнетанию международной атмосферы холодной войны, в то время как советские реформаторы отчаянно нуждаются в разрядке, чтобы компенсировать опасения консерваторов по поводу политических опасностей и экономических издержек внутренних перемен.

Действительно, сочетание растущей напряженности между Востоком и Западом и поражения реформаторов от деспотических или консервативных групп в руководстве является повторяющейся трагедией в советской истории. В эти исторические поворотные моменты результат часто

оказывался роковым – драконовская внутренняя политика в 1918 году; жестокая коллективизация крестьянства в 1929 году; большой террор Сталина в 1936 году; возвращение к террористической практике после Второй мировой войны; и окончание официальной десталинизации в 1960-х годах. С другой стороны, в двух случаях, когда официальная либерализация действительно преобладала, при Ленине в 1920-х годах и при Хрущеве в 1950-х годах, между Советским Союзом и Западом развивались отношения, похожие на разрядку.

Наши сторонники жесткой линии, типичным представителем которых является Комитет по существующей опасности (в данном случае: объединение консервативных и антикоммунистических политиков, сформировавшееся в 1976 году и оказывавшее серьезное влияние на политику администрации Рейгана. – *Прим. перев.*), оставались упрямо безразличными к этим урокам истории, в том числе к тем, которые были преподаны их собственной провальной политикой с 1970-х годов. Многие из них, как внутри администрации Рейгана, так и за ее пределами, все еще требуют крайних мер времен холодной войны. Они глухи даже к современным призывам реформаторов коммунистических систем от Восточного Берлина до Москвы. Как недавно предупредил венгерский сторонник либерализации: «Необходимы реформы, и прежде всего внутри Советского Союза. Если будет новая холодная война, то она будет направлена против любых реформ».

Но самый прямой ответ американским сторонникам жесткой линии дал советский реформатор, армейский

полковник в отставке, ныне работающий официальным аналитиком, который дал анонимное интервью британскому журналу *Détente*. На просьбу прокомментировать то, как западные поборники холодной войны акцентируют внимание на внутренних проблемах СССР, он ответил: «Это действительно трагично, потому что у нас на самом деле есть внутренние проблемы. Нам нужна экономическая реформа. Нам нужно расширять права человека в нашей стране и дальше развивать советскую демократию. И мы можем продвинуться вперед в решении наших проблем только в условиях длительной разрядки. Нам нужна разрядка, очень много разрядки».

15 декабря 1984 года

Программа разрядки

Избирателям на президентских выборах 1984 года не было предоставлено четкого выбора по самому судьбоносному политическому вопросу нашего времени – холодная война или разрядка с Советским Союзом.

Природа и логические результаты политики холодной войны президента Рейгана во время его первого президентского срока были ясны. Америко-советские отношения находились на самой опасной стадии за последние два десятилетия. От большинства дипломатических ре-

шений политических проблем отказались в пользу военных решений. Американские войска готовились к борьбе с предполагаемой «советской угрозой» в Центральной Америке. И развернулась новая гонка стратегических вооружений, которая увеличила риск ядерной войны, еще больше усложнила контроль над вооружениями и сделала еще одно поколение американцев заложниками растущих военных расходов.

Несмотря на эти опасности, Демократическая партия не смогла предложить реальную альтернативу. Действительно, два ведущих кандидата на выдвижение в президенты, казалось, вообще не имели политики по отношению к Советскому Союзу. Оба обещали положить конец гонке ядерных вооружений, но ни один из них не указал каких-либо дипломатических решений американско-советских *политических* конфликтов, лежащих в основе гонки вооружений. Оба не смогли понять или донести до избирателей простую истину: всеобъемлющая политика разрядки остается единственной рациональной альтернативой холодной войне.

- То, что следует далее, представляет собой своего рода программу разрядки, которую должен отстаивать президент. Она основана на трех принципах:

- Соединенным Штатам, хотя им и не нравятся многие аспекты советского поведения, следует признать, что Советский Союз является признанной великой державой с равными правами и интересами в мировых делах. Провозглашая этот принцип политического паритета, правительство показало бы, что стремится возобновить граж-

данский диалог с советским руководством и устранить политические мотивы, стоящие за стремлением к военному превосходству с обеих сторон.

- Рассматривая Советский Союз как могущественного и опасного противника, правительство Соединенных Штатов больше не должно преувеличивать советскую угрозу американским интересам или миру во всем мире. Американский народ должен понимать, что советские амбиции за рубежом сдерживаются многими факторами, помимо военной мощи США, и что Советский Союз не несет ответственности за каждый инцидент с беспорядками в мире.

- У американского народа должно быть реалистичное понимание разрядки. Это не умиротворение и не обещание гармоничных отношений между сверхдержавами. Разрядка – это дипломатический процесс политических переговоров, в результате которых конфликт между соперниками может быть частично уменьшен путем взаимного соглашения и сотрудничества.

Изложив эти принципы, президент, выступающий за разрядку, должен предложить конкретные шаги, с тем чтобы запустить процесс переговоров по крупным американо-советским конфликтам последнего десятилетия. Вот вкратце несколько таких стратегий, некоторые из которых должны проводиться публично, другие – с помощью тихой дипломатии:

1. Президент объявляет однолетний мораторий на испытания и развертывание всего американского ядерного и противоспутникового оружия при условии, что советское руководство ответит тем же. В течение этого года

правительства двух стран вновь рассмотрят все вопросы контроля над вооружениями и попытаются улучшить политические отношения друг с другом. Кроме того, президент просит Сенат продемонстрировать приверженность Америки контролю над вооружениями, ратифицировав ОСВ II до истечения срока его действия.

2. Чтобы урегулировать два важных вопроса, которые привели к срыву в отношениях в 1970-х годах, президент просит Конгресс отменить поправки Джексона-Вэника и Стивенсона, которые серьезно ограничивают торговлю между двумя странами, связывая ее с еврейской эмиграцией из Советского Союза. Отрицая экономические санкции как политику, он обещает, что из торговли с Советским Союзом будут исключены только реальные военные технологии. Взамен советское правительство должно неофициально согласиться ослабить существующие ограничения на еврейскую эмиграцию.

3. Признавая, что обе сверхдержавы имеют свои политические интересы на Ближнем Востоке и что никакое прочное мирное урегулирование там невозможно без поддержки обеих сверхдержав, президент просит Советский Союз вернуться к региональным многосторонним переговорам, из которых он был полностью исключен с 1978 года. В свою очередь, Советский Союз должен убедить своих сирийских союзников и ООП [Организацию освобождения Палестины] официально признать право Израиля на безопасное существование.

4. Осознавая, что американские предложения о продаже оружия Пекину послужили лишь для того, чтобы спро-

воцировать беспокойство советских военных и возмутить нашего бывшего военного союзника в Тайбэе, президент объявляет о пересмотре своей китайской политики: Соединенные Штаты будут поддерживать политические и экономические отношения с обоими Китаями, но не будут поставлять оружие ни одному из них. В более общем плане Соединенные Штаты отказываются от идеи какой-либо оси Вашингтон-Пекин против Советского Союза.

5. Выражая сожаление по поводу советской войны в Афганистане, президент напоминает о трудностях Америки в поиске выхода из Вьетнама. Поэтому правительство Соединенных Штатов поддержит любой план, ведущий к урегулированию путем переговоров и выводу советских войск.

6. Президент предлагает создать специальную американо-советскую комиссию для разработки кодекса взаимного сдерживания (включая экспериментальную зону военного невмешательства) в Третьем мире, который является ареной войн коренных народов и бесплодных конфликтов сверхдержав. Как крупнейшие поставщики оружия в эти регионы, Соединенные Штаты и Советский Союз обязаны заменить военную помощь развивающимся странам экономической. Чтобы подать пример, президент рассмотрит просьбы об американской экономической помощи даже от самопровозглашенных революционных правительств, при условии, что они не позволят использовать свои страны для размещения советских военных баз. Эта политика распространилась бы и на революционные страны Западного полушария, такие как Куба и Никарагуа.

Реалистична ли такая политика разрядки и другие меры, которые могли бы ослабить американо-советский конфликт в Восточной Европе и других местах? Не нужно обладать воображением, чтобы полагать, что советское руководство, столкнувшееся с собственными, вызванными холодной войной серьезными проблемами внутри страны и за рубежом, положительно отреагировало бы, по крайней мере, на некоторые из них. Но поскольку такая политика оскорбила бы могущественных американских лоббистов и влиятельные группы избирателей, труднее представить себе президента, обладающего политической смелостью принять ее.

16 июня 1984 года

ПРОВАЛ
КРЕСТОВОГО ПОХОДА
США и трагедия
посткоммунистической России*

ФРАГМЕНТЫ

---

* Публикуется по: *Козн Стивен*. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России / Перевод Ирины Давидян. – М.: АИРО-XX, 2001. – 304 с.

Крестовый поход во имя «России, которая нам нужна»

Идея того, что США могут переделать Россию по своему образу и подобию или, по крайней мере, смогут «думать за русских», возникла впервые после Второй мировой войны, в среде апологетов холодной войны (2). В 1992 г., в первый год постсоветской эры и последний год администрации Буша, эта идея возродилась. Так, в апреле 1992 г. состоялось совещание представителей правительства, бизнеса, средств массовой информации и академической среды, которое рекомендовало Соединённым Штатам и их союзникам «принять самое непосредственное участие в процессе трансформации экономической и политической жизни в бывших советских республиках». А один политик-учёный даже конкретизировал задачу: «Нужно сформировать элитный корпус западных экспертов, которые будут жить на территории бывшего Советского Союза и помогать управлять государством и бизнесом» (3).

Вскоре, однако, этот миссионерский порыв превратился в настоящий крестовый поход, и сделала это администрация Клинтона (хотя, нужно заметить, не без поддержки республиканской партии в Конгрессе). Почти сразу же после инаугурации президента Клинтона в январе 1993 г. его эксперты принялись тайно обсуждать вопрос, «как лучше реформировать Россию» и сформулировать задачи американского участия. Возникшая в результате «целост-

ная политика», как пояснил позднее официальный представитель Госдепартамента, была направлена на внутреннюю «трансформацию России» (4). По сути дела, США должны были учить экс-коммунистическую Россию капитализму и демократии и наблюдать за процессом превращения – так называемым «переходом». Доверить России самой искать пути собственной трансформации, разумеется, было нельзя, дабы не дать ей заблудиться, как заметил один из сторонников крестового похода, «в хитросплетениях её собственных противоречивых замыслов» (5).

Наука, которую предстояло изучить России, была проста, но сурова. Экономическая реформа должна означать «шоковую терапию» и жёсткий монетаризм, режим строгой бюджетной экономии, никаких субсидий и дотаций советской эпохи, полную приватизацию всей страны, открытие рынков для иностранных производителей и минимальную роль государства. Политическая реформа сводилась к более чем абсолютной поддержке президента Бориса Ельцина, поскольку, как объясняли советники Клинтона, «Ельцин представляет движение к той России, которая нам нужна» (6). Помимо бесплатных советов, означавших, по сути, диктат в области экономической политики, американская администрация обещала профинансировать «переход», главным образом, за счёт кредитов Международного валютного фонда (МВФ), если, конечно, Россия будет соблюдать все американские условия (7).

Итак, толпы американских политических миссионеров, обычно именуемых «советниками», наводнили Россию в первой половине 90-х гг. (8). Спонсируемые американским

правительством, идеологическими организациями, различными фондами и институтами, они проникали повсюду, где существовал материал для «новообращения», – от политических движений, профсоюзов, средств массовой информации и школ до офисов самого российского правительства. Среди прочих миссионерских деяний американцев было финансирование нужных российских политиков, инструктаж министров, составление проектов законов и указов президента, написание новых учебников и перевыборы президента Ельцина в 1996 г. (9).

Конечно, чтобы сохранить лицо, всё это делалось в довольно дипломатической форме. И уж точно никогда (или почти никогда) администрация Клинтона не допускала столь откровенно миссионерских высказываний, как то, что сделал бывший советник по национальной безопасности, заявивший, что «экономическая и даже политическая судьба России... сегодня всё более зависит от Запада, de facto играющего роль распорядительного директора по банкротству». Не была администрация Клинтона и столь категорична, как анонимное программное письмо, распространявшееся в Вашингтоне в 1993 г.: «Ключ к демократическому возрождению [России] больше ей не принадлежит. Он в наших руках» (10). Наоборот, официальные лица из администрации время от времени специально подчёркивали (обычно тогда, когда крестоносцы терпели неудачи): «Русские сами должны решать. Мы не можем это делать за них».

Но, заявляя так, администрация думала и действовала совершенно иначе. Это подтверждалось и жестким кон-

тролем за соблюдением «наших (т. е. американских) условий»; и словами американского посла, хвастливо заявившего в 1996 г., что «без нашего руководства... Россия сегодня была бы иной»; и свидетельством дипломатического источника о том, что вице-президент Альберт Гор, игравший ведущую роль в этой политике, «взялся заново придумать Россию». И даже в 1999 г. один из главных вдохновителей крестового похода продолжал восторгаться: «Наша политика в отношении России должна быть светом маяка... С помощью этого света они смогут найти себя» (11).

К тому времени крестовый поход уже давно захлебнулся, столкнувшись с российской действительностью. (Одним из прямых результатов его стало усиление антиамериканских настроений до невиданных размеров. Во всяком случае, за сорок лет, которые я изучаю и посещаю Советскую и постсоветскую Россию, я такого ещё не видел).

Провал клинтоновской политики есть тема отдельного осуждения, и мы к ней ещё вернемся в последней части этой книги. Мое мнение, как будет понятно из дальнейшего, состоит в том, что это была крупнейшая катастрофа американской внешней политики поиле Вьетнама, последствия которой могут быть ещё более длительными и губительными.

Однако, для того, чтобы судить об этом провале, нужны точные критерии. После распада в 1991 г. Советского Союза первоочередной заботой американских политических деятелей стали гарантии контроля за гигантским российским арсеналом ядерного и другого оружия массо-

вого поражения, а такие гарантии им могла дать только Россия процветающая, политически стабильная, мирно и тесно сотрудничающая с США по наиболее животрепещущим международным проблемам. Начался XXI век, но Россия и российско-американские отношения явно далеки от нарисованного идеала.

Столь же эффектное поражение потерпели и финансовые специалисты по посткоммунистической России, и по сходным причинам. Они с азартом кинулись в этот великий крестовый поход, который для них означал «зарождение российского рынка». Используя «лучшие умы, какие только могли собрать Уолл-стрит и Вашингтон», они также намеревались построить «нью-Америку» на Москве-реке. Среди этих «лучших умов» был и Джордж Сорос – миллиардер, финансист и филантроп, который пообещал лично «направить средства для разрешения сегодняшних проблем российской экономики» (12).

Американские инвесторы по-своему тоже были миссионерами, как и администрация Клинтона. «Известные американские советники по инвестициям распределили по пакетам большую часть предложений по российским облигациям», – напоминает нам бывший корреспондент «Wall Street Journal». И он же: «Американские брокеры написали книгу о том, каким им видится промышленное возрождение России». Предложения, которые они рассылали потенциальным клиентам, перекликались с высказыванием одного американского бизнесмена, уже обосновавшегося в Москве: «Это рай для предпринимателя. Бог весть, когда ещё эта страна... станет похожа на Соединён-

ные Штаты». Вот почему «вслед за американскими инвесторами, возглавившими натиск» (13), в Россию устремились также толпы искателей лёгкой наживы с Запада.

Масштабы поражения этого крыла крестового похода имеют количественное выражение, во всяком случае, приблизительное. По отчётам западных банкиров и инвесторов, только в результате российского финансового кризиса в августе 1998 г. они потеряли от 80 до 100 миллиардов долларов, что явилось крупнейшим в истории единовременным ущербом. (Один Фонд Сороса потерял 2 миллиарда долларов, а ряд мелких фондов полностью обанкротились). Поражение американских финансистов в посткоммунистической России выразилось и в другом. Их проекты и предприятия дали жизнь грандиозным схемам отмывания денег и прочим сомнительным сделкам (14).

Нечем особенно гордиться и большинству американских журналистов, писавших о России в 90-е гг. А ведь их предупреждали и предупреждали давно. На заре коммунизма в России Уолтер Липман и Чарльз Мерц опубликовали анализ освещения в американской прессе событий революции 1917 г. и последовавшей гражданской войны между красными и белыми, ставший превосходным пособием для изучения журналистского непрофессионализма. По мнению Липмана и Мерца, репортажи носили «почти катастрофический» характер, а «результатом почти всегда было введение в заблуждение». Причину же этого они усматривали, главным образом, в том, что американские корреспонденты и редакторы были абсолютно уверены в правоте своего правительства, объявившего крестовый

поход против красных, и потому видели «не то, что было, а то, что люди хотели видеть» (15).

Спустя семь десятилетий, история повторилась. Большинство журналистов, пишущих для влиятельных американских газет и журналов поверили в крестовый поход, объявленный администрацией президента Клинтона, во имя обновления России. Подобно обозревателю «Washington Post», они быстро «встали на сторону Ельцина». Подобно московскому корреспонденту «Business Week», они поверили в «либеральную альтернативу» и в «работу, которую начали Ельцин и его либеральные реформаторы». Подобно международному обозревателю «New York Times», они не сомневались, что России нужна «та же базовая модель», что и у Америки, и вслед за корреспондентом той же газеты постоянно беспокоились, не свернёт ли Россия на путь собственных сумбурных замыслов. Некоторые были настроены ещё более воинственно. Так, для одного давнего корреспондента «Washington Post» посткоммунистический крестовый поход – ещё одна страница в холодной войне, которая «на самом деле ещё не выиграна» (16).

Если не брать во внимание обилие фактических ошибок, первой жертвой, как и предупреждали Мерц с Липманом, стала профессиональная объективность. Московские корреспонденты, судя по обзору 1996 г., были склонны глядеть на события в России «сквозь призму собственных ожиданий и убеждений». Тремя годами позже рецензент книги, написанной бывшим корреспондентом, пришёл к выводу, что «откровенно неверные представления» автора

проистекают из его личных ожиданий в отношении России, «что заставляло его принимать видимость за реальность и желаемое за факт» (17).

Подобные ожидания и опасения породили тот тип освещения российских событий американской прессой, который можно было бы назвать манихейским, т. е. одномерным (в лучшем случае) и основанным в основном на оценках, предлагавшихся американскими официальными лицами. (Как разъяснял корреспондент «Washington Post», определяющую роль во всей этой эпопее играли «стандарты МВФ по превращению в нормальную страну с рыночной экономикой» (18)). На стороне добра, по этим оценкам, были президент Ельцин и его последователи в лице крестоносцев-«младореформаторов», иногда именуемые «гигантами демократии»: Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Борис Немцов, Сергей Кириенко. На стороне зла были силы, неизменно выступающие против реформы: коммунисты, националисты и прочие политические драконы, притаившиеся в зловещей пещере парламента. Глава за главой, эта сказка рассказывалась вновь и вновь в течение почти десяти лет, и всегда с позиции «реформаторов» и их западных сторонников, бывших одновременно и первоисточником. По мнению одного известного российского журналиста, это был «сплошной обман» (19).

Казалось, что во всей огромной России не было иных достойных политических фигур, помимо Ельцина и его команды. Пускай большинство россиян считало «шоковую терапию» и другие мероприятия этой команды экстремизмом, для американской прессы Ельцин был един-

ственным оплотом страны от «экстремистов как справа, так и слева» (20). Для реформаторов не-ельцинского толка просто не оставалось места. Когда один из них, Григорий Явлинский, во время президентской кампании 1996 г. попытался пойти против Ельцина, американская пресса пригвоздила его к позорному столбу: «История припомнит, кто всё испортил, если дела демократии пойдут плохо». В то же время, какой бы ни была политическая биография человека, если его выдвигал Ельцин, он автоматически превращался в «одного из демократов», «подлинного реформатора» с «чистыми руками». Так было и с Владимиром Путиным, сделавшим карьеру в органах КГБ и назначенным Ельциным своим преемником (21).

Продолжая придерживаться манихейских заповедей при описании реальности (однобокость при заведомой противоречивости самой реальности), американские журналисты превратились в проводников политики Белого дома и «группу поддержки» действий ельцинского Кремля. Ещё в 1993 г. даже проамерикански настроенный русский считал «пропагандой» то, что американские средства массовой информации сообщали о России. В 1996 г. нечто подобное заявил один нью-йоркский обозреватель, сетовавший на то, что газетные репортажи превратились в «зеркало двойного мышления Госдепартамента». А один известный американский историк даже написал, что проельцинизм прессы напоминает ему «коммунистических попутчиков 30-х гг.», только с обратным идеологическим знаком (22).

Американские журналисты, к примеру, создали культы тех российских политических деятелей, которых американское правительство избрало для воплощения своей политики. Феноменальный культ Ельцина начала 90-х гг. («куда Ельцин, туда и народ»), оказался, правда, основательно подорван просчётами его политики и причудами поведения. Но даже в 1999 г. он оставался, согласно мнению «New York Times», «ключевой фигурой в ряду защитников российских демократических реформ, с таким трудом завоеванных», и «огромным благом для США» (23).

Что же касается ельцинских «младореформаторов», то, несмотря на все провалы их политики и сомнительный моральный облик, их репутация (в США), похоже, вообще не пострадала, а если и пострадала, то ненадолго. Возьмём, к примеру, Чубайса, которого в американских официальных кругах считают «полубогом» и лидером «экономической dream team» (24). Даже после нашумевшей истории с «коробкой из-под ксерокса» (когда он приказал скрыть финансовое преступление своих помощников в Кремле) «New York Times» устами своего корреспондента уверяла читателей, что «Чубайс готовит сценарий следующего этапа российской демократической революции». И даже после того, как стало известно, что свои приватизационные программы, осуществляемые, в том числе, за счёт рыночных сделок, он превратил в источник личного обогащения, он оставался, по мнению другого корреспондента «New York Times», «крестоносцем свободного рынка» и настоящим «Элиотом Нессом рыночной реформы» (25). Надо сказать, что «New York Times» не была

одинок в своих репортажах. В 1999 г. два американских журналиста пришли к выводу, что московское бюро «Wall Street Journal» играло роль «несколько бóльшую, нежели просто проводника пиара для коррумпированного режима» (26).

Имели место злоупотребления и более существенные, с точки зрения американских ценностей. В 1993 г. редакторы и обозреватели американских газет практически единогласно поддержали администрацию Клинтона, открыто ставшую на сторону Ельцина в его противостоянии с парламентом, приветствовали разгон, а затем и расстрел законно избранного органа. Представленные объяснения были информационно скупы и морально корректны. Утверждая, что «было бы не только целесообразно, но и нужно поддержать недемократические меры», журналисты, по сути, реабилитировали принцип «цель оправдывает средства» – тот самый, который так долго ассоциировался как раз с советскими коммунистами и который был ими глубоко дискредитирован: «Нельзя приготовить омлета, не разбив яиц» (27). Даже Дума, следующий парламент, избранный на основе уже ельцинской конституции, стала объектом нападков со стороны американской прессы, как будто без законодательного органа, с одним президентом и его назначенцами, Россия была бы более демократическим государством (28).

Следующий пример подчёркивает неуместность большинства американских репортажей о посткоммунистической России и полное безразличие их авторов к судьбе страны, население которой (даже по сведениям одной не

очень официозной московской газеты) подвергается эксплуатации и разорению невиданными прежде способами. Говоря о жестоких последствиях экономической «шоковой терапии» для рядовых граждан, ещё один прозападно настроенный российский учёный высказал сожаление, что «у корреспондентов, пишущих из Москвы, нет желания взглянуть в глаза трагической российской действительности». Как сходным образом выразился позднее журналист агентства Рейтер, «боль при редактировании вымарывается» (29).

Конечно, темы бедности и проблем здравоохранения присутствовали в американских репортажах, но обычно лишь в качестве дополнения к главному сюжету о российском переходном периоде и наследии коммунистического прошлого. С презрением встречали американские журналисты любые российские предложения о постепенных, «несколько менее болезненных реформах», от кого бы они ни исходили, будь то вице-президент Руцкой в 1993 г. или премьер-министр Примаков в 1998–1999 гг. (30).

Однако, несмотря на катастрофические последствия «шоковой терапии» 90-х гг. в России, в середине 2000 г. американские журналисты, политики и учёные очень надеялись, что при Путине Россия получит новую, более крепкую дозу, хотя и беспокоились, что рядовые граждане «могут быть не готовы принять этот план». Основанием для подобных надежд было возвышение Германа Грефа, нового министра экономического развития и торговли, сменившего Чубайса на посту главного «молодого реформатора» страны. Предложенная им политика, по всей ви-

димости, получила одобрение Путина. И хотя предложения Грефа были направлены лишь на то, чтобы сделать и без того обедневшее российское большинство ещё беднее, а горстку богачей – ещё богаче, американские комментаторы на все лады расхваливали «превосходную программу».

Помимо введения 13% единого подоходного налога, исчисляемого по регрессивной шкале (во всех демократических странах фиксированный налог считается несправедливым для всех, кроме богатых, и потому отвергается, однако американская пресса признала его вполне приемлемой демократической «реформой» для России), программа Грефа предусматривала существенное сокращение имеющихся социальных гарантий, в том числе жилищно-коммунальных льгот, рост цен и угрозу свести на нет и без того мизерные пенсии. Так, хотя в 2000 г. большинство россиян с трудом могло оплатить предоставляемые им жилищно-коммунальные услуги, корреспондент «New York Times» счёл цены на эти услуги «возмутительно низкими» и приветствовал реформы Грефа, которые назвал «значительно более смелыми, чем любые планы, которые западные правительства когда-либо пытались протолкнуть, минуя подозрительных избирателей» (31).

Подобно приснопамятным советским журналистам, американские корреспонденты оправдывают лишения, которые сегодня претерпевает Россия, будущими дивидендами, абстрактным «светлым будущим». По мере того, как страна всё глубже погружалась в пучину экономического кризиса и нищеты, они продолжали твердить, вслед

за Кремлем и Вашингтоном, что экономический подъем и стабильность вот-вот наступят. (Обычно цитируют вице-президента Альберта Гора, якобы заявившего в марте 1998 г.: «Оптимизм является повсеместно преобладающим чувством среди тех, кто знаком с тем, что происходит в России») (32).

Буквально накануне финансового краха 1998 г. (и даже после, как будет видно в дальнейшем) они продолжали убеждать читателей в том, что Россия являет собой пример «замечательного успеха». И даже признание Путина о необычайных масштабах нищеты в стране не привлекло внимание американских репортёров к этой проблеме (33).

Понятно, что «страшные и мрачные» истории о невыплаченных зарплатах и пенсиях, недоедание населения и упадке российской провинции, где, по свидетельству российского журналиста, царит всеобщее отчаяние, не привлекали американских корреспондентов. (Так, корреспондент «Newsweek» посоветовал беднякам жить на одном хлебе: «могло быть и хуже») (34). Нечасто фигурировали в их репортажах и отчаянные акты протеста, имевшие место по всей стране. И уж совсем без внимания остались те методы, которыми «правительство реформы» лишило российских рабочих прав и гарантий, которые они имели при Советской системе. Вместо этого американские журналисты предпочитали искать подходящие «метафоры для российских метаморфоз» (35) – обычно в той чрезвычайно тонкой прослойке московского общества, которая преуспела за годы преобразований, от финансовых олигархов до яппи, расплодившихся в Москве благодаря обилию представительств западных фирм.

Так, один недавний корреспондент, а затем обозреватель «Washington Post» предложил именовать новых русских, получивших наибольшие выгоды от перераспределения государственных благ, прогрессивными «бэбимиллионерами», а «Wallstreet Journal» – «русскими биллами гэйтсами» (36). Другие, например, редактор «New York Times», тоже бывший московский корреспондент, считали, что «одно из лучших мест, где можно лицезреть новую Россию, – открытая терраса “Макдональдса”. Она является меккой для богатых молодых москвичей, прибывающих туда на своих “Джипах Чероки” и “Тойотах Лэнд Крузер”, с мобильными телефонами в руках» (37). В то время реальная заработная плата в среднем по России составляла около 60 долларов в месяц и продолжала падать.

Неудивительно, что подавляющее большинство читателей американской прессы оказалось неподготовленным к восприятию экономической катастрофы и череды финансовых скандалов, разразившихся в России в конце 90-х гг. К примеру, читатели «New York Times», должно быть, с изумлением узнали (причём даже не от специалиста по России), что, вопреки предыдущим публикациям газеты, «вся политическая борьба в России в 1992–1998 гг. была борьбой между различными группировками за право контроля над государственной собственностью», а демократия и рынок были здесь не при чём (38).

Милосердия ради, можно было бы попытаться найти оправдание для всех этих горе-специалистов по России. Политических деятелей, наверное, подвела политика, инвесторов – жажда выгоды, журналистов – жесткие сроки

подготовки материалов и редакторские ожидания. К тому же, для большинства из них Россия не была делом всей жизни, они мало знали о стране и зачастую даже не владели русским языком. (Последнее обстоятельство объясняет вопиющее отсутствие ссылок на местную прессу у большинства американских корреспондентов, аккредитованных в Москве.)

Но как тогда объяснить провал подлинных специалистов, университетских и институтских учёных, жизнь свою посвятивших изучению России и, казалось бы, неподвластных влиянию финансовых и политических соображений. Начнём с того, что откажемся от двух заведомо ложных посылок: учёные застрахованы от элементарных фактических ошибок, и они редко принимают участие в публичных делах.

Рассмотрим два примера вопиющих ошибок. В 1993 г. два публикующихся в «New York Times» уважаемых профессора, стремясь очернить антиельцинский парламент, умудрились спутать свободно избранный в 1990 г. Верховный Совет РСФСР с куда менее демократично избранным Верховным Советом СССР образца 1989 г. А в 1999 г., когда широкую огласку в Москве получили случаи нечестных коммерческих сделок, Русский центр Гарвардского университета заплатил огромную цену за эксклюзивные копии архивных документов советской эпохи, а потом обнаружилось, что копии тех же документов давно имеются в другом американском исследовательском центре (39).

Политическая ангажированность также всегда являлась отличительной чертой науки о России. Во время хо-

лодной войны 1960–1980-х гг. научные специалисты по России играли заметную роль в многочисленных дискуссиях в Конгрессе и в средствах массовой информации по вопросам политики разрядки и горбачёвских инициатив. Ряд университетских профессоров даже официально числился в штате Белого дома и Госдепартамента во время правления и демократической, и республиканской администраций (40). Воздействие учёных на восприятие американцами российской действительности было многократно усилено за счёт связи с влиятельными журналистами. Нередко перед назначением московские корреспонденты слушали курсы известных российских учёных, читали их книги, а затем консультировались с ними по поводу своих репортажей.

Однако, если раньше в более или менее равной степени были представлены обе позиции (*pro* и *contra*), то в 90-е гг. подавляющее большинство специалистов по современной российской истории и политике разделило точку зрения американского правительства и прессы на посткоммунистическую Россию. Неудивительно, что они оказались в такой чести у влиятельных газет и журналов, с удовольствием публиковавших их статьи, рецензии и ссылки на их книги. Но они были не просто «миссионерами из неоконсервативного научного лагеря», как охарактеризовал их один британский учёный; они представляли определённый политический лагерь. Между тем, та часть специалистов по России, которая всеми силами стремилась отмежеваться от «американских адвокатов Ельцина», оставалась незаметной, неслышанной и невостребованной (41).

В результате, большинство комментариев, сделанных в прессе специалистами по россиеведению и другим родственным дисциплинам, и по содержанию, и по интонации мало чем отличалось от комментариев журналистов. Подчас научные комментарии отличались даже большей «идейностью» и большим миссионерским порывом. Учёные были уверены в необходимости для России «западной экономической стратегии» и «западного присутствия» в широких масштабах под руководством США. Мнение, что Америка должна воспользоваться предоставленным ей шансом «изменить традиционную схему русской истории», без сомнения, было общим (42).

И, подобно американским политикам и журналистам, большинство учёных, конечно, считало Бориса Ельцина единственным «гарантом реформ» в России. Один историк из университета Беркли даже поставил его в один ряд с Петром I, Джоном Локком и Томасом Джефферсоном (43). Оппоненты Ельцина, даже не являющиеся коммунистами, были однозначно отвергнуты как «реформаторы-волынщики», «старореформаторы», «вредители» и «возмутители недовольной черни» (44).

События 1993 г. стали своеобразным моральным тестом и для университетских профессоров. Считая, что «давно назрела» необходимость действовать, они побуждали Ельцина отбросить «политическую корректность» и «свергнуть» избранный парламент, или, как советовал один гарвардский историк, «прибегнуть к методам, неприемлемым на Западе». А чтобы кто-нибудь не усомнился в достаточной для этого легитимности Ельцина, один

йельский специалист по конституции сравнил его с Джорджем Вашингтоном, причём сравнение было в пользу Ельцина (45).

Это был позорный эпизод в истории академического руссиеведения, но не главный, с точки зрения участия в коллективном американском безумии 90-х гг. Гораздо большее значение имело то, что учёные сумели подвести историческую и юридическую базу под главную лже-идею американского крестового похода – о переходе России от коммунизма к капитализму и демократии американского типа. Эта идея «перехода» не только придала осмысленность американской политике, но и обеспечила прессу – материалом для публикаций, а учёных – новой парадигмой для исследований, грантов и, в конечном счёте, для своей карьеры.

«Холодный мир»?

Ноябрь 1992 г.

В 1992 г., впервые по крайней мере за 50 лет, отношения с Россией не были проблемой, поднимавшейся в ходе американской президентской кампании. Фактически Россию почти и не упоминали. Если вспомнить о тлетворном влиянии, которое оказывала в течение многих лет политика холодной войны, то это можно считать хорошей новостью. К сожалению, однако, в основе лежало ложное и потенциально опасное убеждение, что с концом Советского Союза в 1991 г. Россия и США оставили позади все свои

длившиеся десятилетиями конфликты и вступили, как заявили на своей встрече в июне Борис Ельцин и Джордж Буш, «в новую эру дружбы и партнёрства». На самом деле никакой «новой эры» нет, и провозглашение её на высшем политическом уровне и в средствах массовой информации может породить ещё один идеологический миф из тех, что многие годы препятствуют установлению стабильных отношений между двумя ядерными гигантами. Политический горизонт уже затягивается тучами серьёзных конфликтов в российско-американских отношениях, которые неизбежно скажутся на внутренней политике. Между тем, ни один из кандидатов в американские президенты, включая Билла Клинтона, ни словом не намекнул, как будет действовать в случае подобного конфликта и как это может отразиться на его предвыборных обещаниях.

Теперешний образ посткоммунистической России как лучшего друга Америки и её близкого партнера основывается на многих неверных представлениях о постсоветском развитии или даже на полностью неверной его картине. Этот образ в основном строится на предположении, что русская внутренняя и внешняя политика вдохновлена США или по меньшей мере глубоко проамериканская. Он предполагает прежде всего, что Россия принимает демократию и капитализм западного типа, избегает имперской политики по отношению к другим бывшим советским республикам и фактически вступает в союз с США в мировой политике, включая политические проблемы, связанные с ядерным оружием. Между тем все эти сферы

русской политики характеризуются путаницей, противоречиями и неопределённостью, но ни в одной из них и близко нет того, что отвечало бы американским представлениям о «правильной» российской политике.

Процесс демократизации России, начавшийся при бывшем президенте СССР Михаиле Горбачёве, после гибели коммунистической партии и ликвидации Советского Союза практически не продвинулся вперед. Можно сказать, что на деле он даже пошел вспять, в немалой степени из-за широко применяемой президентом Ельциным практики управления посредством президентских указов и его кампании по восстановлению «сильной исполнительной власти» за счёт парламента и местного самоуправления. Одновременно элита, совершенно не заинтересованная в дальнейшей демократизации (прежде всего – директора монополистических государственных предприятий и руководство армии и службы безопасности), вновь приобрела власть в посткоммунистической политической системе и в окружении самого Ельцина. В лучшем случае, можно сказать, что процесс демократизации оказался замороженным почти на год, не самый добрый знак в стране, где демократия только-только оперяется. Даже если оставить в стороне до сих пор живущие в обществе авторитарные традиции, Россия до сих пор не имеет настоящей Конституции, разделения компетенции между исполнительной и законодательной властями, независимой судебной власти, регулярных выборов, многопартийной системы, привычки к политическому диалогу и свободной прессы, способной обходиться без государст-

венных субсидий. В отличие от американских энтузиастов немногие из убеждённых российских демократов теперь называют существующий режим демократическим. Даже некоторые сторонники Ельцина признаются, что не верят в торжество демократии при нынешнем российском президенте.

В экономической жизни России, хотя и судорожно и болезненно, идёт процесс становления рынка. Но очень не похоже, что он ведёт к «свободному капиталистическому рынку», как этого хотят западные энтузиасты новой России. Шоковая терапия прыжка в капитализм, которой в начале этого года под давлением западных правительств и банков подвергли русское общество Ельцин и его главный министр Гайдар, не достигла ни одного из желаемых результатов. Вместо этого она привела к бурному и постоянному росту цен на потребительские товары, дальнейшему падению курса рубля, обеднению большинства русских семей, резкому спаду промышленного производства и продолжающемуся снижению народной поддержки либеральных экономических и политических реформ, да и самого Ельцина – первого и единственного в русской истории избранного народом руководителя. (По опросам общественного мнения, его положительный рейтинг сегодня не превышает 30% и уступает рейтингу его вице-президента Александра Руцкого, который с самого начала был против «шоковой терапии»). И если для своих западных приверженцев Ельцин продолжает произносить про-капиталистические речи, то у себя в стране он неуклонно движется от гайдаризма к совершенно иной программе

своих самых серьёзных противников – коалиции «Гражданский союз», сплотившей руководителей государственных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, националистически настроенных офицеров, бывших коммунистических реформаторов и отошедших от радикализма радикалов. Эта программа призывает к специфически русской «смешанной экономике», «регулируемому рынку», с любовью смотрит на «китайскую модель» постепенной экономической реформы без демократизации и с презрением отзывается о МВФ и других предполагаемых западных архитекторах будущей России. При 90% экономики, всё ещё находящихся в руках государства, в России, бесспорно, будет доминировать политика «Гражданского союза», а совсем не та, на которой настаивают и которую ожидают США.

Отношения России с другими бывшими советскими республиками, по всей видимости, также не будут в обозримом будущем, да и вообще когда-нибудь, напоминать отношения между США и Канадой. Несмотря на резкое политическое размежевание, наступившее после 1991 г., многие из четырнадцати бывших советских республик всё ещё привязаны к России мощными узлами – такими, как незаменимые экономические связи, суровые военные реальности и нерасторжимые человеческие связи в виде больших этнических диаспор и смешанных браков. Неудивительно, что опросы показывают растущую ностальгию русских по старому союзу, а некоторые лидеры нерусских республик всё громче призывают к новому союзу. Если эти тенденции продолжатся, то небеспочвенное ут-

верждение противников раскола о том, что Советский Союз на самом деле не «рухнул» в декабре 1991 г., а был уничтожен в результате заговора со стороны Ельцина и его украинского и белорусского союзников, может стать неотразимым аргументом в российской политике.

Не меньшее значение имеет взрывоопасное сочетание 25 млн русских, живущих в бывших советских республиках вне России, и российской армии, которая продолжает находиться на этих территориях. Так или иначе эта армия уже вовлечена по крайней мере в четыре гражданские войны вне России – в Молдове, Грузии, Таджикистане и армянском анклав в Азербайджане – Нагорном Карабахе. И если число и интенсивность гражданских войн в бывших советских республиках будут расти, что очень вероятно, то вместе с этим будут расти имперская роль русской армии и потенциал новой русской гегемонии. (Почему-то в американских средствах массовой информации редко упоминают заявление бывшего советского министра иностранных дел, а ныне президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе, сделанное им в октябре 1992 г., о том, что «война между Россией и Грузией, по сути... уже идёт»). В Эстонии и Латвии, где российское меньшинство оказалось лишено гражданских прав, оставшиеся элементы российской армии ведут себя довольно агрессивно, а 29 октября Ельцин отдал приказ о приостановке вывода войск из Прибалтики. Не решёнными остаются и многие взрывоопасные вопросы взаимоотношений России с Украиной.

Американские учёные и политики обычно думают, что за подобным «советским» поведением стоят российские

сторонники «жёсткого курса», но и российские лидеры с демократическими убеждениями из окружения Ельцина не чужаются такой политики. Вице-президент Руцкой является, возможно, самым ярким защитником военных интересов России за её пределами, но и глава внешнеполитического комитета в парламенте Евгений Амбарцумов – радикальный демократ, в своё время порвавший с Горбачёвым ради Ельцина – заявил недавно, что России нужна своя «доктрина Монро», обеспечивающая ей гегемонию на всей территории бывшего Союза. Подобные настроения присущи сегодня многим из тех, кого мы называем российскими демократами. Но хотели бы Соединённые Штаты видеть исторически сложившуюся систему своих взаимоотношений с Латинской Америкой в качестве модели для отношений посткоммунистической России с бывшими советскими республиками?

Наконец, совершенно нелепой является идея, что Россия теперь в международных делах будет следовать за Америкой – как будто конфликты с США могут быть только у марксистов-ленинцев. Внешняя политика, осуществляемая под руководством министра иностранных дел Андрея Козырева, сурово критикуется во многих политических кругах России как раз за то, что до последнего времени она производила впечатление «изготовленной в США». Американские комментаторы указывают на бывших коммунистов (кто из людей, находящихся теперь у власти в России, не бывший коммунист?) и других сторонников «жесткого курса». Но наиболее яркими критиками были как раз лидеры, которых мы идентифицируем

с демократами, в том числе Амбарцумов, депутат-антикоммунист Олег Румянцев, помощник Ельцина Сергей Станкевич и посол России в США Владимир Лукин, недавно выступивший с протестом против «инфантильного проамериканизма» в российской политике.

Очень трудно представить себе, что исход этой борьбы будет таким, на который надеются американские политики и комментаторы. Несмотря на хвастливые заверения Буша во время предвыборной кампании, ни одна из проблем, связанных с ядерной угрозой, на самом деле не была решена. Они были только прикрыты бумагами. Соглашение ОСВ-2, которое, если будет подписано, обещает существенные сокращения вооружений, ещё вызовет борьбу за ратификацию в российском парламенте. А если принять во внимание проблему плохо контролируемых ядерных реакторов и возможность захвата тактического ядерного оружия на бывших советских территориях, то мы должны признать, что ядерная угроза сейчас больше, чем при советском режиме.

Достаточно ли самого факта антикоммунистического правительства в Москве для того, чтобы ослабить американские страхи по поводу этой угрозы? Американские средства массовой информации достаточно много места и негодования уделили факту недавних продаж Россией своей стратегической технологии и оружия Китаю, Ирану и Индии, но почему-то не обратили внимания на потрясающее откровение, сделанное в сентябре маршалом Шапошниковым. Оказывается, российские межконтинентальные ракеты, которые в начале этого года якобы были

перенацелены по приказу Ельцина с территории США, на самом деле перенацелены не были, в частности потому, объясняет Шапошников, что Америка не взяла на себя аналогичного обязательства. Ситуация вполне понятная, но далёкая от «дружбы и партнерства». Сюда же можно отнести и предупреждение, сделанное в октябре министром обороны России Павлом Грачевым, о том, что Россия может возобновить в середине 1993 г. проведение ядерных испытаний, если США не примут свой закон о запрете испытаний.

Что касается соперничества на международной арене, то Россия, очевидно, будет стремиться к хорошим отношениям с западными державами. Но достаточно ли этого, чтобы удовлетворить идеологические ожидания Америки? По мере того, как в условиях прекращения глобальной холодной войны будут усиливаться расхождения между США и их западноевропейскими союзниками, перед Россией откроются большие дипломатические и экономические возможности. Она может найти на своём собственном континенте более близких друзей и лучших партнеров, чем США.

Символизм следующего факта также заслуживает внимания: Ельцин не счел возможным поехать в сентябре в прозападную Японию, хотя этот визит давно готовился, но зато объявил о намерении посетить в декабре соседний Китай – последнюю великую коммунистическую державу.

Ни одна из этих «неамериканских» тенденций в российской внутренней и внешней политике не ведёт к возоб-

новлению холодной войны, которая была продуктом в основном исчезнувших исторических факторов. Но они означают, что советско-американские отношения, основанные на «дружбе и партнёрстве», на одинаковых национальных ценностях и интересах, – это новый миф и в высшей степени невероятная перспектива.

Какова же альтернатива? Многое, как и раньше, зависит от наших собственных восприятий и реакций, и здесь тоже таится большая опасность. Дело в том, что Россия мыслится сегодня американскими политиками и политологами почти исключительно в миссионерском контексте, основанном на предположении, что Соединённые Штаты могут и должны помочь превратить это принципиально иное общество в слепок с американской системы. При всём разнообразии будущих перспектив России, американизация явно не входит в их число. Недавние российские события были обусловлены не столько чьей-то злой политической волей, непониманием законов рынка и демократии или губительным влиянием сторонников «жёсткого курса», сколько глубоко укорененными традициями и сложившимися обстоятельствами. Одна из этих традиций – вера в особую судьбу России – уже привела к протесту против основанной на помощи Запада ельцинской экономической политики и её болезненных последствий, а также против многочисленных западных «советников», наводнивших Россию.

Какова же будет реакция наших политиков и тех, кто формирует у нас общественное мнение, когда русская реальность опровергнет (а это неизбежно произойдёт очень

скоро) распространённые сейчас мифы об американском посткоммунистическом друге и партнере? Если миссионерская политика продолжится, нетрудно предсказать обратную реакцию: в лучшем случае это будет реакция цинизма и безразличия к российским бедам, в худшем – чувство предательства и возрождения установок холодной войны. В любом случае первой жертвой этой реакции станут перспективы существенного уменьшения американских военных расходов, тот «дивиденд мира», который мы получили после холодной войны.

Необходимой альтернативой является тот откровенный и основанный на здравом смысле разговор, которого так не хватало в президентской кампании. Реформирующаяся и стабильная Россия, живущая в мире со своими соседями, – это важнейший интерес Америки, но такая Россия может найти свой путь, исходя только из своих собственных, а не наших традиций и возможностей. Такое реформирование не нуждается в нашем политическом менторстве, но требует нашей финансовой поддержки. И если США не примут этого первого принципа посткоммунистической политики, то за холодной войной, вполне вероятно, наступит очень холодный мир.

«Nation», 23 ноября 1992 г.

P.S.

Я не собираюсь брать патент на авторство термина «холодный мир» и даже не уверен, что я был первым, кто употребил его в данном контексте, но он впоследствии

стал часто мелькать в американской и российской прессе и, что примечательно, – даже прозвучал в заявлении президента Бориса Ельцина. (Моя статья была опубликована в Москве, на русском языке и под тем же заголовком) 5 декабря 1994 г., протестуя против планов администрации Клинтона по расширению НАТО на восток, Ельцин предупредил об опасности сползания Европы в «холодный мир» (9). (Не могу сказать, что я испытываю удовольствие от того, что выражение впоследствии употреблялось столь часто и порой не к месту).

Посмотрим теперь, как развивались другие сюжеты статьи. «Гражданский союз» вскоре распался, как и большинство других «центристских» движений- его преемников, лишь в конце 90-х гг. получивших поддержку. Однако его программа «смешанной экономики» находила всё больший отклик в обществе. Российская армия покинула страны Балтии и Украину, но её части ещё оставались в ряде других республик, наряду с опасностью возникновения гражданских войн. Так, например, во время чеченской войны 1999–2000 гг. военные отношения России с Грузией, граничащей с Чечней, как никогда, обострились.

В январе 1996 г. Ельцин заменил демонстративно проамерикански настроенного и непопулярного Андрея Козырева Евгением Примаковым на посту министра иностранных дел. «Радикальный антикоммунизм» Олега Румянцева закончился в октябре 1993 г. по причинам, которые станут вскоре понятны читателю. Бывший помощник Ельцина Сергей Станкевич позднее был обвинён в получении взятки и скрылся в Польше. (Последовавшие

перемены привели к тому, что в 1999 г. Станкевич вернулся в Россию). Посол в США Лукин тоже вернулся в Москву, где стал вторым человеком после Григория Явлинского в партии демократических реформ «Яблоко».

Три бывшие советские республики, обладавшие стратегическим ядерным оружием, – Украина, Казахстан и Беларусь – действительно вернули его России. Но окончательная ратификация договора ОСВ-2, подписанного в 1993 г., должна быть произведена российским парламентом в 2000 г. К тому же новый союз России и Беларуси не исключает возможности обратного перемещения ядерного оружия на просторы самой западной из бывших советских республик. Ракеты обеих сторон были в конце концов перенацелены, но это был не более, чем символический акт, поскольку возвращение к первоначальным целям – дело нескольких секунд. Действительно значительным шагом было бы лишить ракеты обеих сторон статуса «спускового крючка», слишком чувствительного к прикосновениям.

Что касается разногласий между США и их партнёрами по НАТО, способствовавших дальнейшему сближению России и Европы, то расширение НАТО в 1998 г., его война против Югославии в 1999 г., а также новая война России в Чечне в 1999–2000 гг. предотвратили возможность разрыва. Однако подобная возможность вполне может возникнуть в будущем, о чём я буду говорить дальше в книге.

Провал американского крестового похода.

Февраль 1994 г.

С посткоммунистической Россией связан самый крупный и, одновременно, самый предсказуемый провал внешней политики США конца XX века. Всё, чего мы желали для страны, имеющей столь большое значение для американской безопасности: демократия, процветающая экономика, прозападный политический истеблишмент, существенное сокращение ядерных вооружений и гарантия ядерной безопасности, – свелось на нет усилиями самого американского правительства.

Американские политики и учёные запоздало заговорили об этом провале, но и они ещё не имеют полного представления о его действительных масштабах и причинах. Вопрошая «Кто потерял Россию?» и тыча друг в друга пальцами, рьяные приверженцы глубоко ошибочной политики, начатой при Буше в 1992 г. и получившей дальнейшее развитие при Клинтоне в 1993 г., утверждают, что эта политика провалилась, потому что Запад не обеспечил российских реформаторов достаточной и своевременной финансовой помощью. В своём самооправдании они не учитывают тех уроков, которые нужно обязательно извлечь и усвоить, если мы не хотим, чтобы американская неудача в России обернулась крупномасштабной катастрофой.

Ошибочной, как я неоднократно повторял, была уже сама базовая посылка американской политики, начиная с 1991 г.: о том, что США могут и должны вмешаться во

внутренние дела России, для того, чтобы превратить её в американскую копию и послушного партнёра. Эта безумная миссионерская идея почти полностью противоречила российским традициям, а также реалиям и возможностям сегодняшнего дня, и потому была контрпродуктивной.

Характерно, что Соединённые Штаты говорили российскому руководству во главе с Борисом Ельциным: если вы будете следовать нашим рецептам экономической реформы – «шоковой терапии», позволяющей сходу «прыгнуть» в капитализм, – и нашим советам в международных делах, мы дадим вам достаточную финансовую помощь, своих специалистов и место подле себя (или в нашей тени) на мировой арене. Руководствуясь своими причинами, Ельцин соглашался или делал вид, что согласился принять предложение, которое обе стороны тут же окрестили «дружбой и стратегическим партнёрством». Размахивая этим флагом, администрация Клинтона взялась за дело с ещё большим рвением, чем её предшественница, администрация Буша.

Подведём неутешительные итоги этой американской политики:

Перспективы для мирного развития рынка и демократии в России сегодня хуже, чем они были два года назад, и гораздо хуже, чем они были всего лишь год назад, когда Клинтон пришёл к власти. Российская экономика находится сегодня в свободном падении, испытывая множественные кризисы производства, капиталовложений, потребления, рубля и др. Кроме того, с тех пор как прошлой осенью Ельцин уничтожил конституционный порядок в

стране, у России нет реальной политической системы, если не считать попыток создать режим личной власти президента. В результате, антидемократические, военные и прочие силовые структуры играют сегодня гораздо бóльшую роль во внутренних и внешних делах страны, чем это было год назад.

Далека от американских предписаний оказалась и российская внешняя политика. Её противодействие как предполагаемому расширению НАТО на восток, так и западной кампании против Сербии, – это лишь последние примеры, подтверждающие тот факт, что российская политика делается в Москве, а не в Вашингтоне. Между тем, почти ничего не было сделано, чтобы уменьшить реальную угрозу, исходящую от всевозможных ядерных объектов на территории бывшего СССР, – более реальную, чем при советском режиме. Ряд разрекламированных договоров по сокращению вооружений, например, так и не был ратифицирован.

Что касается ставки, сделанной американцами на Ельцина как на популярную фигуру, удобный инструмент для достижения американских целей, то 85% граждан России, принявших участие в выборах в Государственную Думу в декабре 1993 г., проголосовали против его политики и его партии. И это при том, что Ельцин определял правила, контролировал телевидение и щедро платил своим сторонникам. Особенно прискорбно то, что в значительной мере этот антиельцинизм вызван протестом против американского вмешательства в российские дела, что проявлялось, в том числе, в различных жестах, которые делал «друг Билл» в пользу «друга Бориса».

Несколько позже неосведомлённость американской администрации в российских делах привела к тому, что президент Клинтон поверил в «потёмкинскую деревню» – обещаниям, данным Ельциным на саммите в Москве. Анонсы по поводу состава и направления деятельности ельцинского кабинета были сразу же нарушены. «Прорыв» в деле убеждения Украины отказаться от ядерного оружия выглядел весьма сомнительно после того, как в Крыму был избран пророссийски настроенный президент, ратующий за присоединение черноморского побережья к России, и украино-российские отношения обострились. А в Беларуси, которую Клинтон посетил после Москвы, прозападный президент оказался смещён сразу же после его отъезда.

Наконец, в самих Соединённых Штатах администрация Клинтона породила такое множество иллюзий и ложных надежд, что это привело к антироссийской реакции в нашей собственной стране – прежде всего против продолжения помощи русским реформам. Закоренелые вояки времён холодной войны начали возводить свои баррикады. «Мы дали медведю попытку, – заявил в “Time” Чарльз Краутхаммер. – Она не сработала». Возможно, новая холодная война между Россией и Америкой ещё не маячит на горизонте, но «прохладный» или «холодный» мир сегодня более вероятен, чем провозглашённая «эпоха дружбы и партнерства». (Достаточно представить американскую реакцию в случае возникновения нового союза вокруг России из одной или нескольких бывших советских республик).

Но есть и более неприятная новость. Даже те, кто предупреждал об опасностях, таящихся в американской политике, не могли предвидеть, насколько глубоко клинтоновская администрация увязнет в болоте российской политики. Нам говорят, что Соединённые Штаты должны поддерживать Ельцина, потому что он – законно избранный российский президент. Но Клинтон и его ближайшие помощники пошли гораздо дальше. Превысив всякие нормы международных отношений, они стали группой поддержки Ельцина, его сообщниками и подельниками и тем самым втянули Америку в некоторые из его весьма сомнительных и даже безнравственных деяний.

Чтобы оценить степень и значение этого соучастия, нужно взглянуть на Ельцина глазами огромного большинства российских граждан. Для них он радикальный лидер, навязывающий сверху (старинная русская традиция) чрезвычайно радикальную политику, за которую они никогда не голосовали. Три чрезвычайных мероприятия Ельцина имели наиболее болезненные, шоковые последствия. В 1991 г. он внезапно упразднил СССР, единственную родину большинства россиян. (Мнение американцев здесь не в счёт). В 1992 г. он применил к экономике России «шоковую терапию», лишившую множество людей их кровных сбережений и достойного уровня жизни. И, наконец, в 1993 г. он сверг с помощью танков законно избранный парламент и весь посткоммунистический конституционный порядок, ранее представляемый гражданам как законный.

Неудивительно, что шоковый режим Ельцина породил, вместо «русского перехода», о котором столько трубили на Западе, поляризованное общество, отмечающее любые разновидности умеренности и центризма в политической жизни. Но экстремизм всегда порождает экстремизм. Недаром ельцинская политика привела к победе на думских выборах в декабре 1993 г. крайнего националиста Владимира Жириновского.

Давайте посмотрим теперь, какую роль сыграли американцы во всех этих событиях. Даже если исключить случаи прямого вмешательства, американское правительство бешено аплодировало факту уничтожения СССР, нисколько не заботясь о психологических, экономических и прочих последствиях этого события для рядовых граждан, включая опасность гражданских войн в ядерной войне. Когда «шоковая терапия» разоряла десятки миллионов россиян, наше правительство кричало: «Ещё!» и с презрением относилось к не «настоящим» реформаторам, коими считало всех экономистов-рыночников «не-ельцинского» толка. На закономерный рост парламентской оппозиции Ельцину в 1992–1993 гг. американская администрация отреагировала по-ельцински же, обозвав парламент «цитаделью красно-коричневой реакции». Российский процесс демократизации лишился тем самым двух самых важных вещей – влиятельного парламента и признанной оппозиции. Администрация Клинтона поддержала уже первую попытку Ельцина прикрыть парламент в марте 1993 г., а затем, не обращая внимания на стремление умеренных российских политиков предотвратить более серьёзное

столкновение, громко приветствовала финальный, танковый акт трагедии – и, вместе с ним, торжество российской антидемократической традиции неограниченной исполнительной власти. И вот теперь новая ельцинская «конституция», лишённая демократического принципа разделения властей, провозглашается американской администрацией «демократическим прорывом».

Могут ли быть после этого сомнения в том, что американская миссионерская политика, с таким энтузиазмом поддержанная Конгрессом, средствами массовой информации, академическими кругами, скомпрометировала, извратила и наши цели в России, и наши самые большие ценности? Крестовый поход за глобальное обустройство настоящего и будущего России (аналогичные планы строятся и насчёт Украины) должен рано или поздно закончиться. Что за политику мы будем проводить потом?

Ответ на этот вопрос нужно искать уже сегодня и не в Вашингтоне, международных финансовых организациях или американских университетах, а в самой России.

Истерзанная, поляризованная, разгневанная Россия нуждается в умеренных, постепенных, мирных реформах. Новые «шоковые» методы не способны привести ни к чему хорошему. Российские «умеренные» – «центристы», зажатые между Ельциным, крайними националистами и правоверными коммунистами, – ведут отчаянную борьбу за право консолидации в политическую силу, способную направить процесс реформ в нужное русло, с Ельциным во главе или без. Для того чтобы сделать это, их лидеры должны сначала преодолеть свои собственные разногла-

сия, обиды и амбиции. Так, хотя недавнее заявление премьер-министра Виктора Черномырдина о необходимости соединения рыночной экономики с российскими особенностями и традициями и отражает философию всех центристов, другие «умеренные» (например, бывший глава Конституционного суда Валерий Зорькин) никак не могут простить ему проельцинской позиции во время октябрьских событий 1993 г.

Так или иначе, но подобный умеренный блок есть главная надежда России, вставшей на путь рыночных и демократических реформ, даже если это не укладывается в американские представления о том, как нужно делать реформы. А раз так, то это главная надежда для Америки тоже, поскольку мы заинтересованы в том, чтобы Россия занималась прогрессивными реформами у себя дома, а не пыталась наверстать утраченную власть на мировой арене.

Но как отреагирует на центристскую оппозицию Ельцину администрация Клинтона, которая, несмотря на всю свою приверженность центризму в американских делах, не терпит «умеренности» в российской политике? Если она извлечёт правильные уроки из своих миссионерских провалов в России, то она придет к выводу, который я повторял неоднократно: у Соединённых Штатов нет ни права, ни мудрости, ни власти вмешиваться во внутренние дела России, и любые попытки сделать это вызовут ответную грозную реакцию. Следуя этому выводу, США должны отказаться от своего чрезмерного присутствия в России, прекратить свои догматические проповеди и долларový диктат и подтолкнуть Россию к поиску своего собственного пути, в рамках её условий и возможностей.

А когда (для пессимистов – если) русские найдут свой собственный путь, даже если он будет непохож на наш, Америка сможет предоставить им достаточную и достойную финансовую помощь. В противном случае, у Соединённых Штатов не останется ни друзей, ни партнеров в России после Ельцина.

«Nation», 28 февраля 1994 г.

P.S.

Как я отмечал ранее, Украина в конце концов перевела свои запасы ядерного оружия в Россию, но отношения между этими крупнейшими из бывших советских республик всё ещё оставляют желать лучшего, и большинство других проблем, затронутых в статье, только обострилось.

Особая роль Владимира Жириновского в российской политике может служить ещё одним примером неверного освещения российской действительности в американских средствах массовой информации. После того, как его партия с совсем неподходящим названием «Либерально-демократическая» завоевала на парламентских выборах в декабре 1993 г. больше всех голосов (около 23%), эта демонстративно ультранационалистическая, даже квази-фашистская фигура оказалась в центре внимания Кремля, клинтоновской администрации и американской прессы. На Жириновского указывали как на пример того, что ждёт Россию и мир после Ельцина. Даже когда ЛДПР потеряла почти половину голосов своих избирателей на выборах в декабре 1995 г., её лидер продолжал играть роль

пугала в американских репортажах, наряду с коммунистами, завоевавшими большинство в Думе.

На самом деле, после 1993 г. Жириновский и его партия почти по всем решающим вопросам становились на сторону Ельцина, включая поддержку его преемника Путина. В свою очередь, Кремль поддерживал Жириновского как фактор давления на электорат, предоставляя ему финансовую помощь и возможность выступления на подконтрольных Кремлю телевизионных каналах. Для сравнения: антидемократическая по определению, компартия по своему голосованию в Государственной Думе гораздо ближе к демократической партии «Яблоко» Григория Явлинского. Это ещё один пример того, насколько российские реалии не совпадают с упрощёнными американскими стереотипами.

«Кто проиграл Россию?» 1998–2000 гг.

С тех пор, как правительство США начало свой крестовый поход за превращение России в копию американской системы, оставалось лишь ждать, когда эта миссионерская затея приведёт к катастрофе и всеобщему воплю: «Кто проиграл Россию?». То, что это мероприятие оборачивается катастрофой, было ясно с самого начала, но американцы поняли это и стали показывать друг на друга пальцами в поисках виновных только после московского финансового обвала в августе–сентябре 1998 г.

Но и тогда вопрос возник не как попытка понять, почему всё так произошло и в чём ошибка американской политики, а по другим, эгоистическим мотивам, имеющим, к тому же, опасные последствия. Это уже было пятьдесят лет назад, когда американские политики и пресса настойчиво желали знать: «Кто проиграл Китай?». Для тех, кто забыл: тогда всё закончилось разгулом маккартизма и застоём в политической жизни.

Поэтому вопрос о России должен найти разумный ответ как можно раньше, до того, как он станет смертоносным, с политической точки зрения. Крах ельцинизма – особенно опустошительной экономической политики, основанной на «шоковой терапии» и монетаристских методах, – был также и крахом российской политики администрации Клинтона, как бы упорно она (администрация) не отказывалась это признать.

Но это не значит, что администрация или Соединённые Штаты «проиграли» Россию. Если понимать под этим растраченные возможности для российской демократии, экономического процветания и социального благосостояния, то это скорее президент Ельцин и его «радикальные реформаторы» проиграли Россию. Никто и ничто не заставляло их навязывать своему народу глупые и догматические предписания американского руководства, несмотря на предостережения лучших российских экономистов. Неудивительно, что большинство российских граждан сегодня бросает гневные взгляды в сторону Кремля, задавая свой «проклятый» вопрос: «Кто виноват?» – и вопрос этот звучит всё громче и требовательнее.

Но Америке тоже есть что терять в России, и это «что-то» не менее важное – её моральная репутация. Почти десять лет американское правительство, во имя сомнительной экономической догмы и так называемых ельцинских «реформ», закрывало глаза на страдания подавляющего большинства русского народа, качество и сама продолжительность жизни которого неумолимо падали год от года. Возможно, Ельцин и проиграл Россию, но мы можем проиграть там свою душу.

Есть кое-что и для «реалистов», далёких от моральных соображений в международных делах. Политика Клинтона в отношении России и политика Ельцина привели к тому, что международная и американская безопасность оказалась под большой угрозой. Впервые в истории страна, имеющая огромные запасы ядерного оружия, топлива, реакторов и прочих смертоносных вещей, оказалась в глубочайшем кризисе, а её экономические, социальные, административные и политические структуры – на разных стадиях распада. Если этот процесс продолжится – а вместе с ним неизбежно продолжится кризис российской ядерной безопасности – мы столкнёмся с беспрецедентно опасной ситуацией. Угроза, реально исходящая сегодня из России, давно превысила ту, что существовала в относительно стабильную и понятную эпоху холодной войны. Однако этот факт администрация Клинтона также отказывается признавать.

На самом деле, у американской администрации была реальная возможность изменить ход вещей – в 1998–1999 гг., но она не воспользовалась ею. Почти полный

крах, постигший российскую финансовую систему летом 1998 г., заставил Ельцина отправить в отставку последний из его кабинетов «молодых радикальных реформаторов» во главе с неопытным и некомпетентным Сергеем Кириенко. (Некоторые американские официальные лица и комментаторы, правда, назвали его «лучшим российским правительством», возможно, потому что оно находилось под сильным влиянием их любимцев – «младореформаторов» Гайдара и Чубайса, которые, потеряв уважение и доверие в России, были вынуждены уйти за сцену).

На место Кириенко Ельцин сначала попытался вернуть бывшего премьер-министра Виктора Черномырдина, ещё одного дискредитировавшего себя политика, которого американская администрация когда-то прочила в российские президенты, но получил отпор в Думе. Понимая, что нынешний кризис и отсутствие заслуживающих доверия альтернатив представляют угрозу его собственному положению, Ельцин решил обратиться к фигуре человека, не связанного ни с провальной экономической политикой последнего кабинета, ни с финансовыми олигархами. Им стал 68-летний Евгений Примаков, занимавший в своё время высокий пост в перестроечном правительстве Горбачёва, а затем, при Ельцине, возглавлявший внешнюю разведку и внешнеполитическое ведомство.

Страна, доставшаяся Примакову, билась в сетях жестокого экономического кризиса. Семь лет депрессии, даже без учёта августовского краха 1998 г., вдвое сократили ВВП, разрушили основы системы жизнеобеспечения, обанкротили государство и «повесили» на него 168 мил-

лиардов долларов внешнего долга. Около 75% россиян проживало за чертой бедности или непосредственно перед ней, хронически не получало зарплату, его банковские сбережения были заморожены, имеющиеся на руках деньги обесценились, а от советской системы социальных гарантий почти ничего не осталось. Страна утопала в коррупции, преступности, болезнях, пьянстве и преждевременной смертности.

Неудивительно, что, став премьер-министром в сентябре 1998 г., Примаков направил основные усилия на то, чтобы помочь людям, смягчить негативные последствия кризиса, приостановить бегство капиталов (24 млрд долларов в год) за рубеж, возродить национальное производство и стабилизировать положение в стране. О «монетаризме» и «радикальной реформе» речи не шло. Центрист по натуре, он сформировал коалиционный кабинет, в состав которого вошли как коммунисты, так и антикоммунисты (последние были представлены членом либеральной партии «Яблоко»). После торжествовавшей столько лет политики конфликта и принуждения Примаков предпочёл искать консенсусные пути для преодоления национального кризиса.

Кабинет министров Примакова оказался первым за весь период ельцинского правления, начиная с 1992 г., который получил поддержку большинства в парламенте. Опираясь на эту поддержку, Примаков предложил, в дополнение к своим экономическим инициативам, начать борьбу с коррупцией в высших эшелонах власти и с этой целью разобраться в делах пресловутых олигархов, соз-

дать широкую центристскую коалицию для противостояния растущему экстремизму как справа, так и слева, гарантировать проведение в срок очередных выборов президента и обеспечить непопулярному и постоянно критикуемому Ельцину неприкосновенность личности после того, как срок его полномочий подойдет к концу. В итоге, в начале 1999 г. Примаков стал самой популярной политической фигурой в стране.

Для администрации Клинтона премьерство Примакова представляло реальную возможность дать новый старт американско-российским отношениям. Это был шанс помочь ядерной стране обрести стабильность, реабилитировать репутацию США в ней и обеспечить себе партнёров на пост-ельцинский период. Администрация этого не сделала. Мало того, как раз тогда, когда Примаков летел в Вашингтон, совершая свой первый официальный визит с момента вступления в должность, силы НАТО начали бомбить Сербию, дружественную России славянскую республику, и российский премьер был вынужден вернуться домой.

В истории отношений клинтоновской администрации с правительством Примакова нет полной ясности, но похоже, что у нового российского премьер-министра в Вашингтоне (и в американской прессе) врагов не меньше, чем в Москве. Американские официальные лица не любят его за дружбу с Саддамом Хуссейном, идущую ещё из тех времён, когда Примаков в качестве арабиста и советского корреспондента работал на Ближнем Востоке, за связи, которые он поэтому должен был иметь с КГБ, и за то, что он всегда лоялен к Горбачёву (21).

Однако, больше всего, похоже, Вашингтон пугает тот факт, что Примаков, которого «долгое время не принимали в расчёт» (как выразился о нём один американский источник), якобы возглавил «коммунистическое правительство», – утверждение, абсолютно не соответствующее действительности, но усиленно пропагандируемое отставленными «радикал-реформаторами» в Москве и рядом влиятельных чиновников и журналистов в США. Будь это так, приход к власти в России подобного правительства не только стал бы «самым страшным сном клинтоновской администрации» и сделал бы более драматическим провал американской политики, но и заметно усложнил бы шансы вице-президента Гора на президентских выборах в 2000 г. (22).

Как бы то ни было, американская администрация отнеслась к Примакову весьма прохладно и приложила, по видимому, все усилия, чтобы ускорить его отставку, что Ельцин и сделал в мае 1999 г. В частности, Вашингтон, всегда с готовностью осуществлявший финансовую поддержку российских правительств при Ельцине, – даже того, которое затеяло кровопролитную первую чеченскую войну 1994–1996 гг., – Примакову в подобных просьбах отказал. Официальная причина, привычно подхваченная американскими печатными изданиями, была – «отказ от реформ». На самом деле, кабинет Примакова отказался от так называемого «свободного рынка» и монетаристской политики, которые вот уже шесть лет были неременными условиями для получения Россией помощи, не потому, что был против реформы или против рынка как таковых,

а потому что именно эти меры во многом способствовали российскому экономическому коллапсу. В поисках путей выхода из ситуации и спасения своего народа, правительство Примакова решило обратиться к политике государственного регулирования и сокращения расходов, близкой антикризисным реформам Франклина Рузвельта.

Но даже эта откровенная апелляция к американскому опыту не смогла смягчить жёсткой позиции администрации Клинтона. По-видимому, два коммуниста в правительстве значили для неё гораздо больше, чем страдания миллионов людей. Столь же малопонятным выглядит и утверждение администрации, что любая новая финансовая помощь России будет обязательно разворована, хотя воровства и некомпетентности хватало и в предыдущих правительствах американских протезе – «радикальных реформаторов». Напротив, в отличие от них, команда Примакова ни в чём подобном не была замечена. (Стоит ли удивляться, что после отстранения Примакова МВФ решил предоставить кредиты Кремлю?).

Обстоятельства отставки Примакова, совпавшей по времени с натовскими бомбардировками Сербии, испортили американскую репутацию в России ещё больше. Учитывая, что большинство граждан в России и фактически вся политическая элита были до предела возмущены бомбардировками, Примаков с его популярностью и большим международным опытом имел все шансы стать идеальным главой правительства в условиях самой жёсткой конфронтации с Западом.

Однако Ельцин вдруг назначил своим личным представителем в зоне конфликта американского любимца

Черномырдина, а спустя месяц сместил Примакова с поста премьер-министра и заменил его Сергеем Степашиным. Степашин, чьей главной заслугой была верность Ельцину в различных политических обстоятельствах, включая чеченскую войну 1994–1996 гг., сделал карьеру в Министерстве внутренних дел, где дослужился до генерала. Накануне попытки импичмента, которая лишь чудом не удалась, Ельцин явно чувствовал необходимость обезопасить себя, и премьер-преторианец казался ему в этом плане более надёжным, чем премьер с большим политическим и дипломатическим опытом, пользующийся к тому же поддержкой народа и большинства парламента (23).

Что касается Черномырдина, то его удивительное посредничество в югославских делах, благодаря которому американский альянс сумел достичь своих главных военных целей – капитуляции югославского президента Слободана Милошевича и оккупации Косово силами НАТО – без потерь и значительных уступок, шокировало многих россиян. Этот «балканский Мюнхен» (24) ещё более усилил подозрения в зловещей роли Вашингтона в делах Кремля и несчастьях страны.

Тем не менее, как показали события с мая 1999 г. до весны 2000 г., клинтоновская администрация явно полагала, что антипримаковская политика оправдала себя. Но что она дала российской реформе или Соединённым Штатам? Примаков выражал собой надежду на гражданский мир, социальную справедливость и стабильность в России. После его отставки последовали гражданская война, интриги олигархов и политика, построенная на общественных страхах.

За отстранением Примакова в России стояли влиятельные силы, которым был нужен такой премьер-министр (и одновременно преемник Ельцина), который смог бы защитить их и их интересы, – преторианец, или русский Пиночет, как говорили в Москве и как признался в своих мемуарах полтора года спустя сам Ельцин (25). Ельцин, кстати, по каким-то причинам, не доверял обещанию Примакова гарантировать иммунитет президента после истечения срока его полномочий – несмотря на соответствующие решения парламента. Российских финансовых олигархов, которые, в свете недавних скандалов с отмыванием денег, уже не могли рассчитывать на безопасное убежище на Западе, страшило обещание Примакова начать расследование их приватизационных дел. «Молодые радикал-реформаторы» ненавидели его за отказ осуществлять навязанную ими стране «шоковую терапию». Все они являлись, по сути, союзниками клинтоновской администрации в 1999–2000 гг. (Легко понять, почему Березовский и другие олигархи предпочли бы видеть новым президентом США нынешнего вице-президента Альберта Гора).

Страх являлся определяющим в поведении Ельцина и его окружения, называемого мафиозным термином «Семья». Вскоре они пришли к выводу, что даже генерал Степашин, политически конфликтная фигура, «слишком мягок» и «недостаточно решителен» для них. В августе 1999 г., меньше чем через три месяца со дня назначения, они сместили Степашина со своего поста и назначили премьер-министром бесконфликтного, но практически

неизвестного Владимира Путина, перед этим возглавлявшего бывший КГБ. В своих мемуарах, вышедших только в конце 2000 г., Ельцин признается, что выбрал Путина в качестве возможного наследника ещё до назначения Степашина и что на него произвели особое впечатление путинская лояльность и решимость, с которой тот защищал «бывшего босса», обвинённого в коррупции.

Кадровый офицер госбезопасности, Путин ушёл в отставку в 1991 г., после чего его деятельность была связана с двумя видными политическими фигурами (оба впоследствии оказались под подозрением в коррупции), пока в июле 1998 г. Ельцин не назначил его главой службы безопасности. В отличие от Примакова, премьер-министр Путин (как и ранее Степашин) получил безоговорочную поддержку президента Клинтона. Создавалось впечатление, что в Вашингтоне тоже предпочитают русского Пиночета русскому Рузвельту.

Между тем, в Москве готовилось кое-что похуже кровопролития, учинённого в Чили Пиночетом, и по сравнению с чем Примаков и его политика будут вскоре выглядеть «продемократическими». Уже в марте 1999 г. – в противовес более поздним официальным заявлениям о том, что это было сделано лишь в ответ на провокации, имевшие место в августе–сентябре, – Кремль начал тайную подготовку к возобновлению военной кампании в Чечне (26). (В Москве полагали, по-видимому, что продолжающаяся война НАТО против Югославии служит законным основанием для подобных планов) То, что последовало за этим, можно было бы назвать «мошеннической

войной» («wag-the-dog war», по аналогии с известным в России американским фильмом, где для того, чтобы сделать «проходной» кандидатуру президента, понадобилась «маленькая победоносная война»), нацеленной на то, чтобы привести в Кремль выбранного Ельциным преемника. «Это война не за Кавказ, а за Кремль, – говорили русские. – Победа позволит кремлёвскому кандидату [Путину] стать президентом, а правящему клану клептократов удержаться у власти» (27).

Первоначально планировалось оккупировать только северную часть Чечни, пограничную с Россией. Но трагические и до сих пор загадочные события, произошедшие в августе–сентябре: не характерный для чеченцев партизанский рейд в соседний Дагестан и особенно беспрецедентные ночные взрывы жилых домов в Москве и других городах, – накалили атмосферу настолько, что позволили развернуть в Чечне широкомасштабные военные действия, с тем чтобы навязать ей промосковский режим.

Безжалостная война против чеченских «бандитов и террористов» («будем мочить их в сортире!») была центральным пунктом избирательной кампании Путина, обеспечившим ему сначала одобрение в парламенте в декабре 1999 г., а затем победу на выборах в марте 2000 г. (При этом экономическая программа нового президента так и осталась загадкой для избирателей). Умело играя на страхе, охватившем общество после взрывов домов, и растущем стремлении к «порядку», стоявшие за Путиным силы быстро превратили его в самого популярного политика в России, вытеснив престарелого Примакова. Впрочем,

учитывая, что в их распоряжении были общенациональные средства массовой информации и особенно телевидение, это было нетрудно сделать.

Имеющая ощутимый привкус крови, стратегия вполне оправдала себя уже в декабре, позволив начать осуществление сценария в полном объёме. Пропутинская «партия», наспех сколоченная накануне парламентских выборов, получила 23% голосов, почти догнав прежнего лидера – компартию. Убедившись, что у его рукотворного преемника есть все шансы выиграть президентские выборы, Ельцин (добровольно или под нажимом) внезапно заявил о своей отставке.

В соответствии с Конституцией, это делало премьер-министра Путина исполняющим обязанности президента со всеми его царскими полномочиями и автоматически передвигало срок президентских выборов с июня 2000 г. на март, когда общественная поддержка войны в Чечне ещё не успеет ослабеть. В тот же день Путин издал указ, гарантирующий Ельцину полную неприкосновенность и защиту от всякого рода преследования. Три месяца спустя человек, ещё недавно фактически никому не известный, получил в руки суперпрезидентскую власть, созданную в 1993 г. специально для Ельцина, победившего на выборах своего коммунистического соперника Геннадия Зюганова.

Таков был тщательно продуманный ход событий, который администрация Клинтона и многие американские журналисты и учёные приветствовали как «первый в истории демократический переход власти» в России. Поддержав утверждение администрации о том, что её кресто-

вый поход и российский «переход» получили уверенные шансы на продолжение, потому что Путин является «ведущим реформатором», один заслуженный историк заверил читателей «Wall Street Journal», что Ельцину удалось найти «преемника-единомышленника» и поставить многообещающую точку в конце собственной эпохи (28).

Перемены начались почти сразу же.

В декабре 1999 г. американские наблюдатели приветствовали успех путинской партии на парламентских выборах как долгожданный антикоммунистический прорыв, который должен привести к более «радикальной реформе». Однако уже в январе они явились свидетелями сделки, заключенной Путиным с коммунистами в Думе в ущерб интересам американских любимчиков-«либералов». Даже обычно заносчивые американские газеты были вынуждены заняться явно не свойственным им делом – самокритикой. «Неожиданная сделка... – признавали они, – говорит о том, что вместо центристского парламента, появление которого многие предрекали после декабрьских выборов, к господству в Думе, скорее всего, вновь вернуться коммунисты, теперь в союзе с путинской партией» (29). Это не было похоже на то, что американцы ожидали, провозглашая «многообещающий» конец ельцинской эпохи. Победа Путина на выборах вовсе не была «передачей власти», тем более «демократической». По мнению ряда обозревателей в России и в США, она включала элементы государственного переворота и советских «безальтернативных выборов», задуманных и организованных, чтобы обеспечить сохранение власти в руках ель-

цинского кремлёвского окружения и не допустить передачи её «чужаку». Одним словом, процесс этот не был «ни свободным, ни справедливым». (В сентябре 2000 г. газета «Moscow Times» опубликовала результаты полугодового расследования, из которых следовало, что «фальсификация» сыграла «решающую» роль в мартовской победе Путина на выборах) (30).

По сути, многие аспекты прихода Путина к власти для российского демократического процесса были шагом назад. Один российский ученый из демократического лагеря указывал, что в деле назначения собственного преемника у Ельцина была «абсолютная» власть – более «абсолютная», чем у любого советского лидера. Кроме того, как отмечает ряд обозревателей, кремлёвское грубое манипулирование средствами информации подрывало и без того дискредитированную идею и роль «свободной прессы». Двух российских комментаторов (журналиста и специалиста по конституционному праву) особенно встревожил тот факт, что назначение Путина наследником было встречено в обществе с «покорным согласием» и забытым советским, ещё догорбачёвским «одобрям-с» (31).

И что ещё хуже, новая чеченская война Кремля 1999–2000 гг. оказалась существенным фактором, способствовавшим возвышению Путина и приходу его к власти. Положим, решение администрации Клинтона полностью или частично закрыть глаза на кремлёвские беззакония в маленькой кавказской провинции можно объяснить политикой. Но ведь то же самое делали учёные и журналисты (по крайней мере, до середины 2000 г., когда боль-

шинство из них отвернулось от Путина в связи с его поведением в деле о «независимой прессе» и трагедии подлодки «Курск»). Так, корреспондент «New York Times» охарактеризовал возобновление кровопролития в Чечне как «первую российскую действительно демократическую войну», а известный историк из Беркли заявил, что её «главная причина заключается в том, что русские хотят иметь сильное реформаторское правительство». Что касается фигуры главнокомандующего, ещё один западный журналист написал, что всё больше убеждается в том, что в Путине «Россия обрела гуманную версию Петра I» (32).

Иного мнения придерживались российские демократы, во всяком случае, некоторые из них, такие как вдова Андрея Сахарова Елена Боннэр. Для неё беспорядочные бомбардировки российской армией чеченских городов и сел, приводящие к тысячам жертв, разрушенная до основания столица Чечни – Грозный и почти 300 тыс. беженцев являются проявлением «геноцида» и «преступления против человечества». Международные организации по правам человека также обвинили Кремль в «военных преступлениях» (33).

Злодеяния Москвы не могут быть оправданы ни тем, что Чечня – российская территория, ни тем, что Москва имеет право вести борьбу с террористами, ни популярностью войны среди российских избирателей. Они ничем не лучше действий югославского президента Слободана Милошевича в Косово – сравнение, которое напрашивается само собой, – а возможно, и много хуже. «Реформой», во всяком случае, их никак не назовёшь.

Последствия чеченской кампании Кремля продолжали сказываться и после избрания Путина. Несмотря на разрушения, причинённые Москвой, и неоднократные заявления о победе, война продолжается, только теперь в условиях, гораздо более выгодных для чеченских боевиков. Продолжает расти роль военных и сил безопасности в российской политической жизни. Политически оправданный, но исторически нетипичный (КГБ и армия никогда не были настоящими союзниками) альянс Путина с армейскими генералами, жаждущими мести за унижение 1996 г., – только один пример.

Кроме того, когда станет ясно, что война не может быть выиграна на московских условиях, общественная поддержка прекратится, и Россия останется наедине со своими проклятыми вопросами. Кто, спросят её, и зачем второй раз за 5 лет послал тысячи молодых, необученных солдат умирать и калечиться в Чечню? Кто будет отвечать за гибель русских стариков, не сумевших убежать из Грозного? И даже (вопрос, который уже прозвучал) кто на самом деле заложил в московские дома гексоген, взрыв которого стал сигналом к началу кровопролития в Чечне? (34). В русской истории подобные вопросы о преступлениях власти звучали не раз, но приводили они чаще всего не к появлению законов, ограничивающих произвол, а лишь к глубокому расколу в обществе.

Всё вышесказанное имеет непосредственное отношение к «демократическому переходу» власти к Путину и к тому, что за этим стояло. Не нужно обязательно разделять широко распространённую точку зрения, что с приходом

Путина к власти вновь вернётся КГБ и Россия превратится в полицейское государство, чтобы понять, что это событие имеет особое историческое и политическое значение (35).

Впервые в многовековой российской истории полицейского произвола кадровый офицер тайной полиции занял пост верховного руководителя страны. В своё время, после 20-летнего сталинского полицейского террора советская элита решила, что ни один кадровый офицер КГБ никогда не будет руководить страной, и это неукоснительно выполнялось. (Юрий Андропов, бывший советским лидером короткое время с 1982 г. по 1984 г., прежде возглавлял КГБ, но он не сделал карьеру в этом ведомстве, он был лишь партийный чиновник и заранее оставил свой пост, чтобы сменить умершего Брежнева.) (36).

Почему же посткоммунистическая «демократическая» элита решила прервать эту царскую и советскую традицию? Как поведал читателям один московский информированный источник, «случайный приход» Путина не был случайным. Предопределяющими стали две характерные черты социально-экономической реальности 90-х гг.: разграбление кучкой близких к Кремлю людей крупнейших богатств страны и, одновременно, обнищание, полное или частичное, большинства их сограждан. В связи с этим на передний план вышли и приняли беспрецедентно острую форму ещё две традиционных для России вещи: пресловутый вопрос «Кто виноват?» и страх пополам с презрением в отношении московской элиты к своему народу. Отсюда необходимость президента преторианского типа,

способного использовать «тоталитарную силу» (как заявил один олигарх), если понадобится защитить тех, кто привёл его к власти (37).

Это означает, однако, что «путинизм» должен обязательно стать «высшей и последней стадией грабительского капитализма в России» (38). Ещё довольно молодой человек, Путин вполне может проявиться с другой стороны, неожиданной для его создателей. История знает немало политических лидеров, переступавших через себя ради интересов нации.

После формальной инаугурации в мае 2000 г. Путин начал править Россией, как послушный преемник и защитник прав олигархов. Ельцин получил иммунитет, олигархи – приостановку большинства расследований в отношении их деятельности. Но вскоре оказалось, что сложившаяся ситуация далеко не стабильна и, возможно, носит временный характер. В течение второй половины 2000 г. Путин явно колебался между предоставлением олигархам так чаемой ими амнистии и стремлением начать новые расследования по поводу их приватизационных сделок, финансовых операций и уклонения от уплаты налогов. Как действия будут развиваться дальше, какие последствия оно будет иметь для страны и Путина лично, пока неизвестно.

Что касается администрации Клинтона, то она заявила, и это заявление было немедленно подхвачено рядом учёных и журналистов, что победа Путина на выборах была победой американских целей и российско-американских отношений. Если так, то речь идёт о странном образом изменившихся целях и отношениях.

В 1999–2000 гг. в Москве почти никто не сомневался, что путинские «антизападные инсинуации» носили популистский характер и были одним из решающих факторов его прихода к власти (39). Но и на деле сегодня мало что осталось, если осталось вообще, от российско-американской «дружбы и стратегического партнёрства», столь широко декларируемых в 90-е гг. И хотя Путин быстро составил расписание встреч на высшем уровне с западными лидерами, включая встречу с президентом Клинтон в Москве в июне 2000 г., а Дума наконец ратифицировала договор ОСВ-2, подобные шаги были в порядке вещей и во время холодной войны.

Более существенно то, что приход Путина к власти обнажил одну из ложных посылок американской политики. Российские «либеральные» ценности и их носители из числа политического бомонда, которых администрация США поддерживала на протяжении всех 90-х гг., продемонстрировали ей свою иную сущность. Будучи уверены (как и бизнесмены и даже часть интеллектуалов), что осуществилась «их мечта о русском Пиночете», «молодые радикал-реформаторы» – Анатолий Чубайс, Борис Немцов, Сергей Кириенко – с готовностью сплотились вокруг Путина и его чеченской войны (40). Даже неизменные сторонники вынуждены были признать, что их герои самым противоестественным образом бросились «в объятия военного национализма... усилив политическое влияние армии и разведывательных структур» (41).

Между тем, администрация Клинтона по-прежнему продолжает рисковать потерять в России если не душу Америки, то её репутацию наверняка. Признав Путина так

поспешно и некритически, правительство США подкинуло российским оппозиционным демократам ещё один вопрос: «Чем Путин так полюбился американским лидерам?» (Эти чувства продолжались до сентября 2000 г., когда американцы окончательно убедились в том, что Путин «не Борис»). По мере того, как нарастал (во всяком случае, так казалось) энтузиазм американской администрации по поводу продолжения «демократического перехода» после Ельцина, ответ становился всё более очевидным: «Запад прельщает перспектива русского Пиночета, способного гарантировать права западных инвесторов в России» (42).

Все эти факторы, лежащие в основе феномена Путина, от разграбления и обнищания страны до войны, требований «твёрдой руки» и антиамериканизма, были логическими, а не «противоестественными» последствиями «великого перехода». Таким образом, американский крестовый поход за изменение чужой цивилизации закончился катастрофой в посткоммунистической России и «холодным миром», или, что звучит ещё хуже, отношениями США с охваченной кризисом ядерной страной.

Как снова привлечь Россию к сотрудничеству?

Оставив в стороне как сантименты, так и идеологию, следует признать, что у Соединённых Штатов с Россией связан только один жизненно важный интерес: сокращение и окончательное устранение растущей ядерной и, возмож-

но, иных смертельных угроз. Чтобы достичь существенного прогресса, следует привлечь правительство России к действительному сотрудничеству, не рассматривая его как объект поучений. Вне всякого сомнения, это вызовет протесты со стороны неперестроившихся сторонников миссионерского подхода. Из провала своей исключительно прокремлёвской позиции 90-х гг. они извлекли единственный урок: оказывается, ошибка заключалась в том, что они не сделали своим «союзником непосредственно народ России». Теперь они предлагают переделать посткоммунистическую Россию снизу: «помочь российскому народу, а не российскому государству», помочь тем, кого они мечтательно называют «гражданским обществом» (73).

Какой бы привлекательной ни казалась эта идея (74), очевидна её практическая непригодность и безрассудность. В ней воплотился дух вмешательства и высокомерия, убеждённость в том, что без американского руководства русские не смогут создать ни демократии, ни системы свободного предпринимательства. Более того, как отмечалось выше, в понятие «гражданского общества» может вкладываться любое содержание. Согласно Путину, жестокая война против гражданского населения в Чечне была начата Кремлём для того, чтобы «восстановить гражданское общество» (75). А если, как предлагают западные сторонники этого подхода, понимать под термином действительно массовые и независимые от государства общественные организации, то в нынешней России самой большой такой организацией является партия коммунистов.

На практике политика поддержки «гражданского общества» используется обычно как оправдание того, что американские деньги и политическая поддержка предоставляются исключительно «нашим ребятам»: отдельным российским гражданам, средствам массовой информации, партиям и другим общественным группам, которые исповедуют проамериканские идеи. Продолжая эту политику и игнорируя мнение российского правительства, можно только добиться того, что побудительные мотивы США будут вызывать ещё больше подозрений, а получатели американской помощи подвергнутся оскорблениям и преследованиям, в особенности со стороны местных властей. И во всяком случае, не от «гражданского общества» зависят те отчаянно необходимые меры, которые следует осуществить для стабилизации российской экономики и предприятий ядерного комплекса (76). Это может сделать только государство и находящееся в Москве руководство.

Стабильность экономики и ядерного комплекса не в меньшей степени соответствует интересам России. Можно быть уверенным в том, что Путин, а также любой другой кремлёвский руководитель будет приветствовать новые, порывающие с миссионерством предложения, призванные способствовать реализации этих целей. Чтобы проводить эффективную политику, американскому президенту вовсе не нужно иметь близкого друга или протезе в Кремле, как очевидно думала администрация Клинтона; в качестве партнера ей достаточно руководителя, стремящегося к достижению этих важных целей. (Таким образом, администрация вновь совершила ненужную ошибку, когда поспе-

шила поддержать Путина как президента ещё до выборов марта 2000 г., именно в то время, когда он всячески наращивал жестокую войну в Чечне) (77).

Правительство США, включая конгресс, также не может позволить себе прежнюю политику настоящего бойкота российского парламента, которая проводилась на протяжении 90-х гг. Что бы ни значил термин *гражданское общество*, избранное народом собрание, вне зависимости от своей, как выразился Кеннан, политической физиономии, является продуктом и отражением этого общества, а также тем несомненно единственным учреждением, без которого, в принципе, не может быть представительной демократии (78). Без участия парламента, или Думы, любые программы, призванные обеспечить стабильность России и её ядерных арсеналов, сами не могут быть стабильны.

Привлечение России к сотрудничеству следует начинать с её полуживой экономики. Она является и основным источником губительной нестабильности, и основным объектом провалившихся, но непрекращающихся миссионерских попыток. В интересах стабилизации и подлинного сотрудничества от США требуется принципиально иной подход. При этом потребуются даже новый лексикон. Слово *реформа*, в нынешней России основательно дискредитированное и не имеющее ясного отношения к реальности, следует заменить на *восстановление* или *развитие* (79).

Этот новый подход ознаменует разрыв со старыми американскими догмами о «переходном периоде» в Рос-

сии. Вместо того, чтобы диктовать Москве экономическую политику как условие финансовой помощи, что является самой навязчивой формой опеки, Вашингтону следует предложить российскому правительству выдвинуть собственную программу восстановления экономики. Если эти предложения покажутся состоятельными и убедительными не узкому кругу контролировавших политику сектантов, а целому ряду американских и европейских экономистов (видные американские экономисты уже призывали к выработке альтернативного подхода для России (80)) – то у президента США появится возможность оправдать своё звание мирового лидера, начав международную кампанию по сбору необходимых средств.

У этого немиссионерского начинания, которое имеет столь важное значение для новой американской политики, есть несколько существенных достоинств. В политическом отношении оно должно продемонстрировать постельцинскому руководству России, что постклинтоновское руководство США отказалось от опеки в пользу реального сотрудничества, и не только в сфере экономики. Взаимная заинтересованность и сотрудничество, которые возникнут при реализации этого проекта, могли бы в дальнейшем послужить устранению исходящих от России ядерных опасностей и укреплению международного мира в целом.

Благодаря этому подходу политика США встанет на почву российских реалий, вместо иллюзий и вымыслов. Очень мало кто среди российских политиков и экономистов ещё верит – пусть некоторые и делают такой вид – в неолиберальные, монетаристские рецепты, прописывав-

шиеся МВФ с начала 90-х гг. Главные условия МВФ: минимизация роли государства в пользу сил свободного рынка, достигаемая любой ценой максимальная степень приватизации, строгие рамки для государственных расходов, сжатие денежной массы и другие показатели антиинфляционной политики, достигаемые за счёт инвестиций, объёма производства, занятости и социального обеспечения, – все эти меры сейчас повсеместно отвергаются как неработающие, разрушительные и даже лишившие Россию (возможно, преднамеренно) её экономического суверенитета (81).

Рано или поздно Москва не сможет больше «придерживаться курса», нравится это Вашингтону или нет. Чтобы иметь хоть какой-то шанс на стабилизацию экономики, её новый курс должен быть разработан в самой стране. У России есть множество профессиональных и рыночно настроенных экономистов, чьи голоса были не слышны в 90-е гг., и которые, в отличие от большинства западных миссионеров, знают страну и то, на что она способна. Если их программы причинят населению страдания или потерпят неудачу, Америке, по крайней мере, не придётся больше выступать в роли соучастника.

В этом важном отношении немиссионерский, или недогматический подход был бы созвучен самому лучшему примеру американской международной помощи, а именно плану Маршалла по восстановлению и развитию Западной Европы после Второй мировой войны. План получил щедрую финансовую поддержку Соединённых Штатов, но, по предложению правительства США, проект

плана был разработан самими странами-получателями помощи (82). Этот план, основанный на принципиально отличном подходе (а также иных экономических принципах), сработал и, в отличие от рецептов, которые прописывались США для посткоммунистической России, принёс результаты.

Такой экономический план помощи России отвечает, если угодно, историческому опыту самой Америки. После того как «вашингтонское согласие» потерпело неудачу, у значительной части российского политического спектра всё бо́льшую поддержку получает московское согласие, иногда именуемое «третий путь Путина». В отличие от гугверовской по сути политики МВФ, которая, как и можно было ожидать, погрузила Россию в ещё большую экономическую депрессию, этот новый консенсус напоминает о кейнсианских мерах «нового курса», который в 30-е гг. позволил Америке выйти из её экономического кризиса. Отсюда растущее число упоминаний и сравнений с Франклином Рузвельтом, начиная с прихода к власти кабинета Примакова и кончая Путиным (83).

Москва сможет взять «антикризисный курс» в своей экономической политике, если не будет цепляться за аксиомы МВФ, которые говорят о том, что после мучительных лишений можно внезапно достичь процветания (84). Она начнет тогда бороться за то, чтобы вновь заработали заводы и фермы, используя при этом некогда стандартные способы преодоления экономической депрессии. То есть, будет оживлять производство путём прямых инвестиций в промышленные и сельскохозяйственные пред-

приятия и направлять деньги в руки потенциальных потребителей для создания внутреннего спроса на производимую продукцию. Частный сектор будет сохранён; как и положено в «смешанной» экономике, его развитие даже будут поощрять, однако при этом вновь обретёт жизнь национализированный сектор, а государство вернёт себе руководящую роль в ходе экономического оздоровления и роста (85).

Даже если эти необходимые меры когда-то и были на Западе общепринятой практикой, защитники догм политики США и МВФ всё равно восприняли бы их как ересь, прибегни к ним российское правительство в 90-х гг. В той или иной степени список этих мер должен включать: использование дефицитного бюджета для капиталовложений, выплаты долгов по зарплатам и пенсиям, а также другим государственным обязательствам; возобновление субсидий для финансирования оборонной промышленности, образования, науки и сферы социального обеспечения; введение пошлин на импортируемые товары для защиты собственного производителя; усиление контроля над банковской деятельностью с целью прекращения злоупотреблений и утечки капитала; введение регулируемых цен на некоторые товары; а, возможно, и избирательная ренационализация приватизированных предприятий, в особенности в области добычи нефти и газа, лесной промышленности, в производстве стратегических металлов, драгоценных камней и водки.

Ради собственных интересов Соединённые Штаты должны сделать всё возможное, чтобы предоставить фи-

нансовую помощь для этой беспрецедентной и судьбоносной попытки восстановить стабильность в ядерной стране, если, конечно, подобная попытка будет предпринята Москвой. Единственным условием должно быть то, что Кремль в дальнейшем воздержится от любых дестабилизирующих действий, таких, как война в Чечне 1999–2000 гг. Оставляя в стороне её финансовые издержки, кампания в Чечне дошла до такой крайности и в военном и в моральном отношении, что привела обе стороны к безрассудным угрозам, связанным с использованием ядерного оружия. В случае повторения подобных событий Москва не должна получать никаких средств от Запада, кроме тех, что уже обещаны для обеспечения ядерной безопасности. Если негативного развития событий не произойдёт, то Запад должен предоставить ту поддержку, которая окажется необходимой.

Многие влиятельные американцы решительно воспротивятся тому, чтобы снова предоставлять российскому правительству финансовую помощь. Некоторые так и говорят: «восстановление их экономики не в наших интересах», хотя эта напоминающая о холодной войне близорукость и подвергает серьёзному риску безопасность США и всего мира (86). Другие скажут, что любые новые деньги тоже будут украдены, хотя баснословное обогащение расхищителей и создателей официально признанных «пирамид» поощрялось политикой МВФ и Вашингтона, и значительная часть средств была расхищена их же собственными протеже и олигархическими креатурами. Новые средства или, по крайней мере, бо́льшую их часть можно было бы

уберечь, использовав иную политику и сделав выводы из уроков 90-х гг.

Как и прежде, противники предоставления новой финансовой помощи настаивают прежде всего на том, что экономической политике, которая проводилась МВФ, нет альтернативы, а, значит, и новые методы, к которым могут прибегнуть в Москве, всё равно не дадут результатов. Но раз уж поддерживавшаяся США политика потерпела столь явное крушение, то почему бы Москве не попробовать прибегнуть к новой программе, напоминающей американский «новый курс» 30-х гг.? Ядерная Россия не может позволить себе роскоши новой «шоковой» политики, а также дезинтеграции и полного разрушения инфраструктуры, которая и так, при всей своей современности, представляет сегодня руины. До сих пор не было предложено никакой иной возможности. А у предлагаемой политики есть, по крайней мере, то преимущество, что после многих лет безразличия официальной Москвы (и Вашингтона) к «несчастной судьбе» испытывающего лишения русского народа, она может рассчитывать на массовую поддержку. (Отметим, что Путин не раз подчеркивал страшные масштабы обнищания страны и её народа) (87).

Сколько же денег потребуется России, чтобы возродить и стабилизировать экономику, притом что объёмы производства по сравнению с началом 90-х гг. уменьшились наполовину или даже более? Расчёты дают разные цифры в зависимости от того, какая доля технической и иной инфраструктуры была за прошедшее десятилетие

безвозвратно утрачена из-за практически полного отсутствия финансирования, что во многих случаях не позволяло даже просто сохранить оборудование. За основу можно взять подсчёты российского экономиста, которого высоко ценят за умеренность и здравый смысл. По его мнению, России потребуется 500 млрд долларов в течение десятилетия (88).

50 миллиардов долларов в год – это много или мало? По сравнению с примерно 65 млрд долларов, которые Запад предоставил с 1992 по 1999 гг. посткоммунистической России в качестве кредитов, это может показаться огромной суммой. Но это и очень мало по сравнению с теми фантастическими суммами, которые в годы холодной войны были истрачены Соединёнными Штатами на создание ядерного и иного оружия или с теми 4,6 трлн. долларов, которые, по оценкам специалистов, будут получены за те же 10 лет в результате превышения доходов американского бюджета над расходами. Невелика эта сумма и с точки зрения интересов безопасности, которые будут обеспечены подобными затратами.

К тому же Соединённым Штатам и не придётся брать на себя большую часть расходов на восстановление экономики России. Нестабильность в России и особенно возможность новых ядерных катастроф на реакторах черномыльского типа в большей степени затронет богатые страны Западной Европы, Скандинавии, а также Японию. Можно рассчитывать, что, предоставив общее руководство Соединённым Штатам, эти страны возьмут на себя львиную долю необходимых трат. Важно также, что те в

Москве, кто защищает политику опоры на собственные силы, не желая увеличивать и без того огромный внешний долг и испытывая сомнения в возможности получить в близком будущем достаточные иностранные инвестиции, полны решимости найти необходимые средства внутри страны. (Частично это будет зависеть от мировых цен на российскую нефть).

Рассчитывая на силы и мощь возрождающегося государства, они предлагают: отобрать у самоназначенных олигархов и коррумпированных директоров их огромную валютную выручку от экспорта российской нефти, газа, леса и другой продукции естественных монополий; восстановить прежние, традиционно большие объёмы прибыли от продажи водки; ограничить, по крайней мере, частично утечку капитала за границу, которая сейчас составляет от 18 до 24 млрд долларов в год; провести реформу коммерческих банков, чтобы привлечь в народное хозяйство миллиарды хранимых «в чулке» частных сбережений, а также предоставить инфляционные льготы госбюджету, который сейчас составляет менее 5% от уровня десятилетней давности, вместо того, чтобы раздавать их спекулятивным банкам и иностранным инвесторам (89).

Объём денег, которые российское правительство сможет мобилизовать внутри страны, будет также зависеть от политических факторов. Один из них – желание и решимость самого правительства. Вопреки широко распространённому мнению оно всё ещё обладает достаточной властью, чтобы разделаться с финансовыми олигархами и

коррупцией высокопоставленных должностных лиц, пивших народную кровь при Ельцине. С этим тесно связан вопрос о ренационализации прибыльных предприятий, которые были приватизированы противозаконно либо попросту украдены у государства. В дальнейшем государство смогло бы управлять ими само – либо же продать по их действительной стоимости. (В начале и середине 90-х гг. принадлежавшие государству активы стоимостью примерно 200 млрд долларов, были переданы тесно связанным с властью лицам всего за 7 млрд) (90).

Учитывая огромные богатства России и то, что Путин назвал государственным «генетическим кодом» нации, готовое к необходимым решениям руководство в Кремле вероятно сможет найти значительную часть требующихся для восстановления экономики средств внутри страны, но не всю необходимую для этого сумму (91). (В 2000 г. размеры уклонения от налогов составили, только по 4-м нефтяным кампаниям, 9 млрд долларов). Если стабилизация ситуации в самой большой ядерной стране мира, действительно, наш высший приоритет, то Запад должен не препятствовать, а поощрять любую попытку Москвы, направленную на мобилизацию средств внутри страны, и дать необходимые заверения, что она получит те средства, которые не сможет собрать сама. Если руководство западных стран захочет, то сможет это сделать, применив широкий набор мер: от предоставления прямой финансовой помощи либо долговременных беспроцентных займов до облегчения непосильного долгового бремени.

Как предполагаемый лидер этой международной кампании, Соединённые Штаты могли бы сделать первый шаг, который имел бы большое экономическое и политическое значение. Они могли бы без промедления предоставить российскому правительству средства, около 1 млрд долларов, для того чтобы выплатить задолженности по зарплате, в том числе врачам, учителям, офицерам и техническому персоналу ядерного комплекса. Будет ещё лучше, если предоставить и дополнительную сумму, которая позволит Кремлю повысить те пенсии и зарплаты, которые находятся ниже прожиточного минимума, составляющего сейчас около 45 долларов в месяц (92). (В ноябре 2000 г. среднемесячная пенсия составляла 20 долларов, что было на 15 долларов ниже официального прожиточного минимума).

Совершив подобный акт возмещения убытков и социальной справедливости, – назовём это экономикой не «свободного», а честного рынка, – правительство Соединённых Штатов сможет достичь трёх целей, которые действительно достойны «единственной оставшейся сверхдержавы». Оно предотвратит или снизит инфляционные последствия появления большого количества рублей, которые российскому правительству придётся, по-видимому, напечатать в любом случае. Оно предоставит необходимые средства тем, кто отчаянно и больше других в них нуждается. И тем самым положит начало длительному процессу реабилитации американского доброго имени в посткоммунистической России.

Помощь обнищавшим массам необходима не только потому, что так много русских винит в этом Соединённые Штаты, но и потому, что их бедственное положение представляет основной источник нестабильности. Так, например, Вашингтон мог бы организовать международную помощь лекарствами тем 86% россиян, которые не могут позволить себе необходимое лечение. Отметим, что продовольственная помощь менее необходима, а кроме того препятствует преодолению жестокой депрессии в российском сельском хозяйстве. Учитывая большое количество безработных, низкую зарплату и обесценившийся рубль, следует признать, что даже скромная финансовая помощь Запада позволит Москве развернуть программу, сходную с «новым курсом». Будут созданы дополнительные рабочие места, что поможет восстановить разваливающуюся инфраструктуру, которая является ещё одним источником нестабильности.

В помощи нуждаются и другие слои общества, пострадавшие от кризиса. Советский и постсоветский средний класс должен был стать основной опорой стабильной демократии, которую, как заявлял Запад, он хочет создать в России. Однако именно эта часть общества была уничтожена поддерживавшейся США экономической политикой. Тем временем западные программы помощи, призванные предоставлять начальный капитал небольшим частным фирмам, а также ипотечные кредиты будущим собственникам жилья, находятся лишь в стадии разработки или не получают достаточного финансирования (93). Пришло время использовать эти методы всерьёз и при этом в нена-

вязчивой форме, предоставляя кредиты в рублях, а не в долларах и через российские банки, а не отделения банков западных. Это позволит утвердить в стране те коммерческие практики, которые не были там прежде известны.

Могут быть предприняты и другие шаги, с тем чтобы уменьшить разрыв между провозглашёнными Западом политическими целями и имеющимися у него финансовыми ресурсами. Заплатив 7 млрд долларов, которые бывшие советские республики должны России (в основном за поставки энергии) Соединённые Штаты и их союзники могли бы сразу же укрепить независимость этих государств, одновременно передав в руки Москвы больше средств, необходимые для восстановления экономики. Аналогичным образом, если Запад действительно хочет достижения в результате переговоров стабильного мира в Чечне, то взамен он должен предложить финансовую помощь для восстановления этих опустошённых войной территорий (94).

Подобные шаги помогли бы России ступить на путь, ведущий к восстановлению экономики; но их недостаточно, если рассчитывать на долгую перспективу. В дальнейшем потребуется ещё много миллиардов долларов. Даже не предоставляя новых средств, Запад может помочь России изыскать самой требуемые суммы, существенно облегчив Москве её непосильное долговое бремя и оказав поддержку в возвращении миллиардов долларов, которые с начала 90-х гг. утекали на Запад.

Внешний долг России составляет 168 млрд долларов, что в восемь раз превышает её годовой бюджет, а для его

обслуживания уже в ближайшие годы потребуется от 15 до 16 млрд долларов в год. Эта перспектива делает восстановление экономики поистине невозможным (95). Независимо от того, сколько денег правительство сможет изыскать внутри страны, ему придётся выбирать между долгом Западу и направлением средств на развитие экономики и выплаты собственному населению. Договорённости о реструктуризации только увековечивают долговые узы. В конце концов, это может заставить Кремль пойти на фундаментальный выбор между продолжением экономического упадка и объявлением дефолта по долгу, что будет означать самоизоляцию от Запада.

Единственным решением в этой ситуации является списание большей части российского внешнего долга с отсрочкой выплат по остающейся части. Даже оставляя за скобками широкую кампанию за отмену долгов всех бедных стран, можно указать и на прямо относящийся к делу прецедент. Запад списал половину долга, который оставался с прежних времен у посткоммунистической Польши; а ведь почти две трети долгов посткоммунистической России составляют обязательства советского времени. Больше того, около 25 млрд долларов её посткоммунистического долга МВФ и Всемирному банку составляют суммы, которые были предоставлены Ельцину по настоянию США и в основном по политическим, а не экономическим мотивам. Но на первом месте должен стоять императив безопасности: если Запад не освободит Россию от непосильного бремени, то, испытывая растущее возмущение и обиду, эта огромная ядерная держава станет ещё более нестабильной.

Не менее важно, по словам обозревателя «New York Times», «сделать всё возможное, чтобы помочь России вернуть деньги, выкачанные из неё продажными чиновниками и их западными сообщниками» (96). Большинство источников оценивает размеры утечки капитала из России, начиная с 1992 г., где-то между 150 и 350 млрд долларов. Даже остановившись на нижней границе, мы всё равно получим сумму, практически равную всему российскому внешнему долгу и далеко превосходящую масштабы всех сделанных и гипотетически возможных иностранных инвестиций, которые в 1999 г. едва достигли 2 млрд долларов.

На Соединённых Штатах, чья политика и чьи финансовые институты поощряли расхитителей, лежит обязательство стать во главе усилий Запада по возвращению максимально возможной части этой огромной суммы. (В качестве оправдания собственного бездействия говорят о том, что средства вернутся в страну автоматически, как только в России появится благоприятная инвестиционная среда. Но этот способ рассуждений игнорирует преступный характер совершенных действий и ставит телегу впереди лошади). Тут тоже можно указать на прецеденты. Мексика и другие государства уже обращались в прошлом к иностранным правительствам с просьбой о конфискации незаконно вывезенного капитала, а в 1998 г. ФБР США помогло Москве установить местонахождение украденных драгоценных камней и золотых монет. И хотя это уже не относится к американской политике, директор ФБР высказался в сентябре 2000 г. в том смысле, что бюро могло

бы сделать гораздо больше: «Если Путин захочет узнать, куда ушли все деньги, мы можем ему помочь» (97).

Каждый миллиард долларов, который Соединённые Штаты помогут России возратить домой и поставить на службу экономическому выздоровлению, явится прямым вкладом в укрепление ядерной безопасности Америки и всего мира. Как подчеркнул один из специалистов, у этого императива есть две составляющих: «Страны, которые служат прибежищем для украденных денег, ответственны перед гражданами ограбленной страны... В противном случае расхищение миллиардов долларов будет продолжаться бесконечно, и стремительному погружению России в экономический хаос не будет конца» (98).

Даже если все эти меры новой экономической политики и будут приняты в Москве и Вашингтоне, Соединённые Штаты не могут ждать, рискуя дестабилизацией России. Не считая, как мы подчёркивали, опасностей, связанных с биологическим и химическим оружием, уже существующие ядерные угрозы и так выглядят устрашающе серьёзными. Как мы могли убедиться, часы катастрофы уже тикают в этой злосчастной стране, и никто не знает, который час: рассвет, полдень, вечерние сумерки, либо же время уже близится к полуночи.

Чтобы справиться с этой беспрецедентной ядерной опасностью, которая в значительной степени обязана возникновением неумной политике и халатности администрации Клинтона (99), крайне необходимо появление в Америке исключительно сильного и компетентного руководства. Масштаб его участия должен стать по крайней

мере таким же, как в войне с Ираком, который обладал несравненно меньшим запасом оружия массового уничтожения. Одновременно необходимо задействовать два подхода: один призван уменьшить опасности, связанные с растущей ненадёжностью систем управления, контроля и обслуживания ядерного оружия, а другой должен быть направлен на ремонт и приведение в порядок инфраструктуры этого оружия.

На вопрос о том, почему до сих пор Россия не нанесла случайного ядерного удара по Соединённым Штатам, один из экспертов дал ответ, достойный Кассандры: «Нам повезло» (100). Если так, то у нас нет времени на то, чтобы стараться уменьшить угрозу традиционным путём переговоров и последующей ратификации договоров в парламенте. (Договор ОСВ-2 застрял в российском парламенте на семь лет, в то время как Сенат США отказался ратифицировать всеобъемлющий договор о запрещении ядерных испытаний, а также отложил решение по нескольким протоколам к договору ОСВ-2) Вместо этого президент Америки должен предпринять ряд односторонних шагов, которые призваны резко снизить или вообще устранить эти опасности, резонно полагаясь на то, что Москва ответит тем же.

Публично заявив, что рассчитывает на аналогичные шаги Москвы, – а Путин уже продемонстрировал готовность сделать их – президент должен начать сокращение числа развернутых ядерных боеголовок с 7 тыс., существующих в настоящее время, но не до 3–3, 5 тыс., разрешённых договором ОСВ-2 на момент декабря 2007 г., а до

общего числа не более 1 тыс. боеголовок, которые Москва может в настоящее время должным образом обслуживать и которые обеспечат значительно бо́льшую степень защиты, чем в сущности нужно каждой из сторон. Все развёрнутые боеголовки следует вывести из состояния предстартовой готовности. При этом президент должен пойти против давно утвердившейся стратегической доктрины, заявив, что правительство США никогда не применит ядерного оружия первым (101).

Эти серьёзные односторонние шаги, основанные на действии, а не рассуждениях, возможно войдут в противоречие с прописными истинами вашингтонской мудрости, а для некоторых потребуются согласие конгресса. Зато они позволят резко уменьшить нагрузку привычек и стереотипов холодной войны на разрушающиеся системы раннего предупреждения в России, а также увеличат с нескольких минут до нескольких дней время для распознавания ложной тревоги. Это обеспечит Америке и всему миру не поддающуюся измерению степень безопасности, причём без всяких американских затрат на поддержание способности «сдерживать или вести ядерную войну», как любят выражаться приверженцы стратегии судного дня. (Объявленное Клинтоном и Путиным в июне 2000 г. создание совместного центра для распознавания ложных сигналов тревоги демонстрирует понимание сторонами растущей угрозы несанкционированных запусков ракет, но не её причин и не обеспечивает надлежащей защиты).

Из этого, разумеется, следует, что Соединённые Штаты не должны, пока Россия не выразит своего полного согла-

сия, развёртывать национальную систему противоракетной обороны, либо ревизовать каким-либо иным образом Договор об ограничении таких систем. Наряду с другими контрпродуктивными последствиями, этот односторонний шаг побудит Москву ещё больше полагаться на свои разрушающиеся ядерные арсеналы и инфраструктуру и, несомненно, заставит производить ещё больше стратегических вооружений для преодоления любой подобной системы (102). Для Соединённых Штатов этот шаг повлечёт за собой необходимость потратить примерно 60 млрд долларов на создание системы обороны против гипотетических угроз со стороны «террористических государств», но также будет означать показательный рост ядерных угроз, которые будут исходить из России. Насмарку, вероятно, пойдут и три десятилетия переговоров и соглашений по ограничению вооружений.

Ещё один способ, который необходимо задействовать, чтобы поставить возможные угрозы под непосредственный контроль, предполагает полную инвентаризацию «узких мест» российского ядерного оружия, ядерных материалов и реакторов. Частичный перечень уже был составлен учёными и разведывательными органами нескольких обеспокоенных стран, включая Соединённые Штаты, но он, очевидно, не является исчерпывающим в отношении всех существующих опасностей (103). Такой список невозможно составить без непосредственного участия Москвы. В случае необходимости он может быть выработан в ходе иностранных инспекций на месте при участии экспертов из стран – не членов НАТО, а также под

патронажем ООН или любой другой, не связанной с НАТО международной организации.

Составив примерный перечень возможных катастроф, западные и российские специалисты смогут разработать программу для их предотвращения, а Соединённые Штаты возьмут на себя инициативу финансирования. (У отвечающего за это российского министерства настолько мало денег, что оно предполагает зарабатывать их, принимая на хранение ядерные отходы из других стран, т. е. умножая уже существующие риски. Теми же финансовыми причинами продиктовано решение Путина ослабить ограничения на экспорт российского ядерного оборудования, что увеличивает угрозу распространения ядерного оружия). Существует целый ряд проектов по оказанию помощи России в утилизации снятого с вооружения стратегического оружия и защите ядерных установок и материалов; однако их финансирование находится в совершенно плачевном состоянии. Нужны также новые, неортодоксальные программы, включая предложение привести в порядок российскую систему раннего предупреждения, что стоит относительно недорого и ничуть не в меньшей степени соответствует интересам безопасности Америки (104).

Впрочем, без полного перечня никто не сможет сказать, сколько всё это будет стоить. Хотя, в сущности, это не имеет значения. В отличие от массы химерических угроз, предусмотренных в доходящем до 300 млрд долларов оборонном бюджете США, реальная безопасность не может стоить слишком дорого. (10 млн долларов, которые в

1999 г. направили для поддержки в России средств массовой информации «гражданского общества», лучше было бы потратить на выплату или повышение зарплаты техническому персоналу российского ядерного комплекса). Но остановимся на важном примере: на финансирование американских программ, призванных обеспечить защиту и демонтаж российских ядерных боеголовок и материалов, в 2001 г. будет направлено чуть более 1 млрд долларов; однако, чтобы эти программы были доведены до логического конца, необходимо, как сообщается, выделить на протяжении пяти лет от 5 до 8 млрд долларов (105).

И снова спросим себя: много это или мало, если речь идёт о расходах, которые Соединённые Штаты разделят с другими странами? В сравнении с триллионами долларов, которые были потрачены, чтобы вызвать эти фатальные угрозы, или с миллиардами долларов, которые предлагается направить на создание национальной системы противоракетной обороны, эти расходы составляют малую сумму. Иными словами, как предупреждает ещё одна Кассандра, эти расходы «мизерны по сравнению с теми издержками и рисками, которые повлечёт за собой наша неспособность действовать» (106).

Тем не менее, ни одна из этих мер экономического и исследовательского характера не даст эффекта, если Соединённые Штаты не прекратят политику, которая убеждает Москву в том, что её изолируют, окружают и запугивают, заставляя тем самым максимально укреплять системы оружия массового поражения. Комментируя действия администрации Клинтона, один американский обо-

зритель заметил: «Такое впечатление, что кому-то там наверху, в Вашингтоне, поручено каждое утро, вскакивая с постели, задавать вопрос: Что мы сегодня можем сделать ещё, чтобы заставить русских понервничать?» (107).

Играть на стратегических нервах правительства, чей контроль над собственными возможностями разрушить Америку всё больше ослабевает, это, мягко говоря, крайне безрассудное занятие. Должна возобладать более мудрая линия: каждый шаг в политике США за границей должен соизмеряться с беспрецедентным уровнем ядерных и иных угроз, исходящих ныне от посткоммунистической России. Это означает, что остро необходимы кардинальные изменения в существующей политике США.

Должен быть положен конец проводимой под руководством США, экспансии НАТО на Восток, которая нарушает обещания, данные администрацией Буша правительству Горбачёва. Включение в 1998 г. трёх бывших стран советского блока, Чехии, Венгрии и Польши, в состав НАТО убедило Москву, что России – посткоммунистической или какой-либо иной – на Западе (по крайней мере, в США), в сущности, никогда не доверяли и никогда не относились к ней как к желанному гостю. Считая, что его не просто исключают из создаваемой после холодной войны системы западной безопасности, но и снова рассматривают в качестве главного противника, Кремль усилил поиски стратегических партнёров в других частях света, одновременно форсируя планы создания нового ядерного оружия.

Если, действуя в соответствии с объявленным администрацией Клинтона намерением принять в НАТО бывшие

советские республики Литву, Латвию, Эстонию, а возможно, и Украину, НАТО ещё ближе придвинется к границам России, то тем самым будет перейдён Рубикон, что грозит ещё большими бедами в будущем. Если это действительно случится, то Москва скорее всего вновь разместит ракеты на границе с натовской Польшей, в союзной России Беларуси. Результатом будет новое ядерное противостояние в Европе, причём на этот раз Москва будет в намного меньшей степени контролировать свои находящиеся в полной боевой готовности ракеты.

Должно также прекратиться использование сил НАТО в наступательных операциях, что коренным образом противоречит её первоначальному оборонительным целям, и в особенности применение силы на соседних с Россией территориях. Предпринятые под началом США вслед за расширением альянса на Восток бомбардировки Югославии в 1999 г. нанесли «глубокую психологическую травму» российской политической жизни (108). Последствия этого – и все они негативные – продолжают разворачиваться на наших глазах.

Семидесятивосьмидневная воздушная война против дружественного России славянского народа сыграла главную роль в том, что российские военные и силы безопасности вновь очутились в центре политической жизни. Эта война явно сдвинула баланс кремлёвских разногласий о Чечне в пользу «партии войны». Она уменьшила желание и готовность России сотрудничать с НАТО и Соединёнными Штатами в стратегических вопросах. Больше того, она возбудила страх, что сама Россия может стать сле-

дующей жертвой НАТО: «Югославия вчера, Россия завтра». Не в состоянии найти защиту от тех обычных авиационных средств нападения, использование которых американцами она могла наблюдать в небе Сербии, Москва сделала вывод: «Не остается ничего другого, как рассчитывать на ядерное оружие» (109). Одним из прямых последствий стала новая кремлёвская доктрина, в которой Запад вновь рассматривается в качестве противника, а также расширен перечень условий, при которых Москва пойдёт на применение ядерного оружия.

Равным образом должен быть положен конец безрассудному американскому поведению на другом конце России – в бассейне Каспийского моря, располагающем большими запасами нефти и газа. В 90-е гг. администрация Клинтона бросилась заключать соглашения с несколькими бывшими советскими республиками в Закавказье и Средней Азии о прокладке трубопроводов через их территорию, что ведёт к ограничению или полному прекращению доступа Москвы к этим месторождениям. За этим последовало нарастающее американское присутствие – политическое, финансовое и даже военное – в этом потенциально взрывоопасном регионе, который на протяжении столетий был частью царской империи, а затем Советского Союза.

Можно представить себе, как воспринимается в Москве эта политика посягательства на российские интересы, направляемая из далёкой Америки. В сочетании с выдвиганием НАТО на западные границы эта политика возродила весь спектр настроений и комплексов «враждебного ок-

ружения». Одно из худших наследий сталинизма, страх этот в течение десятилетий играл самую отрицательную роль в политике холодной войны и репрессиях внутри страны, пока Горбачёв не избавил от него страну в конце 80-х гг. Благодаря политике США, он вернулся. Даже люди, в течение многих лет занимавшие открыто антисталинистские позиции, теперь говорят, что тиран, возможно, был прав в своём отношении к «империалистическому» Западу.

Похоже, администрация Клинтона не извлекла уроков из той печально знаменитой и порочной по сути политики, которую союзники выбрали после Первой мировой войны в обращении с побеждённой Германией. В результате Вашингтон после окончания холодной войны сходным образом обращается с Россией, то есть как с побеждённой нацией. Как ещё, кроме безапелляционного: «победитель забирает всё», – можно объяснить заявления о том, что у Соединённых Штатов имеются «жизненно важные интересы», а тем самым и цели на всём пространстве бывшего Советского Союза: от республик Балтии и Украины до Средней Азии и Закавказья? (10).

Судя по всему, России собираются оставить очень немного. Россия обременена невыносимым долговым бременем, её не допускают в военные союзы на Западе, на её энергетические ресурсы на юге претендуют другие державы, заявляющие о своём влиянии на бывших союзников и на бывшие советские республики. И при всём том Россию, по-видимому, лишают и права иметь какие-либо законные требования, национальные интересы и, судя по

недавним протестам США против союза России и Беларуси, зоны особых интересов даже в соседних славянских государствах.

От многих наблюдателей мы слышали предостережения, что из-за внутренних причин посткоммунистическая Россия рискует повторить трагическую судьбу веймарской Германии. Если так, то им следует предостеречь Запад и от обращения с Россией как с веймарской Германией (ш). В нынешний нестабильный ядерный век не нужно быть Гитлером, чтобы подвергнуть мир самой страшной из существующих опасностей.

Неумная политика, проводимая по отношению к России, на деле не принесла и никакого, компенсирующего потери выигрыша. Расширение НАТО не решило и не могло решить ни одной из серьёзных проблем, связанных с бывшим Советским Союзом, – проблем, вызванных экономическим коллапсом, ядерными угрозами, терроризмом, экологическими опасностями, распространением наркотиков и оружия, а также международным отмыванием денег и прочим. Более того Запад, если бы действительно стремился к этому, мог бы гарантировать безопасность малых стран, таких как балтийские государства, ждущих своей очереди вступления в НАТО, и без рискованного приближения военного альянса к границам России.

Равным образом, не были вызваны необходимостью и натовские бомбардировки Югославии, проводившиеся под командованием США. Если бы России отвели серьёзную посредническую роль ещё до их начала, то, возможно

появились бы иные возможности для обуздания Милошевича. Но вместо этого в нарушение международного права и нанеся ещё больший вред моральной репутации Америки, была начата война, которая оставила значительную часть экономики Сербии в руинах, Косово – в нищете, право сильного – в законе, а шесть тысяч американских солдат – в трясине этнических чисток и непрекращающегося насилия. Ни одного постоянного решения не было принято, даже после падения Милошевича, а выхода из ситуации не видно и поныне.

Ещё одним образцом близорукой и контрпродуктивной американской политики является поддержка США строительства нефтепровода и другие антироссийские игры в регионе Каспийского моря, где Путин уже начал вновь утверждать российские интересы. Даже если строительство осуществимо в финансовом отношении – а в этом всё ещё есть сомнения – нефтепроводу суждено стать пирровой «победой внешней политики» администрации Клинтона (112).

Американские и другие западные нефтяные компании не смогут успешно вести дело без определённого уровня стабильности в регионе, а России вполне по силам дестабилизировать ситуацию, как только она сочтёт нужным. Её методы могут быть разными: и те, что использовались в Чечне, и оказание давления, и провоцирование беспорядков в новых прикаспийских государствах, в которых она всё ещё пользуется большим влиянием. Вашингтон намекал на возможность оказания военной помощи этим странам, которые по большей части являются владениями

самодержавных клептократов (113). Однако война в этом насыщенном энергетическими ресурсами регионе, да ещё с ядерной Россией вряд ли входит в его планы. Чтобы получать прибыль в бывшем Советском Союзе, западным нефтяным компаниям придётся считаться с долговременными интересами России, не оттесняя её, а сотрудничая с ней.

Не подлежит сомнению, что во всей политике Вашингтона по отношению к посткоммунистической России отсутствовало подлинное сотрудничество; термином так часто злоупотребляли, что превратили в простое клише. Несмотря на те пространные разговоры, которые администрация Клинтона вела о мире после холодной войны, она по сути увековечила основные принципы принятия решений, характерные для политики холодной войны. Идеология, милитаризованное мышление, решения, основанные на принципе «нулевого варианта» – всё это отличало политику той эпохи. С начала 90-х гг. для новой администрации идеология стала ключевым элементом миссионерской политики. Военные доводы сыграли основную роль в расширении НАТО и решении о начале воздушной войны против Югославии (а также семи других стран, которые также в разное время подверглись нападению с применением бомбардировок, либо с использованием других видов оружия). А «нулевой вариант» стоял за импровизациями американской администрации в регионе Каспия.

Новая политика по отношению к России окажется успешной лишь в том случае, если на смену опасным ана-

хронизмам придёт здравый смысл, политическое и дипломатическое мышление, а также примат интересов взаимной безопасности, что означает подлинное, а не мнимое сотрудничество. Без этого ничего нельзя будет сделать ни с опасной нестабильностью в России, ни с ситуацией вокруг её оружия массового поражения, ни даже с менее серьёзными проблемами. Если воспользоваться примером Косова, с которым у Соединённых Штатов связаны огромные ставки, то, в конце концов, здесь потребуются дипломатическое, а не военное решение, которое, возможно, сведётся к политическому разделу. Без полного участия России достичь этого нельзя. Есть и другие примеры, среди которых следует указать на Ирак.

Необходимо тем самым, если мы конечно хотим снова привлечь Россию к сотрудничеству, подняться над господствующими настроениями: «победитель забирает всё» – и осознать, что даже в нынешнем ослабленном состоянии у Москвы есть законные интересы, права и потенциальные возможности для участия в мировых делах. Для Кремля его статус связывается ныне с членством и правом вето в Совете Безопасности ООН, – тем единственным ядерным преимуществом, которое у него осталось.

Неуважение, которое в 90-е гг. администрация Клинтона проявляла к ООН, используя односторонние действия в рамках НАТО, стало основным фактором, обусловившим отход России от сотрудничества. Соединённые Штаты должны теперь вновь привлечь Организацию Объединённых Наций к сотрудничеству, рассчитывая на возможные коллективные действия. Однако это нужно не

только для установления более тесных связей с Москвой (114). Зловещие признаки нового ядерного века, ознаменованного нестабильностью в России, тревожат многие страны. И ни одна из них, даже «единственная оставшаяся сверхдержава», не сможет справиться с опасностью в одиночку.

И в более широком смысле для Америки настало время сдерживать свои импульсы сверхдержавы. На протяжении полувека после Второй мировой войны Соединённые Штаты представляли Запад, формируя и руководя его отношениями с Россией. Их полномочия принимались как данное – нечто нормальное и даже естественное – однако с географической и исторической точки зрения всё выглядит несколько иначе. Если России суждено когда-нибудь интегрироваться в западный мир, то она станет в значительной степени европейской страной и, главным образом, благодаря своим связям с другими европейскими государствами, а не с Америкой. Альтернативой холодной войне является не «Pax Americana», а то, что когда-то Горбачёв называл «нашим общим европейским домом».

Соединённым Штатам по-прежнему должно принадлежать первое слово в обеспечении безопасности и сокращении количества оружия массового поражения, но в других областях они должны постепенно отходить от той ведущей роли, которую на протяжении пятидесяти лет играли в отношениях Запада и России. Разумеется, это вызовет много протестов. Во время холодной войны инициативы советской России в Европе встречались с

противодействием американских политиков и экспертов, рассматривавших их как заговор и попытку привлечь союзников Америки на свою сторону. Это ревнивое отношение несомненно сыграло роль в том, что после окончания холодной войны Соединённые Штаты настаивали на расширении НАТО, а также сферы её ответственности.

Сейчас однако нет никаких разумных причин, чтобы вновь впасть в привычное раздражение, либо стараться на деле руководить Европой в её поступках. В XIX и начале XX века тесные связи России с Европой, в том числе династические узы, не принесли никакого особого вреда далёкой Америке, и нет оснований думать, что это произойдет теперь. И если Соединённым Штатам не суждено потерять Россию, потому что она им никогда не принадлежала, тогда то же самое можно сказать и о Европе.

По-видимому, роль Соединённых Штатов в этом процессе уменьшится в любом случае. По окончании холодной войны естественным образом начало восстанавливаться взаимное притяжение между Россией и Европой. Так, наиболее крупным кредитором России является не Америка, а Германия. Европейский Союз, на долю которого уже приходится около 40% российской внешней торговли, в конце 2000 г. открыто провозгласил своё стремление к «стратегическому» и «энергичному партнёрству», основанному на растущей потребности в российских нефти и газа (115). Кроме того, и Западная Европа, и Россия демонстрируют рост недовольства по поводу того, что они считают политическим и военным «гегемонизмом» США. Так, обе стороны выступают против планов Ва-

шингтона развертывания систем противоракетной обороны.

Одно мимолетное исключение только подтверждает эту тенденцию. Значительно сильнее, чем в правительстве США, в европейских столицах реагировали на жестокости, совершённые Кремлём в Чечне. В апреле 2000 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы, к которой Москва присоединилась в 1996 г., даже лишила её права голоса. Но несмотря на это, в том же самом месяце новый президент России заявил: «Мы будем стремиться интегрироваться Европу», и нанёс свой первый государственный визит в Лондон, что дало британскому премьер-министру повод с энтузиазмом говорить о «новых стратегических отношениях» (116). И это стало только началом энергичной политики Путина в Западной Европе. Не успел Клинтон покинуть Москву после завершения их встречи в июне 2000 г., как Путин уже отбыл в Рим. Вскоре он совершил ещё более важный дипломатический визит в Германию, а в октябре 2000 г. – в Париж.

Нам следует понять, что у исторической перспективы восстановления отношений Европы и России есть свои политические достоинства. В отличие от Америки, Европа и Россия пережили исторический шок войны на собственной территории, а также оккупацию, полицейский террор и диктатуру. (И если почти никто из американцев не видел живого коммуниста, то почти у каждого европейца были знакомые-коммунисты, иногда даже близкие) Узы близости, взаимного понимания и терпимости зачастую порождаются общностью исторического опыта. В це-

лом, пережившие те же бедствия, что и русские, европейцы менее склонны относиться к ним как к «злополучному народу», какой-то изощрённой «загадке» истории.

Даже если выяснится, что Европа не сможет до конца понять и интегрировать Россию, её политика вряд ли будет хуже американской, которая проводилась после распада Советского Союза. В конце концов, европейцы уже очень давно не верят в крестовые походы.

ПРИМЕЧАНИЯ

В примечаниях, дающихся к нескольким цитатам, источники приводятся в порядке цитирования, если не указано иное. Ряд популярных изданий, как американских, так и русских, обозначен инициалами:

JRL *Johnson's Russia List (e-mail)*

LAT *Los Angeles Times*

NYT *New York Times*

НГ Независимая газета

RFE/RL *Radio Free Europe/Radio Liberty*

WSJ *Wall Street Journal*

WP *Washington Post*

AP *Associated Press*

ОГ *Общая газета*

MT *Moscow Times*

СР *Советская Россия*

МН *Московские новости*

ЛГ *Литературная газета*

Крестовый поход во имя «России, которая нам нужна»

2. О дискуссии см: Alexander Dallin in Robert O. Crummeу, ed., *Reform in Russia and the USSR*. (Urbana, 1989). P. 248–49; David S. Foglesong, «Roots of “Liberation”», *The International History Review*, March 1999. P. 57–79. В других работах Foglesong относит истоки нынешнего крестового похода к деятельности американских миссионеров в царской России в XIX в. См. *Religion, State & Society*, № 4, 1997. P. 353–68.

3. «After the Soviet Union: Implications for U.S. Policy» (The Eighty-first American Assembly, April 25–26, 1992). P. 9; предложение Robert D. Blackwill было подытожено Joseph Fitchett в: *International Herald Tribune*, June 22, 1992. Также см. предложение George Soros в: *Open Society: Chronicle of the Soros Foundations*, April 1992. P. 5; WP editorial, Oct. 27, 1992; William G. Hyland in *Foreign Affairs*, no i, 1992. P. 48

4. Elaine Sciolino в *NYT*, Feb. 4, 1995. По поводу официальной точки зрения см. интервью Thomas Graham в документальном фильме «Return of the Czar,» *PBS*, May 9, 2000. Похоже, что ни официальные лица, ни Sciolino не сочли странным, что подобные решения, затрагивающие наиболее важные политические и экономические вопросы, стоявшие тогда перед Россией, обсуждаются американским правительством.

5. Steven Erlanger, *Ibid*, July 28, 1995. Как выразился позднее один критик, «Россия играла роль беспомощного ребенка, а Запад – всемогущего взрослого», – Lawrence R. Klein and Marshall Power, eds., *The New Russia: Transition Gone Awry* (Stanford, 2000). P. 7.

6. Цит. по: Daniel Williams, *WP*, March 15, 1995. Месяц спустя президент Клинтон выразился ещё понятнее: «У нас есть интересы и ценности. Они воплощены в политике и руководстве президента Ельцина». *Ibid.*, April 5, 1995. Примерно в то же время один из главных вдохновителей крестового похода официально заявил: «Президент Ельцин – это воплощение реформ в России». Strobe Talbott цитируется Michael Dobbs и Paul Blustein, *ibid.*, Sept. 12, 1999.

7. Robert E. Rubin в: *NYT*, Sept. 21, 1999. См. также Michel Camdessus в «*Московских новостях*». 1999, 15–21 декабря. По поводу «диктата» см. отчет David E. Sanger's о МВФ в *NYT*, Nov. 10, 1999. Ещё до клинтоновской администрации американские миссионеры уже приписали МВФ ведущую организационную роль в крестовом походе, поскольку он является «единственной в мире организацией, которая имеет относительно ясное представление о том, как России реформировать её экономику наиболее эффективно», – Jeffrey Sachs в *New Republic*, Dec. 21, 1992. P. 25.

8. Американские журналисты – приверженцы профессора Гарвардского университета Jeffrey Sachs, который называет себя «экономическим советником российского правительства» и который сыграл особенно большую роль в формировании американских представлений о России, назвали его «просвещенным миссионером» и «евангелистом». – См. Francis X. Cline в *NYT*, Jan. 16, 1992; и Peter Passell в *NYT Magazine*, June 27, 1995. P. 60. Рецензент биографии Ельцина, написанной Leon Aron, охарактеризовал эту биографию, как «почти евангелическую». – см.: John

Thornhill в *Financial Times*, Feb. 15, 2000. Также см.: Joseph Stiglitz, *Whither Reform?* (Washington, D. C.: World Bank, 1999). P. 22. Как сардонически заметил один знающий репортер, стремление «давать советы» началось значительно раньше. – См. James Risen в *LAT*, Sept. 5, 1991.

9. В качестве примера того, насколько навязчивой стала эта опека, см. похищенное письмо, написанное заместителем секретаря американского казначейства Lawrence H. Summers Анатолию Чубайсу, первому заместителю премьер-министра. – «НГ» 1997, 26 сентября. См. также: Janine R. Wedel, *Collision and Collusion* (New York, 1998).

10. Zbigniew Brzezinski в *Foreign Affairs*, Fall 1992. P. 55. Цитата приводится по версии письма, опубликованной в Москве в *New Times*, no. 25, 1995. P. 26.

11. Thomas Pickering цитируется в релизе USIA, в *JRL*, Nov. 18, 1996; E. Wayne Merry в *WSJ*, Sept. 8, 1999; John Lloyd цитирует Srobe Talbott в *NYT Magazine*, Aug. 15, 1999. P. 64.

12. Scott Horton в *Harriman Review*, Dec. 1998. P. 50; Soros в *Open Society*, June 1992. P. 5.

13. По поводу мнения бизнесмена см.: Paul Tatum (двумя годами позже убитый в Москве), в *NYT*, Nov. 4, 1996. Также см. письмо от российского советника по инвестициям в *NYT* (Sept. 7, 1995), которое заканчивается словами: «Страна со 150 млн. населением стоит на пороге грандиозного взрыва экономической активности. Будьте там!» По поводу других цитат см. Matthew Brzezinski в *WP*, Sept. 17, 1999.

14. «Fitch IBCA Comment,» Sept. 8, 1998, March 4, 1999; Timothy L. O'Brien on Soros в *NYT*, Dec. 6, 1998; Joseph Kahn

и Timothy L. O'Brien on Goldman, Sach & Co., *ibid.*, Oct. 18, 1998; O'Brien, *ibid.*, Sept. 5, 1999; O'Brien and Raymond Bonner, *ibid.*, Feb. 17, 2000.

15. «A Test of the News,» опубликованный как приложение к *New Republic*, Aug. 4, 1920. Имеется в виду *NYT*.

16. Jim Hoagland в *WP*, Nov. 6, 1992; Rose Brady, *Kapitalizm* (New Haven, 1999). P. 242–45; Thomas L. Friedman в *NYT*, Oct. 24, 1999; Steven Erlanger, *ibid.*, July 28, 1995; David Hoffman в *WP*, Sept. 19, 1999. Также см. *NYT* editorials of Aug. 10, 1999, и Nov. 26, 1991.

17. Ellen Shearer and Frank Starr, «Through a Prism Darkly,» *American Journalism Review*, Sept. 1996. P. 57; Anthony Olcott reviewing Rose Brady's *Kapitalizm* в *WP Book World*, June 27, 1999. P. 6. По поводу более общего обвинения характера освещения российских событий в прессе см.: Matt Bivens and Jonas Bernstein, «The Russia You Never Met», *Demokratizatsiya*, Fall 1998. P. 613–47. По поводу лучших примеров газетной критики см. Mark Ames and Matt Taibbi, *The Exile* (New York, 2000); о примерах незначительных фактических ошибок см. также Alessandra Stanley и Eric Schmitt по поводу Отто Лациса и общественного мнения, а также девальвации рубля, соответственно: *NYT*, March 21, 50, 1997, и Sept. 22, 1999; и Andrew Meier о Сергее Бабурине в *Time*, July 15, 1998. P. 52. О более серьезных аналитических и политических ошибках см. Michael Specter и Michael R. Gordon об отношении России к расширению НАТО в *NYT*, Feb. 24, May 2, 28, 1997; the *Newsday* editorial of Aug. 22, 1999 – о «вере русских в рыночную систему» и очень странном случае выпадения

ссылки Путина на США из его замечаний, процитированных Jane Perlez в *NYT*, Jan. 17, 2000. См. также ниже прим. 93. Один российский журналист на страницах совместного американо-российского журнала в конце концов раздраженно воскликнул: «Ради Бога, проверяйте факты!» – Masha Gessen в *JRL*, Dec. 11, 1999.

18. David Hoffman on *The NewsHour with Jim Lehrer*, PBS, July 22, 1997.

19. Интервью Леонида Крутакова Matt Taibbi и Mark Ames в *JRL*, Oct. 25, 1999. По поводу «гигантов» см. Lee Hockstader в *WP*, Jan. 1, 1995. О типичных источниках см. Steven Erlanger в *NYT*, April 9, Dec. 4, 1995; Fred Hiatt в *WP*, March 26, 1995, Dec. 10, 1996; David Hoffman, *ibid.*, Dec. 15, 1997; и удивительный список, приведенный John Lloyd в *Rebirth of a Nation* (London, 1998), pp. x, 451. Что касается американских политических деятелей, то, как говорит один информированный источник, здесь «выбирать всегда приходится между черным и белым». Интервью Donald Jensen в документальном фильме «Return of the Czar,» PBS, May 9, 2000. Странники американской политики, МВФ и Ельцина предпочитают ссылаться на Jeffrey Sachs, Anders Aslund, Charles Blitzer, and Michael McFaul. Даже когда их имена не упоминались, их имели в виду, говоря о «многих аналитиках», «специалистах», «экспертах», «западных дипломатах» и «высокопоставленных советниках». Характерно, что один корреспондент назвал американского посла в Москве Томаса Пикеринга (Thomas R. Pickering), чьи неверные оценки в отношении России широко известны, и вице-президента одной лоббистской

инвестиционной организации среди «самых проницательных специалистов по России». См. Fred Hiatt в *WP*, Dec. 10, 1996. С другой стороны, многочисленные оппозиционные политики и экономисты не только не попали в этот список, но и вообще редко цитировались, а иногда и вовсе игнорировались. «Коммунистический лидер Г.М. Зюганов» – Michael Specter даже не знает инициалов человека, о котором пишет в *NYT*, Oct. 18, 1996. Подобная практика не нова. Так, в 1993 г. Александр Руцкой, ельцинский вице-президент, перешедший в оппозицию к нему, сразу перестал быть интересным для американских наблюдателей: «Мистер Руцкой говорит только о коррупции, унижении России как великой державы и необходимости найти некий “третий путь” к постепенному, менее болезненному реформированию» (Steven Erlanger, *ibid.*, April 24, 1993.). Темы и предметы, которые перестали интересовать американцев, продолжают, разумеется, быть чрезвычайно важными для России. Похоже, что американские корреспонденты в Москве редко читают российскую прессу.

20. *NYT* editorial, Dec. 14, 1995. См. также David Hoffman в *WP*, Oct. 1, 1995. В этих описаниях «экстремисты» порой принимают форму сторонников жесткого курса. Несколько ранее *WP* пришел к выводу, что российский политический спектр состоит из «политиков, подобных Ельцину, которые приветствуют прозападную модель развития, и тех, кто хотел бы воскресить авторитарное прошлое». – См.: Michael Dobbs, *ibid.*, Feb. 1, 1992.

21. О Явлинском см. Michael Specter, который с одобрением ссылается на статью Michael McFaul в *NYT*, May 5,

1996; а также *NYT* editorial on May 1, 1996, и сообщение Specter's May 18, 1996. Явлинский чуть раньше заметил, что всякий, кто критикует Ельцина или программу МВФ, уже не считается демократом; еще хорошо, если вас не назовут коммуно-фашистом. – *Известия*, 1995, 12 июля. О «чистых руках» см. Michael Wines о Сергее Степашине в *NYT*, May 15, 1999. Отчет Wines's, опирающийся на однопартийный источник, контрастирует опубликованные в том же номере статьи Celestine Bohlen и Amy Knight. Также см. высокую оценку Michael R. Gordon неопытного и, как оказалось, некомпетентного Сергея Кириенко. – *Ibid.*, April 12, 1998. О всеобщих ожиданиях по поводу Кириенко, которым не суждено было сбыться см.: Bivens and Bernstein, «The Russia You Never Met,» P. 657. Американская пресса особенно высоко оценивала так называемые достижения «молодых реформаторов», которые обычно оборачивались на деле провалами и псевдореформами. Показательным примером в этом отношении является Борис Немцов и его деятельность на посту губернатора Нижнего Новгорода, превращенного в витрину реформ. Вообще, утверждение, что все сторонники Ельцина являлись непременными «реформаторами», порождало странные аргументы со стороны американских журналистов. Так, мэр мог быть «демократом» и одновременно «автократическим правителем». Еще один корреспондент поспешил включить в список реформаторов даже финансовых олигархов: «они реформаторы, в том смысле, что они финансировали президентскую кампанию Ельцина против коммунистического соперника... и приветствуют политику перехода страны

к свободному рынку и демократии, политику, которая сделала их баснословно богатыми». Еще один журналист считает, что «реформатором» не может быть тот, кто «враждебно настроен к Западу, не признает свободной рыночной конкуренции и американских интересов в России». – См., соответственно: Alessandra Stanley в *NYT*, June 10, 1997; David Hoffman в *WP*, Jan. 10, 1997; и Carroll Bogert в *Newsweek*, March 21, 1994. P. 51.

22. Vladimir Kvint, *NYT*, Jan. 24, 1995; James Ledbetter в *Village Voice*, May 28, 1996; Robert V. Daniels, *Russia's Transformation* (Lanham, Md., 1998). P. 195.

23. John Kohan в *Time*, Dec. 7, 1992; Celestine Bohlen and Thomas L. Friedman в *NYT*, April 15, 16, 1999. Также см.: editorial, *ibid.*, June 6, 1999.

24. Bivens and Bernstein, «The Russia You Never Met», P. 620.

25. Michael R. Gordon and Alessandra Stanley в *NYT*, Oct. 17, 1996, Nov. 17, 1997. Также см. David Hoffman в *WP*, Sept. 9, 1997; Paul Quinn-Judge в *Time*, Dec. 15, 1997; Carol J. Williams в *LAT*, March 25, 1998. Газета *NYT* в редакционной статье 19 ноября 1997 г. в конце концов призвала к отстранению Чубайса, но спустя 11 дней уже во всю старалась реабилитировать его как мученика реформ. – См. Alessandra Stanley, *ibid.*, Nov. 30, 1997. Не было ни одной крупной американской газеты, которая выступила бы против его последующего политического возвращения. Похоже, что репутация Чубайса как апологета свободного рынка сумела пережить XX век. См., например, Neela Banerjee, *ibid.*, Feb. 12, 2000; и также Alessandra Stanley, *ibid.*, Jan. 2, 2000.

26. Matt Taibbi and Mark Ames, «*The Journal's Russia Scandal*,» *The Nation*, Oct. 4, 1999. P. 20.

27. Charles Krauthammer and Jim Hoagland в *WP*, March 19, 1993. Об «омлете» см. также David Remnick on Charlie Rose, *PBS*, Oct. 4, 1993; и the U. S. politician cited in *U.S. News and World Report*, Nov. 29, 1993. P. 49. Об «одобрямсе» см., например, A.M. Rosenthal, the editorial, and Leslie H. Gleb in *NYT*, March 16, 22, 28, April 29, 1993; George F. Will в *WP*, March 25, 1993; и editorials в *Chicago Tribune*, May 9, 1993, и *New Republic*, April 12, 1993. Кровавые события 1993 г. фактически не повлияли на *NYT* (см. editorial, Dec. 6, 1993), *WP* начал беспокоиться (editorial, Oct. 17, 1993) только тогда, когда Ельцин закрыл ряд газет. Никак не прореагировали проельцински настроенные журналисты на появившееся в американской прессе иное мнение. Так 6 из 10 человек, опрошенных по этому поводу, полагали, что США должны остаться в стороне от борьбы между Ельциным и парламентом. Предостережение против подобного см. Valery Chalidze in *Newsday*, March 28, 1993.

28. См., например, Alessandra Stanley in *NYT*, Jan. 19, 1997; *Chicago Tribune* editorial, May 9, 1998; и Jim Hoagland в *WP*, Dec. 16, 1999. Ельцин всерьез рассматривал возможность использования вооруженной силы в борьбе против парламента, но в американской прессе о подобных планах предпочитали не сообщать. См., например, свидетельства Анатолия Куликова в *НГ*, 1999, 23 июля.

29. См. статью Олега Богомолова в *НГ*, 1994, 8 февраля; и John Morrison, на которого ссылаются Shearer и Starr, «*Through a Prism Darkly*». P. 39. В качестве примера несоот-

ветствия американских репортажей российской действительности см. оптимистический отчет об экономических перспективах России, особенно для иностранных инвесторов, автор которого умудрился увидеть «благотворное» влияние даже в деятельности финансовых пирамид, к тому времени разоривших миллионы российских граждан. Steven Erlanger, *NYT*, Aug. 5, 1994. Может быть поэтому *NYT* никак не могла понять растущей популярности КПРФ. См. *NYT* editorial, May 24, 1996. Об эксплуатации см. статью Ираиды Семенович и Алексея Подымова в «*Российской газете*», 2000, 24 января.

30. См. Steven Erlanger, прим. 19.

31. Michael Wines, *NYT*, June 29, 2000. Также см. David Hoffman, *WP*, July 7, 2000; *Business week*, April 24, 2000. P. 151 (о «боли»); Paul Hofheinz (назвавший это «превосходной программой»), *WSJ Europe*, July 5, 2000; Chrystia Freeland, «Sale of the Century» (New York, 2000). P. 344. О Германе Грефе см. Sabrina Tavernise, *NYT*, Oct. 25, 2000. О едином подоходном налоге см. *NYT* editorial, May 28, 2000; Daniel Williams, *WP*, Aug. 15, 2000; а по поводу ученых см. Michael McFaul, *Current History*, Oct. 2000. P. 307–308. В отличие от этих американских комментаторов, многие российские демократы выступили против планов усиления «шоковой терапии», указав на ее негативные социально-экономические и политические последствия. См., напр., Надежда Ажгихина и Наталия Римашевская в *НГ*, 2000, 5 августа и 1 сентября; Владимир Золотухин, *ОГ*, 2000, 9–15 ноября.

32. См., например, Steven Erlanger, the editorials, and Richard W. Stevenson в *NYT*, Aug. 22, 1994, July 16, Sept. 25, 1995, May 24, 1996; Fred Hiatt, Margaret Shapiro, Michael Dobbs, and the editorial в *WP*, April 2, July 30, 1995, March 19, 1997; Carol Williams в *LAT*, Dec. 2, 1997; and Steve Liesman в *WSJ*, Jan. 28, 1998. См. также сноску 1 (Gore).

33. Fred Hiatt в *WP*, July 12, 1998. По поводу Путина см. *НГ*, 1999, 30 декабря и *Известия*, 2000, 25 февраля.

34. Carroll Bogert в *Newsweek*, May 31, 1993. P. 12. О не любви к «страшным историям» см. Steve Liesman в *WSJ*, Sept. 26, 1996. О провинции см. Леонид Крутаков, сноска 19.

35. Ann Hulbert в *New Republic*, Oct. 2, 1995. P. 54. О протестах см. сообщения Katrina vanden Heuvel в *The Nation*, Aug. 10–17, 1998. P. 4–6, а также нашу совместную статью «Другая Россия» во второй части этой книги.

36. Fred Hiatt в *WP*, March 9, 1998; Bivens and Bernstein, «*The Russia You Never Met*». P. 631, со ссылкой на *WSJ*. Об одном из «бэби-миллионеров», Владимире Потанине, позже скажут, что он «сделал дураками всех, кто ему поверил.» См. David Hoffman со ссылкой на Eric Kraus, *WP*, Nov. 7, 2000. Также см. Richard W. Stevenson, *NYT*, Sept. 20, 1995. Энтузиазм Стивенсона по поводу российско-американского инвестора Бориса Йордана особенно показателен в свете появившихся описаний деятельности последнего. См. *Boston Globe*, Oct. 22, 1997. То же можно сказать и о комплиментарном портрете банкира и олигарха Александра Смоленского (David Hoffman, *WP*, Oct. 17, 1997) в свете материала Andrew Higgins, *WSJ*, Oct. 4, 2000.

37. Philip Taubman в *NYT*, June 21, 1998. В 1996 г. американский посол в Москве, впопыхах занявший второй по значимости пост в госдепартаменте, также указывал на эти признаки прогресса. См. Jonas Bernstein, со ссылкой на *Thomas R. Pickering, Moscow Times*, April 8, 2000. Также см. Steven Erlanger and Michael Specter, *NYT*, July 23, Oct. 12, 1995; *Carol J. Williams* в *LAT*, Dec. 24, 1997; *Russian Review* editorial, Jan. 29, 1996, и David Hoffman, *WP*, Sept. 16, 1999 (о жене московского мэра).

38. Timothy L. O'Brien цитирует Нодари Симония в *NYT*, Sept. 5, 1999, по поводу того, что он назвал «реальной движущей силой событий». Даже российские демократы охарактеризовали 90-е годы как «великую гражданскую войну из-за собственности.» См. статью Сергея Станкевича в *Новой газете*, 2000, 6 марта и Виталия Третьякова в *НГ*, 1999, 18 декабря.

39. John Donnelly, *Boston Globe*, Oct. 6, 1999. О парламенте см. Richard Pipes, *NYT*, March 14, 1993; Michael Scammel, *ibid*, Aug. 19, 1992. В качестве двух неудачных примеров политического анализа можно привести уверенность Скэммела в том, что Ельцин чувствует себя «обязанным сосуществовать с вице-президентом», и уверенность Пайпса, что проельцинские силы легко выиграют парламентские выборы 1993 г. См. Scammel, *ibid.*, Aug. 19, 1992, Pipes, *ibid.*, Oct. 5, 1993. Ельцин чуть позже арестовал своего вице-президента и с треском проиграл парламентские выборы.

40. Например, Збигнев Бжезинский и Маршал Шульман служили в администрации Картера, Ричард Пайпс – в

администрации Рейгана, а Ed Hewitt и Кондолиза Райс (Condoleezza Rice) – у Джорджа Буша.

41. О «миссионерах» см. Archie Brown, со ссылкой на Alec Nove, *Post-Soviet Affairs*, no 1, 1999. P. 63; и об «апологетах» см. Peter Reddaway, *WP*, Feb. 22, 1995. Еще один вопрос состоит в том, игнорировали ли «инакомыслящих» или они сами не прилагали достаточных усилий для того, чтобы быть услышанными. По мнению экономиста James R. Millar, он и другие противники методов «шоковой терапии» просто не «смогли противостоять», а те немногие, кто мог, оказывались лишены звания «настоящего экономиста.» (Частное письмо от 29 сентября 1999 г.) Так, по поводу состояния российской экономики американские журналисты чаще всего цитировали Anders Aslund, если не считать Jeffrey Sachs в начале 90-х годов. Будучи одно время «советником» ельцинского правительства, Aslund безоговорочно верил в то, что реформы в России – это «история успеха». (См. ниже, прим. 44). В то же время, насколько мне известно, мнение тех ученых, кто так не думал, хотя их работы были более глубокими, почти никогда не учитывалось. Напр., Lynn D. Nelson and Irina Y. Kuzes, *Radical Reform in Yeltsin's Russia* (Armonk, N. Y., 1995). Весьма характерно, что книга Аслунда получила весьма лестный отзыв в *NYT Book Review* (July 23, 1995), а книга Nelson and Kuzes осталась незамеченной. Это лишь один пример широко распространенной и поныне практики назначения рецензентов на книги о России, исходя из степени оптимизма по поводу ельцинских реформ. См., напр., рецензию Джона Чауна, еще одного советника рос-

сийского правительства, на три книги по экономике, *Times Literary Supplement*, Jan. 28, 2000. P. 4–5, а также рецензии на книгу Леона Арона о Ельцине (часть III, прим. 116) и рецензию на три критические работы о ельцинской экономике, в т. ч. на эту книгу, Daniel Treisman, *Foreign Affairs*, Nov. – Dec. 2000. P. 146–55.

42. John Edwin Mroz в *Foreign Affairs*, no. 1, 1993. P. 54–55; Dimitri Simes в *WP*, Jan. 19, 1992; Nicolai N. Petro в *JRL*, Oct. 1, 1997.

43. Alehander Rahr в RFE/RL Research Report, Aug. 27, 1993. P. 1; Martin Malia в *NYT*, Dec. 12, 1993. Также см. Leon Aron, *Yeltsin* (New York, 2000), особенно pp. 688–738.

44. Об оппонентах Ельцина см. S. Frederick Starr в *Baltimore Sun*, March 26, 1993; Anders Aslund в *NYT*, Dec. 7, 1992; Michael Specter со ссылкой на Michael McFaul, *ibid*, May 5, 1996; и Stephen Sestanovich, *ibid*, Dec. 23, 1991. О реформах как «истории успеха» см. Joseph Blasi, *ibid*, June 30, 1994; Stephen Sestanovich, *ibid*, Sept. 27, 1994; Anders Aslund в *Foreign Affairs*, Sept. – Oct. 1994. P. 58–71, и его *How Russia Became a Market Economy* (Washington, D. C., 1995); Brigitte Granville, *The Success of Russian Economic Reforms* (London, 1995); Richard Layard and John Parker, *The Coming Russian Boom* (New York, 1996); Joseph R. Blasi, Maya Kroumova, and Douglas Kruse, *Kremlin Capitalism* (Ithaca, 1997); а также Daniel Yergin and Thane Gustafson, *Russia 2010* (New York, 1993). Отдельные элементы такого описания можно также найти в: Brady, Kapitalizm, and Thane Gustafson, *Capitalism Russian-Style* (New York, 1999). Оптимизм экономистов разделяют и политологи. См., например: Nicolai M. Petro,

The Rebirth of Russian Democracy (Cambridge, Mass., 1995); John Lowenhardt, *The Reincarnation of Russia* (Durham, NC., 1995); M. Steven Fish, *Democracy From Scratch* (Princeton, 1995); и Marcia A. Weigle, *Russia's Liberal Project* (University Park, Pa., 2000).

45. Aslund, *How Russia Became a Market Economy*. P. 198; Michael Mandelbaum в *WP*, March 24, 1993; Martin Malia in *New Republic*, April 19, 1993. P. 18–20; Richard Pipes в *NYT*, March 14, 1993; Bruce A. Ackerman, *ibid*, March 3, 1993. Также см.: Pipes, *ibid*, Oct. 5, 1993; и Malia, *ibid*, March 28, Dec. 12, 1993. Позднее этот эпизод попросту опускали. См., например, Michael McFaul, предисловие к мемуарам Егора Гайдара: Yegor Gaidar, *Days of Defeat and Victory* (Seattle, 2000).

«Холодный мир»?

Ноябрь 1992 г.

9. Цитата Elaine Sciolino в *NYT*, Dec. 6, 1994. Русский перевод моей статьи был опубликован в *НГ*, 1992, 12 ноября and впоследствии часто цитировался. По поводу американской прессы см., например, Dimitri Simes в *WP*, July 17, 1994; Thomas L. Friedman в *NYT*, April 26, 1995; и Jim Hoagland в *International Herald Tribune*, July 1–2, 1995. Об адаптации одного американского ученого см. Leo Cooper, *Russia and the World* (New York, 1999). P. 5, 169, 171, и chap. 10. О русской прессе см. статьи Александра Гольца в *JRL*, Oct. 22, 1999; Андрея Серова в *Известиях*, 2000, 27 января и Алексея Арбатова в *Комсомольской правде*, 2000, 25 февраля.

Провал американского крестового похода.

Февраль 1994 г.

21. См. Seymour M. Hersh, «Saddam's Best Friend,» *New Yorker*, April 5, 1999. P. 32, 35–41, среди прочих, основанных на слухах обвинений, было и то, что Примаков получает о Саддама Хусейна деньги. Эти ни на чем не основанные обвинения Hersh имеют хождение и поныне. См. Peter Conradi and Mark Franchetti в *Sunday Times* (UK), May 21, 2000. Также после отставки Примакова *New Yorker* охарактеризовал его как автократического лидера из прошлого. См. David Remnick, *ibid*, Dec. 20, 1999. P. 33–34. Общее мнение американской прессы по поводу Примакова отражают два типичных заголовка редакционных комментариев: «Остерегайтесь Примакова» и «Примакова в отставку». См., соответственно, William Safire в *NYT*, Sept. 17, 1998; и the *WSJ* editorial of March 12, 1999. Что касается отношения Белого дома к Примакову, то один из его обитателей конфиденциально заметил: «Они его ненавидят». О политической карьере Примакова см. также: Евгений Примаков. *Годы в большой политике*. – М., 1999.

22. См., например, Альфред Кох, которого цитирует Александр Минкин в *Новой газете*, 1998, 2 ноября; и Андрей Козырев в *WSJ Europe*» May 6, 1999. Я слышал подобные утверждения от Анатолия Чубайса во время его визита в Вашингтон и Нью-Йорк в 1999 г. См. также об американских журналистах Safire и *WSJ* editorial в предыдущих примечаниях; о «страшном сне» см. Elaine Sciolino в *NYT*, May 19, 1996; и насчет «игнорирования» см. Eugene Rumer in *JRL*, Jan. 6, 2000.

23. Сразу после назначения Степашин заговорил вполне в преторианском духе: «Вне зависимости от политической ситуации, я никогда не позволю себе оставить или предать президента». Цит. по *MT editorial of May 20, 1999*. После отстранения с поста Ельциным Степашин примкнул к партии Явлинского Яблоко и в декабре 1999 г. был избран в Государственную Думу. Во время президентских выборов 2000 г. он перебежал от Явлинского к Путину.

24. См. статью Евгения Попова в *СР*, 1999, 5 июня; и также Максима Юсина в *Известиях*, 1999, 4 июня.

25. Естественно, это была точка зрения Степашина. На встречах с бизнесменами во время своего визита в США в качестве премьер-министра он заверил их, без всякой связи с возможными результатами выборов: «А теперь я открою вам самую главную тайну, как бывший шеф контрразведки страны: коммунисты в России никогда больше не победят... Они никогда не вернуться. Никто этого не допустит». Цитирую по «*СР*», 1999, 29 июля. См. также более позднее заявление Степашина – «Я не Пиночет, я Степашин». Цит. по Дм. Агроновскому – Там же. 1999, 5 августа. О преторианской теме см. статью Дмитрия Фурмана в *ОГ*, 2000, 10–16 февраля; и см.: Петр Авен, которого цитирует Ian Traylor в *Guardian (UK)*, March 31, 2000; см. также статью Евгении Альбац в *Новой газете*, 2000, 5 июня.

26. См. статью Сергея Степашина в *НГ*, 2000, 14 января. О Примакове см. Michael Wines в *NYT*, Jan. 20, 2000.

27. Andrei Piontkovsky в *Russian Journal*, reprinted in *JRL*, Dec. 4, 1999. См. также Pavel Felgenhauer в *Moscow Times*, Nov. 4, 1999; Igor Malashenko в *Newsweek International*, Dec.

20, 1999; и Sergei Kovalev в *New York Review of Books*, Feb. 10, 2000. P. 4–8.

28. Martin Malia в *WSJ*, March 15, 2000. По поводу заявления администрации и «демократического перехода» см. U.S. officials и Graham Allison, приведенные в части I, прим. 106, 109. По поводу других журналистов и ученых см. там же, прим. 107, 108; и часть III, прим. 116.

29. David Hoffman в *WP*, Jan. 26, 2000. Также см. David Hoffman и Sharon La Franiere, Там же, Jan. 19, 20, 24, 2000; и Celestine Bohlen в *NYT*, Jan. 19, 2000. Ученые тоже ошиблись в своих предсказаниях. См. например: Leon Aron в *Weekly Standard*, Jan. 17, 2000. P. 13–15; и Mark Kramer в *WP*, Jan. 2, 2000.

30. *MT* editorial, Sept. 9, 2000; по поводу несправедливых выборов см. *ibid*, Dec. 21, 1999; и Вячеслав Никонов в *JRL*, Jan. 9, 2000. Насчет «переворота» и советских выборов см. Часть I, прим. 106. В частной беседе кандидат от КПРФ Г.А. Зюганов утверждал, что, согласно первоначальным подсчетам, он набрал 38–40% голосов, а Путин 43–45% голосов, а вовсе не 29 и 53%. Если это действительно было так, то понадобился бы второй тур выборов. К такому же выводу пришла и *MT*.

31. См. статью Дмитрия Фурмана в *ОГ*, 2000, 15–19 января. О СМИ см. European Institute for the Media report, *JRL*, Dec. 22, 1999; Paul Saunders, *ibid.*, May 2, 2000; and Robert Coalson в *MT*, March 31, 2000. О покорности см. Sergei Aleksyev в *Current Digest of the Post-Soviet Press*, April 26, 2000. P. 6; Natalya Shulyakovskaya в *Moscow Times*, Jan. 18, 2000; и также статью Лилии Шевцовой в *ЛГ*, 2000, 24 мая.

32. Michael Wines в *NYT*, Feb. 27, 2000; Martin Malia в *WSJ*, March 15, 2000; John Lloyd в *NYT Magazine*, March 19, 2000. P. 64. См. также Jack F. Matlock Jr. в *NYT*, March 26, 2000; и David Hoffman о войне, которую он считает скорее «рядом просчетов, чем просчитанной уловкой». – *WP*, March 20, 2000.

33. Интервью Elena Bonner Natalia Yefimova в *Moscow Times*, Jan. 22, 2000; Mary Robinson, на которую ссылается Jamie Dettmer в *Washington Times*, Feb. 21, 2000; Peter Bouckaert в *WP*, Feb. 25, 2000; Holly Cartner цитирует Daniel Williams. – Там же, March 31, 2000; Council of Europe cited by AFP в *JRL*, March 13, 2000. См. также Pavel Felgenhauer в *St. Petersburg Times*, Jan. 21, 2000; и Sergei Kovalev в *New York Review of Books*, Feb. 10, 2000. P. 4–8.

34. По поводу подозрений насчет взрывов см. Will Englund в *Baltimore Sun*, Jan. 14, 2000; Maura Reynolds в *LAT*, Jan. 15, 2000; Борис Кагарлицкий в *Новой газете*, 2000, 24–30 января, и Matt Bivens в *Brill's Content*, July/August 2000. P. 124. Раздавались вопросы и о том, кто стоял за чеченским вторжением в Дагестан. См. также и статью Виталия Третьякова в *НГ*, 1999, 12 октября.

35. О примерах подобных обвинений см.: Елена Боннер, на которую ссылается AFP in *JRL*, Jan. 27, 2000; Александр Минкин процитирован Траупог в *Guardian* (UK), March 24, 2000; Михаил Круглов в *Новой газете*, 2000, 27 марта – 2 апреля; и документ, на который ссылается Michael Wines в *NYT*, May 5, 2000.

36. Равным образом Андропов был выдвинут на пост главы КГБ в 1967 г., для того, чтобы урезать возросшие политические амбиции этого ведомства.

37. Александр Шохин в *НГ*, 2000, 13 января. По поводу страха и презрения к массам см. Глеб Павловский, *Коммерсант – Власть*, 2000, 4 июля, Эдвард Радзинский в *WSJ*, Aug. 24, 2000.

38. Andrei Piontkovsky в *Russian Journal*, *JRL*, Feb. 13, 2000. Оптимистический взгляд на перспективы Путина в качестве главы государства см.: Рой Медведев. *Загадка Путина*. – М., 2000. О самооценке Путина см.: Владимир Путин. *От первого лица*. – М., 2000.

39. Pavel Valinov в *Current Digest of the Post-Soviet Press*, Dec. 29, 1999. P. 2. Также см. Igor Malashenko в *Newsweek International*, Dec. 20, 1999 Дмитрий Фурман в *ОГ*, 2000, 10–16 февр.; и ниже, Часть III, прим. 26.

40. Andrei Piontkovsky в *Russian Journal*, *JRL*, Jan. 24, 2000; насчет интеллигенции и бизнесменов, «мечтающих о российском Пиночете», см. Piontkovsky, *ibid.*, July 22, 2000 и Николай Работяжев в *НГ*, 2000, 23 сентября. См. также: Chubais в *Current Digest of the Post-Soviet Press*, Jan. 12, 2000. P. 10–11; и сообщение Елены Токаревой в *ОГ*, 2000, 20 января; и Nemtsov (with Jan Bremmer) в *NYT*, Jan. 5, 2000, and Немцов в *JRL*, March 1, 2000.

41. *NYT* editorial, Dec. 28, 1999; и также см.: Людмила Телень в *MN*, 1999, 22–28 декабря.

42. Boris Kagarlitsky в *JRL*, Feb. 17, 2000; и Andrei Piontkovsky в *Russian Journal*, *JRL*, March 12, 2000. Также см. Grigory Yavlinsky *ibid.*, Feb. 15, 2000.

«Кто проиграл Россию?»

73. David Ignatius в *WP*, Sept. 9, 1999; Michael McFaul, «Getting Russia Right,» *Foreign Policy*, Winter 1999–2000. P. 65–67. См. также его статью в *WP*, March 3, 2000; и его показания в сенате, *JRL*, April 14, 2000.

74. Thomas Carothers, «Think Again: Civil Society,» *Foreign Policy*, Winter 1999–2000. P. 18–25. По поводу другой критики см. David Rieff, «The False Dawn of Civil Society,» *The Nation*, Feb. 22, 1999. P. 11–16. См. также выше Часть I, прим. 63.

75. *NYT*, Nov. 14, 1999. По поводу дискуссии см. В.Г. Хорос (ред.). *Гражданское общество*. – М., 1998. С. 228–56. В бывшем Советском Союзе, как и на Западе, по мнению одного белорусского ученого, понятие «гражданское общество» было тесно связано с индивидуальным контекстом. – См. Larissa G. Titarenko в *Democratizatsiya*, Summer 1999. P. 415. См. также John Ehrenberg, *Civil Society* (New York, 1999). P. 234.

76. В качестве примера оправдания сумм, «направленных на углубление российской демократии», но не на восстановление российской экономики, см. editorial в *WP*, Dec. 1, 1998; и также по вопросу сокращения бюджета – *NYT* editorial, March 27, 1999.

77. См. выше, Часть I, прим. 106.

78. Даже лидер одной демократической партии сказал: «Российский парламент – зеркало российского общества». – Григорий Явлинский в *NYT*, Sept. 14, 1995.

79. Один российский обозреватель отметил, что концепция «экономических реформ», как и предшествующие

марксистско-ленинские концепции, имела различные и часто противоречивые официальные определения. См.: Юрий Козлов в *России* 1995, 25–31 января.

80. Заявление группы пяти Нобелевских лауреатов и несколько российских экономистов было опубликовано в *НГ*, 1996, 1 июля. Сокращенная англоязычная версия появилась в *JRL*, Jan. 11, 1999. См. также David M. Kotz в *Central Europe Review*, Oct. 25, 1999, Internet publication; и Lawrence R. Klein and Marshall Pomer, eds., *The New Russia: Transition Gone Awry* (Stanford, 2000), esp. pt. 5.

81. По поводу критических и программных взглядов см. также ссылку на Г. Явлинского в отчете РИА Новости, *JRL*, Jan. 51, 2000; Н. Шмелев в *Вопросах экономики*. 1999, № 8. С. 49–65; Л.И. Абалкин. *Выбор за Россией*. – М., 1998, и *Спасти Россию*. – М., 1999; Н. Петраков и В. Перламутров в *Вопросах экономики*, 1997, № 5. С. 74–85; Н. Петраков. *Русская рулетка*. – М., 1999, и его статья в *Российской газете*, 1999, 17 декабря, и *ОГ*, 2000, 15 января; Станислав Меньшиков в *Moscow Tribune*, Feb. 15, 2000; интервью Сергея Глазьева в *НГ*, 1999, 24 сентября, и его книгу *Геноцид*. – М., 1997; Александр Потапов в *Российской газете*, 1999, 16 сентября», отчет о пресс-конференции Геннадий Зюганова, Петра Романова, Сергея Глазьева и Виктора Ведьманова в *JRL*, Feb. 18, 2000; и О.Т. Богомолов. *Моя летопись переходного времени*. – М., 2000. Путин выразил подобный взгляд в *НГ*, 1999, 30 декабря. По мнению Петракова, «стало модным говорить об экономической безопасности страны» – *ОГ*, 2000, 2–8 марта. См. Часть I, прим. 51.

82. Этой точке зрения я обязан профессору James R. Millar, видному специалисту по экономике России. Также см.: Paul Starobin, «What Went Wrong,» *National Journal* Dec. 4, 1999. P. 5450–5457; и David M. Kotz в *JRL*, Oct. 27, 1999. Согласно отчету 1993 г., один из директоров МВФ отстаивал подход к России, аналогичный плану Маршалла, но его проигнорировали. См. George Krasnow в *JRL*, Feb. 25, 1999.

83. По поводу Рузвельта и его «Нового курса» см. например: Н. Петраков и В. Перламутров в *Вопросах экономики*, 1997, № 5. С. 77–78, 82; на Анатолия Собчака ссылается Michael Wines в *NYT*, Jan. 2, 2000; Геннадий Зюганов в *JRL*» Feb. 15, 2000; и Анатолий Уткин в *НГ*, 2000, 12 апреля. О Кейнсе см.: Н. Шмелев в *Вопросах экономики*, 1999, № 8. С. 62, Ираида Семенова и Алексей Подымов в *Российской газете*, 2000, 14 января; и Александр Потапов, там же, 1999, 5 ноября. Он комментирует также Путинский «третий путь» и «российскую правду». Также см. ниже, прим. 84. О «Московском согласии» см. Clifford G. Gaddy and Barry W. Ickes в *Brookings Review*, Winter 1999. P. 44–48.

84. Н. Петраков, В. Перламутров. Указ. статья. С. 82.

85. См., например, комментарии Путина in's comments on the state, см. выше, прим. 64, и в *Известиях*, 2000, 25 февраля. Один из российских экономистов сказал об этом так: «Сегодня в России нет и долгое время не будет реальной силы, способной разрешить эти проблемы, кроме государства» – Николай Шмелев. Указ. статья. С. 54.

86. Charles Krauthammer в *WP*, Feb. 9, 1996; см. также мнение London's International Institute for Strategic Studies

в отчете Reuters dispatch by David Ljunggren, *JRL*, May 4, 1999.

87. Об официальном презрении к бедным и предпочтениях российского народа см. опроса, представленного В. Шляпентохом в *Europe-Asia Studies*, Nov. 1999. P. 1167–1181, и в *Communist and Post-Communist Studies*, Dec. 1999. P. 455–460. В первой статье процитирован молодой реформатор А. Кох, якобы заявивший: «Русские заслуживают своей несчастной судьбы». Об общественных предпочтениях см. также результаты опроса, представленного Anna Zakatnova в *Current Digest of the Post-Soviet Press*, May 24, 2000. P. 12. О Путине см. выше, прим. 84.

88. Николай Шмелев. Указ. статья. С. 52.

89. Например об этих предложениях см. прим. 80.

90. См.: Н. Петраков и В. Перламутров в *Вопросах экономики*, 1997, № 5. С. 79; Екатерина Борисова и Татьяна Дегтярева в *Российской газете*, 1999, 9 июня; Павла Бунича цитирует Евгения Борисова в *МТ*, 1999, 2 декабря. Другой источник сообщает о еще большем разрыве между подлинной стоимостью и продажной ценой: государственная собственность, стоимостью в 1 млрд. долларов была продана за 5 млн. – *Экономика и жизнь*, 1999, № 10; *JRL*, March 15, 2000. Главным адвокатом частичной ренационализации является, конечно, КПРФ, но даже бывший главный экономист Всемирного банка считает ее необходимой. См. *Joseph E. Stiglitz*, на которого ссылается *Louis Uchitelle* в *NYT*, Dec. 5, 1999. На пути к своему президентству Путин был неизменно против всякой деприватизации, но эта его позиция может измениться – См.: *Current Digest of the Post-Soviet Press*, Dec. 22, 1999. P. 12–13.

91. Некоторые российские экономисты полагают, что государство могло бы сосредоточить в своих руках до трех четвертей того, что необходимо. См. *Экономика и жизнь*, процитированная в предыдущем прим. О «генетическом коде» см. Владимир Путин. От первого лица (английское издание, New York, 2000. P. 186).

92. Задолженности государства по пенсиям и зарплате, составлявшие в конце 1999 г. от 2 до 3 млрд. долларов, и затем сократившиеся до 1,5 млрд. в сентябре 2000 г., не поддаются точной оценке, поскольку государство часто скрывает их подлинные размеры. Путин пообещал выплатить их в полном объеме, но даже если он это сделает, задолженности нарастут снова, когда мировые цены на нефть упадут.

93. Программы ипотечного кредитования были предложены бывшими сенаторами Gary Hart и Gordon Humphrey. Об одной, весьма умеренной в долларовом отношении, объявил в марте 2000 г. U.S. Russia Investment Fund. См., соответственно, *JRL*, Sept. 17, 1999; см. письмо Hart-Humphrey в *WP*, Feb. 11, 1999; и the Reuters report, *JRL*, March 15, 2000.

94. Российское правительство оценивает масштабы разрушений в Чечне от 7 до 10 млрд. рублей. – См. MN File в *MN*, 2000, 12–18 апреля; и Евгения Письменная, там же, 2000, 5–9 мая.

95. Оценки внешнего долга России значительно расходятся между собой. Расхождение составляет до 195 млрд долларов. Я привожу оценку Международного Института финансов, сделанную в 1999 г.

96. William Satire в *NYT*, Sept. 9, 1999. Большинство российских сторонников «Московского согласия» рассчитывают на частичное восстановление этих фондов. См., например: Николай Петраков в *ОГ*, 2000, 13–19 января, и Сергей Глазьев в *НГ*, 1999, 24 сентября.

97. Michael Hudson в *JRL*, Nov. 24, 1999, Louise I. Shelley в *NYT*, Feb. 26, 1999.

98. Louise I. Shelley в *NYT*, Feb. 26, 1999.

99. Многие эксперты обвиняют администрацию США в том, что она не сумела возглавить это направление. См. Thomas B. Graham, которого цитирует David Hoffman в *WP*, April 17, 1996, Bruce G. Blair, *ibid.*, Sept. 29, 1996; На John Mearsheimer ссылается Steve Chapman в *Chicago Tribune*, Dec. 12, 1999; the report cited by H. Joseph Hebert в AP dispatch, *JRL*, Feb. 2, 2000; и Jimmy Carter в *WP*, Feb. 25, 2000. Также см. прим. 59.

100. На Jon B. Wolfsthal ссылается John Dormelly and David Beard в *Boston Globe*, Feb. 26, 2000.

101. Ряд экспертов поддерживает эти или подобные предложения. См., например: Bruce G. Blair в *WP*, Sept. 29, 1996; Bruce Blair, Harold Feiveson, and Frank von Hippel, *ibid.*, Nov. 12, 1997; Stansfield Turner, *ibid.*, Nov. 1, 1999; the Committee on Nuclear Policy в *Arms Control Today*, Jan. – Feb. 1999. P. 15–19; предложения, прозвучавшие со стр. *NYT*, Dec. 10, 1999; Stephen S. Rosenfeld в *WP*, March 6, 2000; и von Hippel and Blair, *ibid.*, June 6, 2000. В начале 2000, Россия предложила сократить количество боеголовок до 1500, но американская сторона отказалась, настаивая на том, что США нужно как минимум от 2000 до 2500.

См. Steven Mufson'st, *ibid.*, Jan. 28, 2000. Во время президентской кампании 2000 г. кандидат Джордж Буш заявил, что мог бы согласиться на эти предложения, если будет избран. См. ниже, прим. 124.

102. На Bill Carpenter ссылается Bradley Graham в *WP*, Jan. 17, 2000. Также см. научный отчет Vernon Loeb, *ibid.*, April 12, 2000; см. Steven Lee Myers and Jane Perlez в *NYT*, April 28, 2000.

103. Например, в начале 2000 г. российские и зарубежные ученые завершили создание всеобъемлющей базы данных об источниках ядерной опасности на территории бывшего СССР. – См. сообщение РИА «Новости», *JRL*, March 51, 2000.

104. Об этом предложении см. Greg Schneider в *Baltimore Sun*, Aug. 27, 1999; и Jonathan S. Landay в *Miami Herald*, Jan. 9, 2000. О плане министерства см. Michael Dobbs в *WP*, March 11, 2000.

105. Matthew Bunn cited by John Donnelly and David Beard в *Boston Globe*, Feb. 26, 2000. Финансирование по ряду программ было сокращено. – См. Walter Pincus в *WP*, Nov. 12, 1999. По поводу 10 млн. долларов, о которых заявила в *Москве* М. Олбрайт, см. Reuters dispatch, Jan. 25, 1999.

106. На Matthew Bunn ссылается Josef Hebert, AP dispatch, *JBL*, Feb. 7, 2000.

108. Steve Chapman в *Chicago Tribune*, Dec. 12, 1999. Ю7. Алексея Арбатова цитирует Paul Toohar в *JBL*, Feb. 4, 2000. Арбатов является демократическим, прозападным политиком.

109. На Александра Гольца ссылается AFP dispatch, *ibid.*, March 22, 2000. 31 марта Путин подтвердил намерение Кремля модернизировать свои ядерные арсеналы.

110. Об одной из первых попыток превратить это предположение в стратегическую доктрину см. Zbigniew Brzezinski в *Foreign Affairs*, March–April 1994. P. 67–82.

111. О подобном аргументе см. Jonathan Power в *Boston Globe*, Dec. 6, 1999.

112. На Bill Richardson ссылается David Ignatius в *WP*, Jan. 26, 2000.

113. Об отношении США с этими режимами см. Wayne Merry, «Coddling Dictators», *The Nation*, Jan. 51, 2000. P. 5–6.

114. Американские политики иногда полагают, что отношения с ООН в полном объеме невозможны, поскольку эта организация непопулярна. Фактически 80% американцев хотели бы усиления ООН. См. Steven Kull and I.M. Destler в *Chronicle of Higher Education*, Sept. 5, 1999, p. B8.

115. Об этом процессе см. Roger Cohen в *NYT*, Jan. 14, Feb. 2, 2000; и Suzanne Daley, *ibid.*, April 9, 2000. По мере роста антиамериканских настроений половина опрошенных россиян высказалась за упрочение связей с Европой. – Сообщение РОМИР в *JRL*, May 16, 2000.

116. См., соответственно, Will Englund в *Baltimore Sun*, April 9, 2000; и Jan Traynor and Ewen MacAskill в *Guardian* (UK), April 11, 2000. Также см. Владимир Путин. *От Первого лица*. P. 169, где новый президент заявил «Мы европейцы». См. также предложения об установлении связей между новым Европейским Союзом и Россией в *Financial Times*, April 25, 2000.

ВОЙНА С РОССИЕЙ?
От Путина и Украины до Трампа
и Рашагейта

ФРАГМЕНТЫ

Снова холодная война. Кто виноват?*

Даже если результатом станет несилловая «изоляция России» (мантра, которую сегодня всё повторяет Запад), последствия будут плачевными. Москва не склонит голову, а отвернет ее, устремив свои взгляды на Восток. США рискуют потерять стратегического партнера в ключевых аспектах собственной национальной безопасности. И, что немаловажно, надежды на возрождение процесса демократизации России придется оставить минимум на поколение.

* * *

Противостояние Востока и Запада в отношении Украины, которое привело к присоединению Москвой Крыма, началось давно и потенциально является самым серьезным международным кризисом более чем за последние 50 лет – и наиболее судьбоносным. Возможно разрешение ситуации путем переговоров, но время как будто бы на исходе.

Новый раскол со всеми признаками холодной войны уже наблюдается в Европе – и не в Берлине, а у границ России. Можно ожидать и худшее. Если силы НАТО раз-

---

* Впервые опубликовано в: The Nation. 2014, April 21. Печ. по: Новая газета. 2014, 9 апреля.

местятся на западе Украины или даже на польско-украинской границе, за что активно выступают ретивые сторонники холодной войны в Вашингтоне и Брюсселе, то Москва, возможно, направит вооруженные силы на территорию Восточной Украины. Результатом будет угроза, сопоставимая с Карибским кризисом 1962 года.

Москва – Пекин

Даже если результатом станет несилловая «изоляция России» – мантра, которую сегодня всё повторяет Запад, – последствия будут плачевными. Москва не склонит голову, а отвернет ее, устремив свои политические и экономические взгляды на Восток, в первую очередь заботясь об укреплении альянса с Китаем, как уже случилось ранее. США рискуют потерять стратегического партнера в ключевых аспектах собственной национальной безопасности: от ситуации по Ирану, Сирии и Афганистану до угрозы новой гонки вооружений, распространения ядерного оружия и повторных терактов. И, что немаловажно, надежды на возрождение процесса демократизации России придется оставить минимум на поколение.

Почему это произошло, почти 23 года после падения советского коммунизма, когда и Вашингтон, и Москва провозгласили новую эру «дружбы и стратегического партнерства»? Ответ, данный администрацией Обамы и в подавляющем большинстве политическим и медиаистеблишментом США, заключается в том, что виновником является президент Владимир Путин. Его «авторитарные»

методы управления страной и «политика неосоветского империализма» за рубежом подорвали основы партнерства, созданного в 90-х годах Биллом Клинтонем и Борисом Ельциным. Этот ключевой тезис лежит в основе преобладающей интерпретации Соединенными Штатами сути двух десятилетий американо-российских отношений и нынешнего украинского кризиса.

Но есть и альтернативная версия, более согласующаяся с историческими фактами. Со времен администрации Клинтона и при поддержке каждого последующего президента, будь то от республиканцев или демократов и конгресса, Запад при лидерстве США бескомпромиссно приближал свой военный, политический и экономический потенциал все ближе к постсоветской России. В рамках расширения НАТО на Восток в трех бывших советских прибалтийских республиках на границе с Россией размещены военные базы, которые теперь и усилены комплексами ПРО в соседних государствах, – этот двухпартийный принцип «победитель получает все» проявляется в различных формах.

Они включают в себя финансируемые американцами НПО, «способствующие распространению принципов демократии», занятые внутренней политикой России в большей степени, чем это дозволено зарубежным представителям. Сюда же относится бомбежка Сербии в 1999 году, славянского союзника Москвы, и насильственное отчуждение ее исторической провинции Косово, организация военного форпоста США на территории бывшей Советской Грузии (вместе с Украиной одной из ранее

именуемых «красных черт» для Путина), что привело к непродолжительной опосредованной войне в 2008 году. И односторонние переговоры, продолжающиеся все это время, именуемые «избирательным сотрудничеством», в отношении которых Кремль проявлял лояльность, оставшуюся практически не отмеченной Белым домом, а впоследствии и вовсе нарушенные обещания американцев.

Обострение кризиса

Эти события разворачивались при искренней поддержке некоторых сторонников во имя «демократии» и «суверенного выбора» многих небольших стран, вовлеченных в конфликт, но основная геополитическая суть происходящего стала ясна. Во время первого конфликта между Востоком и Западом в отношении Украины, происшедшего вследствие «оранжевой» революции 2004 года, Чарльз Краутхаммер, влиятельный обозреватель, поддерживающий республиканцев, признал: «Речь идет, во-первых, о России и только потом о демократии... Запад хочет завершить работу, начатую с падением Берлинской стены, и продолжить продвижение по Европе на восток... Заманчивым призом является Украина». Покойный Ричард Холбрук, амбициозный заместитель госсекретаря от партии демократов, разделял это мнение, надеясь даже на «окончательный разрыв Украины с Москвой» и «ускорение» вступления Киева в НАТО.

Тот факт, что российская политическая элита давно придерживается аналогичной угрожающей точки зрения

в отношении намерений США, не делает такую позицию менее верной – или менее значимой. Формально объявив аннексию Крыма 18 марта, Владимир Путин озвучил (и не впервые) давние обиды Москвы. Некоторые из его утверждений не соответствуют действительности и вызывают беспокойство, но другие являются разумными или хотя бы понятными, не «бредовыми». Оценивая западных (в основном американских) политиков, он горько сокрушался, что они «пытались загнать нас в угол», «неоднократно лгали нам» и в Украине «пересекли черту». При этом Путин предупредил, что «всё имеет свои пределы».

Нам остается быть свидетелями глубоко противоречивых российско-западных концепций и неясного политического дискурса, самого по себе часто являющегося предлюдией к войне. Личность Путина демонизировалась в течение многих лет, и так мало из того, что говорит Путин от имени Москвы, удостоивается пристального внимания Вашингтона. Его выступление об аннексии Крыма было расценено бывшим госсекретарем Мадлен Олбрайт как «набор фикций». Ничего в ответах Вашингтона не подрывает обоснованную уверенность Путина в том, что соглашение с Европейским союзом, отвергнутое украинским президентом Виктором Януковичем в ноябре, и его отстранение от власти в феврале путем насильственных уличных протестов, – были нацелены на разрыв связей Украины с Россией, исчислявшихся столетиями, и присоединение Украины к НАТО. (Сегодняшний кризис был спровоцирован недалеким ультиматумом ЕС, несмотря на предложение Путина о «трехстороннем» согла-

шении, которое вынуждало избранного президента радикально разделенной страны делать экономический выбор между Западом и Россией, – подход, давно критикуемый бывшими немецкими канцлерами Гельмутом Колем и Герхардом Шрёдером. Предложенное ЕС «партнерство» также включало в себя несущественные положения о «безопасности», требующие украинской «согласованности» с политикой НАТО, не говоря уже о военном сотрудничестве.)

Между тем с обеих сторон обостряется воинственная риторика, вооруженные силы мобилизуются, и провокации усугубляются в политической гражданской войне в Украине действиями головорезов в масках и вооруженных отрядов, «спонтанными» демонстрациями сепаратистов и экстремистскими заявлениями некоторых потенциальных лидеров Киева. Все теперь возможно – фактическая гражданская война, раздел Украины и дальнейшее ухудшение ситуации. Санкции по принципу «око за око» являются протокольной болтовней, только обостряющей кризис.

Поиски решения

Существует дипломатический выход из ситуации. Путин не инициировал и не желал возникновения этого кризиса. Помимо прочих издержек кризис нивелировал достижения его сочинской Олимпиады.

Равно как президент России не хотел и разворачивать холодную войну, которая была идейно подпитана Ва-

шингтоном задолго до того, как он пришел к власти. Поэтому западным политикам следует серьезно отнестись к поговорке о «двух сторонах одной медали». Прав ли был Путин, когда он утверждал 18 марта, что Россия «имеет свои собственные национальные интересы, которые должны быть приняты во внимание и соблюдаться», особенно вдоль ее границ? Если ответ «нет», как было с 1990-х годов – прав ли он, сердито протестуя против того, что «только они могут быть правы», – тогда война возможна, и если не сейчас, то потом. Но если ответ «да», то предложения, сделанные российским Министерством иностранных дел 17 марта, могут послужить отправной точкой для переговоров.

Если кратко резюмировать, эти предложения призывают к формированию «контактной группы» с участием США, России и ЕС, которая будет добиваться немедленного разоружения ополченцев в Украине, согласно постановлению украинского парламента 1 апреля; принятия новой федеративной конституции, которая предусматривает большую автономию пророссийских и прозападных регионов; проведения президентских и парламентских выборов с участием международных наблюдателей; формирования «нейтрального военно-политического» (то есть не пророссийского) правительства в Киеве без участия министров, разделяющих радикально националистические (а как некоторые наблюдатели полагают – «неофашистские» взгляды); и, по-видимому, сохранения украинско-российских экономических отношений, важных для обеих стран. В свою очередь, Москва признает легитим-

ность нового правительства и территориальный суверенитет Украины, тем самым отрекаясь от поддержки пророссийских сепаратистских настроений далеко за пределами Крыма, хотя и не возвращая при этом аннексированный полуостров. Группа также проголосует за резолюцию Совета Безопасности ООН, подтверждающую урегулирование кризиса, и, возможно, внесет свой вклад в помощь Украине, исчисляемую несколькими миллиардами долларов, необходимую для спасения страны от финансового краха.

Реакция администрации Обамы на предложения Москвы далека от адекватной. Допуская необходимость принятия какой-либо федеративной конституции Украины и проведения президентских выборов, Белый дом выступает против новых парламентских выборов, что оставляет нынешний парламент в сильной зависимости и даже в опасениях по поводу действий ультранационалистических депутатов и их вооруженных уличных сторонников, которые в последнее время угрожали навязыванием своей воли, врываясь в административные здания. Также не очевидно, что Обама разделяет серьезную озабоченность Путина в том, что боевики продолжают дестабилизировать ситуацию в стране.

Между тем Белый дом настаивает на том, чтобы Москва аннулировала аннексию Крыма (признала ее нелегитимной), сократила военное присутствие на границе Украины и взаимодействовала непосредственно с самопровозглашенным правительством Киева. Кроме того, ничто из предложений Запада не исключает возможности расши-

рения НАТО в Украине. Более того, 31 марта политический представитель НАТО, вторя словам Краутхаммера, произнесенным 10 лет назад, заявил, что «задача военного альянса еще не выполнена». И что хуже: Брюссель, похоже, использует кризис, чтобы развернуть войска в глубь Восточной Европы по направлению к России.

Даже если эти противоположные взгляды сблизятся, будет ли Путин надежным партнером в таких переговорах? Демонизация личности Владимира Путина, как недавно написал Генри Киссинджер, – «это не политика». Она также не напоминает о том, что глава России оказывал помощь войскам США и НАТО в Афганистане с 2001 года, поддерживал весьма жесткие санкции против Ирана в 2010 году, неоднократно призывал к «взаимовыгодному сотрудничеству» с Вашингтоном, как правило, придерживался реактивной внешней политики и в результате был обвинен влиятельными представителями его собственного политического класса в потворстве Западу. (Нет, Путин не всемогущий «диктатор», и да, есть высокая политика вокруг его персоны.)

Новая холодная война и потребность в патриотической ереси*

Наша сегодняшняя встреча проходит в самый худший и потенциально самый опасный момент российско-американской конфронтации за многие десятилетия. Наверное, такое было только во время Карибского кризиса в 1962 году. Гражданская война в Украине, вызванная незаконной сменой власти в Киеве в феврале, уже перерастает в опосредованную войну между США и Россией. То, что казалось немислимым, становится вообразимым. Речь идет о реальной войне между НАТО во главе с США и постсоветской Россией.

Безусловно, мы уже находимся в состоянии холодной войны, которая только углубится и обретет формальные черты в связи с ужесточением санкций. Эта война может оказаться более опасной, чем прежнее советско-американское противостояние, которое мир пережил с трудом. Тому есть несколько причин.

- Эпицентр новой холодной войны находится не в Берлине, а на границе России, в Украине, которая, по мнению Москвы, жизненно важна для ее национальной безопасности и даже для ее цивилизации. А это значит, что те

---

* Впервые опубликовано в: The Nation. 2014, August 15. Печ. по: Новая газета. 2014, 29 августа. В основе текста – выступление на ежегодном российско-американском форуме, состоявшемся в Вашингтоне 16 июня. Это мероприятие проходило в здании Сената имени Харта, и в нем приняло участие большое количество людей, однако форум был организован в частном порядке, без какого-либо содействия властей.

просчеты, казусы и провокации, с которыми мир сталкивался десятки лет назад, будут в еще большей степени чреваты опасностью. (Зловещий пример тому – таинственное уничтожение малайзийского авиалайнера в небе над Восточной Украиной.)

- Еще больший риск заключается в том, что новая холодная война может подтолкнуть стороны к применению ядерного оружия, чего не было в период советско-американской конфронтации. Я имею в виду тот довод, который приводят некоторые московские военные стратеги: если России будут напрямую угрожать превосходящие неядерные силы НАТО, она может прибегнуть к своему крупному арсеналу оперативно-тактического ядерного оружия. (Окружение России базами США и НАТО, а также системой противоракетной обороны наземного и морского базирования только усиливает такую возможность.)

- Еще одна опасность заключается в том, что в новой холодной войне нет сдерживающих правил, которые появились за сорок лет предыдущей холодной войны, и особенно после Карибского кризиса. На самом деле, из-за исключительно сильных подозрений, недовольства, превратных представлений и дезинформации со стороны Вашингтона и Москвы добиться такой взаимной сдержанности будет еще труднее. То же самое касается сюрреалистической демонизации российского руководителя Владимира Путина. Такое обливание человека грязью не имеет реального прецедента в прошлом, по крайней мере, после смерти Сталина. (Генри Киссинджер сказал, что «демонизация Владимира Путина – это не политика; это

оправдание отсутствия таковой». А я думаю, все даже хуже: это отказ от настоящего анализа и рационального процесса формирования политики.)

• И, наконец, новая холодная война может оказаться более опасной, потому что, в отличие от предыдущей холодной войны, длившейся 40 лет, она не встречает действенной американской оппозиции – ни в администрации, ни в конгрессе, ни в ведущих средствах массовой информации, ни в университетах, ни в аналитических центрах, ни в обществе.

Здесь нам надо понять свое собственное бедственное положение. Нас, оппонентов американской политики, которая внесла столь удручающий вклад в нынешний кризис, очень немного. Мы не организованы, у нас нет влиятельных сторонников. Я достаточно стар и знаю, что наши позиции существенно отличались в 1970-х и 1980-х годах, когда мы боролись за разрядку международной напряженности. Мы были в меньшинстве, но – в существенном меньшинстве. У нас были союзники наверху, даже в конгрессе и Госдепартаменте. О наших взглядах писали ведущие газеты, говорили на радио и телевидении. Мы не только пользовались поддержкой снизу; у нас даже было собственное лобби в Вашингтоне – Американский комитет за согласие между Востоком и Западом, в правление которого входили главы корпораций, политики, известные ученые и государственные деятели такого калибра, как Джордж Кеннан.

Сегодня ничего этого нет. У нас нет выхода на администрацию Обамы, практически нет доступа к конгрессу,

который стал двухпартийным оплотом политики холодной войны, и нас очень редко пускают в средства массовой информации основного направления. (Кто-то может вспомнить, как с углублением украинского кризиса он читал о наших взглядах на редакционных страницах и в разделах мнений в *New York Times*, *Washington Post* и *Wall Street Journal*, или что он видел, как их излагают MSNBC и Fox Cable News, мало чем отличающиеся друг от друга в своих несбалансированных программах?) У нас есть доступ к альтернативным медийным площадкам, но в Вашингтоне они не считаются авторитетными и даже существенно важными. Я не могу припомнить такого провала в американском демократическом дискурсе в период кризиса. (Американский специалист по России и опытный корпоративный руководитель Гилберт Доктороу (Gilbert Doctorow), который живет в Бельгии, пытается создать американо-европейскую версию комитета за согласие между Востоком и Западом.)

В оставшееся ограниченное время я буду в трех качествах говорить об этой зловещей ситуации, которая почти наверняка является роковым переломным моментом в мировых делах: как участник тех немногих дебатов, которые разрешены в СМИ господствующего направления, как историк, долгое время изучающий российско-американские отношения, и как информированный наблюдатель, верящий в то, что выход из этого ужасного кризиса пока еще существует.

По поводу моего эпизодического участия в очень ограниченной дискуссии на площадках ведущих СМИ я буду

говорить в более личном плане, чем обычно. С самого начала я усматривал для себя двойную роль. Помня старую американскую поговорку «У каждой истории есть две стороны», я пытаюсь объяснить точку зрения Москвы на украинский кризис, которая практически не находит места в репортажах СМИ. (Не будь незаменимого ежедневного бюллетеня Дэвида Джонсона (David Johnson) Russia List, не владеющие русским языком читатели имели бы очень ограниченный доступ к альтернативным точкам зрения.) Например, что имел в виду Путин, когда он сказал, что западные политические руководители «пытаются загнать нас в какой-то угол», «много раз лгали нам», а в Украине «перешли черту»? Во-вторых, я еще в 1990-х годах начал говорить о том, что политика Вашингтона в отношении России (демократическая и республиканская) может привести к новой холодной войне и именно к такому кризису (см. мои статьи в Nation и мои книги Failed Crusade («Провалившийся крестовый поход») и Soviet Fates and Lost Alternatives («Советские судьбы и утраченные альтернативы»). Тем самым я хотел сделать так, чтобы мой многолетний анализ хоть как-то повлиял на сегодняшний кризис.

В результате меня постоянно подвергают нападкам, и не где-нибудь, а в якобы либеральных публикациях. Меня называют американским «апологетом Путина № 1», «полезным идиотом», «простофилей», «лучшим другом», а теперь еще и новым незрелым ругательством – «лизоблюд». Да, я ждал критики, как это было на протяжении почти 20 лет, когда я работал комментатором CBS News, но не такой оскорбительной и задевающей мою личность.

(Что изменилось в нашей политической культуре? Возможно, это связано с интернетом.)

До сих пор я не отвечал на эти клеветнические нападки. Но сегодня отвечаю, поскольку считаю, что они направлены не только против меня, но и против многих из нас, находящихся в этом зале, против всех, кто критикует вашингтонскую политику в отношении России. (Иммунитетом здесь не пользуются даже Генри Киссинджер и невероятно успешный посол США в Москве Джек Мэтлок (Jack F. Matlock).) Перечитывая эти нападки, я пришел к следующим выводам:

- Ни один из этих клеветников не опроверг с фактами в руках ничего из того, что я написал или сказал. Они занимаются клеветническими обвинениями, рассчитанными на чувства и предубеждения, а не на разум, искажая факты и исходя из общей посылки о том, что любой американец, пытающийся понять точку зрения Москвы, является «путинским апологетом», а следовательно, непатриотичным человеком. Такая посылка лишь подстрекает к началу войны.

- Некоторые из этих авторов, а также стоящие за ними люди издавна являются сторонниками той двадцатилетней американской политики, которая привела к кризису в Украине. Пытаясь нас опорочить, эти люди стараются скрыть свою причастность к возникающей катастрофе и свое нежелание ее предотвратить. Отказ от переосмысления обрекает нас на самую худшую развязку.

- Не менее важно и то, что эти неомаккартисты пытаются подавить демократические дебаты, клеймя нас позо-

ром и стараясь сделать так, чтобы мы стали нежелательными людьми для ведущих СМИ, газетных рубрик и политических руководителей. И они в основном добиваются в этом успеха.

Давайте говорить откровенно. Это значит, что не порочащие нас слева и справа люди, а мы являемся настоящими американскими демократами и патриотами США, отстаивающими национальную безопасность страны. Мы не стремимся подвергать остракизму и затыкать рты новым рыцарям холодной войны, а пытаемся вовлечь их в публичные дебаты. И это не они, а мы понимаем, что сегодняшняя политика США может иметь катастрофические последствия для международной и американской безопасности. Риски и издержки новой продолжительной холодной войны будут причинять боль и страдания нашим детям и внукам. Так или иначе, эта безрассудная политика, проводники которой даже на самом высоком уровне неустанно демонизируют Путина, уже лишила Вашингтон важного партнера в лице Кремля, с которым можно было решать серьезнейшие вопросы американской безопасности – от Ирана, Сирии и Афганистана до противодействия распространению ядерного оружия и международного терроризма.

Но я должен добавить, что мы также виноваты в том, что дебаты либо вообще отсутствуют, либо носят односторонний характер. Как я уже говорил, мы не организованы. Мы очень редко публично выступаем в защиту друг друга, хотя я лично благодарен Джеймсу Кардену (James Carden), Гилберту Доктору и Роберту Легвольду (Robert Legvold) за то, что они вступились за меня. И очень часто мы гово-

рим недостаточно смело. (Например, мы не должны беспокоиться по поводу того, что наши аргументы порой совпадают с тем, о чем говорит Москва, поскольку это не что иное, как самоцензура.)

На самом деле некоторые люди, втайне разделяющие нашу обеспокоенность, – из конгресса, из СМИ, университетов, мозговых трестов – вообще никогда не высказываются. Каковы бы ни были причины – боязнь оказаться обесчещенным, беспокойство за карьеру, характер человека – эти люди молчат. Но в нашей демократии, где плата за инакомыслие относительно невелика, молчание не является уже признаком патриотизма. (Лично я, как американец, ощущаю это очень сильно; я с огромным негодованием наблюдаю за тем, как поддержанный США киевский режим без всякой на то нужды опустошает восток Украины, ведет его к гуманитарной катастрофе и, возможно, совершает военные преступления против собственных граждан в этих регионах.)

Но я должен также подчеркнуть, что нам следует освободить от этой нравственной ответственности молодежь, которой есть что терять. Некоторые молодые люди обращаются ко мне за советом, и я всегда говорю им: «В Америке даже незначительные наказания за инакомыслие в отношении России могут негативно отразиться на вашей карьере. На данном этапе жизни ваши главные обязательства – перед семьей, а, следовательно, вам надо думать о карьере. Ваше время сражаться еще придет».

И, наконец, в связи с нашей борьбой за более мудрую американскую политику я пришел еще к одному выводу.

Многих из нас учили, что умеренность в мыслях и в словах – это всегда лучший принцип. Но во время таких роковых кризисов, как тот, с которым мы сталкиваемся сегодня, умеренность ради умеренности не может считаться добродетелью. Она превращается в конформизм, а конформизм становится соучастием.

Я вспоминаю, как мы обсуждали этот вопрос очень давно и в другом контексте – с диссидентами советской эпохи, когда я жил среди них в Москве в 1970-е и 1980-е годы. Некоторые наши сторонники, знакомые с этой историей (в том числе бывший советский диссидент и рейгановский республиканец Эдуард Лозанский, который организовал сегодняшнее мероприятие), недавно назвали нас «американскими диссидентами». Такая аналогия не совершенна: у моих советских друзей было гораздо меньше возможностей для выражения своего несогласия, да и последствия им грозили намного более серьезные.

Но такая аналогия преподносит определенный урок. Советские диссиденты выступали против глубоко укоренившейся ортодоксии догм и некритичного формирования политики. Именно поэтому советская власть и средства массовой информации осуждали их, называя еретиками. С 1990-х годов, начиная с администрации Клинтона, исключительно неразумные представления о постсоветской России и политкорректность американской политики слились в двухпартийную американскую ортодоксию с ее общепринятыми взглядами. Естественной реакцией на ортодоксию, как свидетельствует история, является ересь. Так давайте же будем патриотиче-

скими еретиками, не обращая внимания на последствия и надеясь на то, что к нам присоединятся многие, как часто бывает в истории.

Теперь я, как историк, обращаюсь к этой ортодоксии. Покойный сенатор Дэниел Патрик Мойнихан (Daniel Patrick Moynihan) как-то произнес ставшую знаменитой фразу: «Каждый имеет право на собственное мнение, но не на собственные факты». Господствующие взгляды новой холодной войны основаны почти исключительно на ошибочных и ложных мнениях. Сегодня особенно важно помнить о пяти таких заблуждениях:

- Заблуждение первое. После распада Советского Союза в 1991 году Вашингтон относился к посткоммунистической России великодушно, как к желанному другу и партнеру, прилагая значительные усилия к тому, чтобы помочь ей стать демократическим и благополучным членом западной системы международной безопасности. Не желая того или будучи не в состоянии это сделать, Россия отвергла такой американский альтруизм, наиболее выразительно делая это при Путине.

Факт. Начиная с 1990-х годов и, опять же, с администрации Клинтона, каждый американский президент и конгресс обращались с постсоветской Россией как с побежденной страной, не обладающей полноценными правами у себя дома и за рубежом. Такое надменное отношение по принципу «победитель забирает все» нашло свое главное отражение в расширении НАТО, которое сопровождалось отсутствием взаимности в переговорном процессе, а теперь еще и созданием противоракетной обороны. НАТО

вторгалась в традиционные сферы национальной безопасности России, а сама исключала ее из системы европейской безопасности. С самого начала конечной целью этого расширения была Украина и в меньшей степени Грузия. Как писал в 2004 году влиятельный обозреватель *Washington Post*, «Запад хочет завершить дело, начатое с падением Берлинской стены, и продолжить свой марш на восток.... Главным призом является Украина».

• **Заблуждение второе.** Существует такая страна, как «Украина», и такая нация, как «украинский народ», который стремится уйти от многовекового российского влияния и присоединиться к Западу.

Факт. Как знает каждый информированный человек, Украина – это страна, разделенная этническими, языковыми, религиозными, культурными, экономическими и политическими различиями, особенно ее западные и восточные регионы. Но не только. Когда в 2013 году начался нынешний кризис, у Украины было одно государство, но она не была единым народом или сплоченной нацией. Некоторые из этих разногласий после 1991 года еще больше усугубила безнравственная элита, но в основном они формировались и развивались на протяжении столетий.

• **Заблуждение третье.** В ноябре 2013 года Европейский союз при поддержке Вашингтона предложил украинскому президенту Виктору Януковичу благотворную ассоциацию с европейской демократией и процветанием. Янукович был готов подписать это соглашение, однако Путин запугал и подкупил его, заставив президента отвергнуть

европейское предложение. Это вызвало протесты на киевском Майдане и все, что последовало потом.

Факт. Предложение ЕС было опрометчивой провокацией, принуждающей демократически избранного президента глубоко расколотой страны сделать выбор между Россией и Западом. Такой же провокацией был и отказ ЕС от встречного предложения Путина с совместным российско-европейско-американским планом по спасению Украины от финансового краха. Само по себе предложение ЕС в экономическом плане было неосуществимо. В нем было мало финансовой помощи, но содержались требования к украинскому правительству принять жесткие меры экономии и самоограничений, а также резко сократить давние экономические отношения с Россией. Да и благотворным предложение ЕС можно назвать лишь с большими оговорками. В нем были протоколы, требующие от Украины приверженности европейской политике в области обороны и безопасности, что по сути дела означало приверженность НАТО без упоминания названия альянса. Короче говоря, не мнимая путинская «агрессия» породила сегодняшний кризис, а своеобразная «бархатная» агрессия Брюсселя и Вашингтона, цель которой заключалась в перетягивании всей Украины на Запад и в ее вовлечении в НАТО (это – мелким шрифтом).

• Заблуждение четвертое. Развернувшаяся сегодня гражданская война в Украине была вызвана агрессивной реакцией Путина на мирные протесты Майдана против решения Януковича.

Факт. В феврале 2014 года радикальные протестующие с Майдана под мощным влиянием ультранационалистов и даже полуфашистских уличных группировок перешли к применению жестокой силы. Надеясь на мирное разрешение кризиса, европейские министры иностранных дел добились компромисса между парламентскими представителями Майдана и Януковичем. Согласно достигнутой договоренности, он должен был остаться президентом коалиционного правительства национального примирения вплоть до новых выборов, намеченных на декабрь 2014 года. Но за несколько часов яростные боевики с улиц Киева сорвали эту договоренность. Европа и Вашингтон не стали защищать свое собственное дипломатическое соглашение. Янукович бежал в Россию. Находившиеся в меньшинстве парламентские партии, которые представляли Майдан и преимущественно Западную Украину (среди них было ультранационалистическое движение «Свобода», которое Европарламент прежде подвергал анафеме как несовместимое с европейскими ценностями), сформировали новое правительство. Они также отменили действующую конституцию. Вашингтон и Брюссель поддержали переворот и до сих пор продолжают поддерживать его последствия. Все, что произошло потом, от российской аннексии Крыма и распространения восстания на юго-востоке Украины, которое переросло в гражданскую войну, и до «антитеррористической операции» Киева, было спровоцировано этим февральским переворотом. А действия Путина – это в основном ответ на происходящие события.

• Заблуждение пятое. Единственный выход из кризиса – это прекращение Путиным своей «агрессии» и отзыв его агентов с юго-востока Украины.

Факт. Причины, лежащие в основе кризиса, – это внутренние украинские противоречия, но не действия Путина. Основной фактор, ведущий с мая месяца к эскалации кризиса, – это киевская «антитеррористическая» военная кампания, которую власти проводят против собственных граждан в городах Донбасса, на сегодня в основном в Луганске и Донецке. Нет сомнений, что Путин оказывает влияние на силы «самообороны» Донбасса и предоставляет им помощь. С учетом того давления, которое оказывается на него в Москве, он, скорее всего, будет делать это и дальше, возможно, усиливая свою поддержку. Но Путин не контролирует ополченцев. Если Киев прекратит свое наступление, Путин, наверное, сможет заставить повстанцев сесть за стол переговоров. Но заставить остановиться Киев может только администрация Обамы, а она этого не делает.

Короче говоря, двадцать лет американской политики привели к этой роковой конфронтации между Россией и США. Наверное, Путин тоже этому способствовал, но за 14 лет пребывания у власти он почти всегда ограничивался тем, что оборонялся и отвечал на удары. И это довольно часто ставят ему в вину московские ястребы.

В политике, как и в истории, всегда существуют альтернативы. Есть как минимум три выхода из украинского кризиса:

• Гражданская война расширяется и усиливается, в нее втягиваются российские, а возможно, и натовские воору-

женные силы. Это самый худший исход, похожий на современную версию Карибского кризиса.

- Нынешнее фактическое разделение Украины закрепляется формально в виде двух украинских государств. Одно вступает в альянс с Западом, второе – с Россией. Это будет некая форма сосуществования между холодной войной и холодным миром. Это не самый лучший выход, но и не худший.

- Оптимальный исход – это сохранение единства Украины. Для этого потребуются провести добросовестные переговоры между представителями всех украинских регионов, включая лидеров восставшего юго-востока. Переговоры можно организовать при посредничестве Вашингтона, Москвы и Евросоюза, что уже давно предлагает и Путин, и его министр иностранных дел Сергей Лавров.

Между тем человеческая трагедия в Украине продолжает усиливаться. По данным представителя ООН, к августу были убиты и получили ранения тысячи ни в чем не повинных мирных людей, и около миллиона человек стали беженцами. Это ненужная трагедия, так как разумные люди со всех сторон знают общие условия мирных переговоров.

- Украина должна стать федеративным или достаточно децентрализованным государством, чтобы ее очень разные регионы могли выбирать собственных руководителей, жить в соответствии с нормами и обычаями местной культуры, имели право голоса при решении вопросов налогообложения и бюджета, как это бывает в многочисленных федеративных государствах от Канады до Герма-

нии. Такого рода конституционные положения надо утвердить в ходе референдума или на конституционном собрании, во время или после которых должны состояться парламентские и президентские выборы. (Поспешные президентские выборы в мае были ошибкой, ведь по сути дела почти четверть страны не имела своих кандидатов, а, следовательно, была лишена права голоса.)

- Украина не должна сближаться ни с одним военным блоком, включая НАТО (как и все прочие бывшие советские республики, которые сегодня переманивает к себе Североатлантический альянс).

- Украиной надо управлять так, чтобы она могла развивать экономические отношения как с Россией, так и с Западом. Иначе она никогда не станет политически независимой и экономически процветающей.

- Если эти принципы будут приняты, их, а также территориальную целостность Украины должны гарантировать Россия и Запад. Сделать это можно в виде резолюции Совета Безопасности ООН. Но такие переговоры не могут начаться, пока Киев не прекратит свое военное наступление на востоке Украины. Россия, Германия и Франция неоднократно призывали к прекращению огня, но «анти-террористическая операция» может завершиться только там, где она началась – в Киеве и Вашингтоне.

Увы, в Вашингтоне нет лидеров, способных сделать это. Президент Обама исчез как государственный деятель в украинском кризисе. Госсекретарь Джон Керри в своих выступлениях больше похож на военного министра, нежели на нашего главного дипломата. Сенат готовит новые

законопроекты о войне. Ведущие средства массовой информации слепо полагаются на пропаганду Киева и аплодируют его политике. В отличие от разрушений в Газе, американское телевидение редко показывает то, как Киев уничтожает Луганск, Донецк и другие украинские города. А поэтому в обществе не возникает ни сомнений, ни вопросов.

Поэтому мы, патриотические настроенные еретики, остаемся в основном в одиночестве, часто подвергаясь клевете и оговорам. Я могу предложить одну очень оптимистическую перспективу, и предлагаю вспомнить, что позитивные изменения в истории часто возникали как ересь. Здесь можно процитировать слова Михаила Горбачева, который когда-то так сказал о своей борьбе за перемены внутри еще более косной и ортодоксальной советской номенклатуры: «Все новое в философии начинается как ересь, а в политике – как мнение меньшинства».

Молчание американских ястребов о зверствах Киева^{*}

Вот уже несколько месяцев поддерживаемый США киевский режим совершает зверства против собственных граждан на юго-востоке Украины, где проживают в основном русскоязычные украинцы и этнические русские. Подвергаясь нападениям все большее число ни в чем не повинных

---

* Впервые опубликовано в: The Nation. 2014, June 30. Печ. по: Иносми. 2014, 30 июня.

людей, в том числе, детей, и подрывая репутацию Америки, организаторы этих нападений, которые фиксируются на видео, оказывают давление на Россию и на президента Владимира Путина, который слышит призывы «спасти наших соотечественников».

Реакция администрации Обамы, а также ястребов новой холодной войны в Конгрессе и в ведущих средствах массовой информации является двойкой: это молчание, периодически нарушаемое заявлениями в оправдание Киева, которые подстрекают его к новым зверствам. Мало кто из американцев (среди которых, что примечательно, независимый ученый Гордон Хан (Gordon M. Hahn)) выступает против этого скандального пособничества. Мы благородно не соглашаемся по поводу причин и методов разрешения украинского кризиса, который привел к самой серьезной конфронтации между США и Россией за многие десятилетия, но храним молчание о тех деяниях, которые выходят или уже вышли на уровень военных преступлений.

* * *

В середине апреля новое правительство в Киеве, являющееся преимущественно западноукраинским по составу и мировоззрению, объявило о начале «антитеррористической операции» против участников разраставшегося политического восстания на юго-востоке. В то время восставшие действовали в основном по образцу протестов на киевском Майдане в 2013 году – проводили манифестации, выступали с демонстративны-

ми заявлениями, захватывали государственные здания и возводили оборонительные баррикады. Но Майдан прибег к свирепому насилию и в феврале сверг коррумпированного, но законно избранного президента Виктора Януковича. (Следует вспомнить, что все эти события на Майдане пользовались активной политической, а возможно, и более осязаемой поддержкой Вашингтона.) На самом деле, прецедент с захватом правительственных зданий и с требованиями о лояльности местных властей был создан раньше, в январе месяце на западной Украине. И создали его сторонники Майдана, протестовавшие против Януковича, а в некоторых местах провозглашавшие «независимость» от его власти.

С учетом этой предыстории, но прежде всего, глубокого исторического раскола страны, особенно между ее западными и восточными регионами (с их этническим, языковым, религиозным, культурным, экономическим и политическим разделением) восстание на юго-востоке с центром в промышленном Донбассе не является неожиданностью. Не могут вызывать удивления и протесты против антиконституционного прихода к власти нового правительства (по сути дела, в результате переворота), против внезапной потери юго-востоком страны эффективного политического представительства в столице и вполне реальных перспектив дискриминации со стороны властей. Но объявив «антитеррористическую операцию» против манифестантов с юго-востока, Киев просигнализировал о своем намерении «уничтожить» их, но не вести с ними переговоры.

2 мая в такой взрывоопасной атмосфере в южном городе Одессе произошли страшные события, пробудившие воспоминания о карательных отрядах немецких фашистов на Украине и в других советских республиках в годы Второй мировой войны. Организованная толпа сторонников Киева загнала протестующих в здание, подожгла его и попыталась заблокировать все выходы. Примерно сорок человек, а может и больше, погибли в огне или были убиты при попытке вырваться из горящего здания. Неизвестное до сих пор количество людей получило серьезные ранения.

Эту толпу возглавили члены печально известной крайне правой военизированной организации «Правый сектор», которая по своей идеологии близка к ультранационалистической партии «Свобода», вошедшей в коалиционное правительство в Киеве. Информированные обозреватели часто называют эти организации неонацистскими движениями. (Во время зверств в Одессе были слышны ненавистнические выкрики и скандирование толпы в адрес других национальностей, а внутри выгоревшего здания были обнаружены нарисованные свастики.) Киев заявил, что жертвы сами устроили пожар, однако очевидцы, телевизионные кадры и видеозаписи в социальных сетях рассказали правду о поджоге и о последовавших затем бесчинствах.

Вместо того, чтобы призвать к сдержанности после одесской бойни, Киев активизировал свою «антитеррористическую операцию». С мая месяца режим во все больших количествах отправляет в юго-восточные города бро-

нетранспортеры, танки, артиллерийские орудия, ударные вертолеты и самолеты. Среди этих городов Славянск, Мариуполь, Красноармейск, Краматорск, Донецк и Луганск. Когда регулярные воинские части и местные милицмейские подразделения продемонстрировали свою полную неэффективность, нежелание воевать и нелояльность по отношению к Киеву, тот в спешном порядке мобилизовал «Правый сектор» и прочих радикальных боевиков из числа националистов, несущих ответственность за насилие на Майдане, и создал из них национальную гвардию, которая сопровождает армейские подразделения – отчасти в качестве усиления, а отчасти, как кажется, для того, чтобы силой добиваться выполнения приказов Киева. Ретивые, слабо обученные, набранные в основном из центральных и западных регионов новобранцы Киева разжигают межэтническую войну и убивают ни в чем не повинных граждан. (Такие эпизоды, получившие название «массовое убийство», вскоре произошли в Мариуполе и Краматорске.)

Вначале «антитеррористическая» кампания была ограничена в основном (хотя и не только) действиями против блок-постов повстанцев на городских окраинах. Но с мая месяца Киев начал регулярные артиллерийские обстрелы и авиационные удары по городским центрам, мишенью для которых стали жилые дома, торговые центры, парки, школы, детские сады и больницы, в первую очередь, в Славянске и Луганске. Все большее количество городских районов, прилегающих к ним поселков и даже деревень сегодня похожи на зоны военных действий с характерны-

ми для таких зон разрушенными зданиями и домами с отметинами от пуль и осколков, изуродованными автомашинами, трупами и ранеными людьми на улицах, плачущими детьми и оплакивающими убитых родственниками. Из-за противоречивой информации, поступающей из Киева, от местных руководителей сопротивления и из Москвы, очень трудно установить число погибших и раненых среди гражданского населения – но счет определенно идет на сотни. И это количество продолжает расти, отчасти из-за того, что Киев устраивает блокаду городов, где кончаются медикаменты, продовольствие, вода, топливо, где отключено электричество, где никто уже не получает зарплаты и пенсии. В результате там начинается гуманитарная катастрофа.

Заметен и другой эффект. «Антитеррористическая» тактика Киева создает атмосферу страха и ужаса в атакуемых городах. Страшась разрывающихся на улицах снарядов и мин, пролетающих в небе вертолетов и самолетов, и в панике думая о том, что будет дальше, семьи прячутся в подвалах и других темных убежищах. Даже New York Times, которая, подобно всем прочим ведущим американским СМИ, в своих материалах избегает упоминания о зверствах, написала о выживших в Славянске, что они «живут как будто в средневековье». Между тем, все большее количество беженцев, в основном женщины и напуганные дети, бегут через границу в Россию. По оценкам ООН, в конце июня 110 000 жителей Украины бежали в Россию и наполовину меньше – в безопасные места на территории Украины.

Действительно, выступающие против Киева повстанцы в юго-восточных регионах хорошо вооружены (хотя у них, в отличие от правительственных войск, нет тяжелого вооружения и авиации), организованы и агрессивны. Нет сомнений, что они получают определенную помощь от России, которая поступает к ним с санкции властей или без таковой. Но называя себя «самообороной», эти ополченцы говорят правду. Не они начали боевые действия; это на их землю напали войска правительства, которое обладает ничуть не большей политической легитимностью, чем ополченцы; две области этого крупного региона провели референдум, на котором подавляющим большинством проголосовали за автономию; и в отличие от террористов, они не ведут военные действия за пределами своих мест проживания. Здесь уместна старая французская пословица, которую приводит один американский обозреватель: «Зверь очень опасен. Если на него напасть, он будет защищаться».

* * *

Среди важнейших вопросов, которые редко выносятся на обсуждение политико-медийным истеблишментом, роль неонацистского фактора в киевской «антитеррористической» идеологии и в военных операциях. Позиция Путина, которой он придерживался как минимум до недавнего времени – что все украинское правительство это «неонацистская хунта» – не соответствует действительности. Многие члены правящей коалиции и ее парламентского большинства это демократы или умеренные

националисты европейского стиля. То же самое, наверное, можно сказать и о недавно избранном президенте Украины олигархе Петре Порошенко. Но в равной степени не соответствуют действительности и утверждения американских апологетов Киева, включая некоторых ученых и либеральных интеллектуалов, которые утверждают, что украинские неонацисты – или, пожалуй, квази-фашисты – это просто возбужденные националисты, «разновидность европопулистов», «фактор отвлечения внимания», и что они не пользуются народной поддержкой, а следовательно, не имеют никакого значения.

Независимые западные ученые документально доказали фашистское происхождение «Свободы» и ее попутчика «Правого сектора», их современной идеологии и декларативных символов. Оба движения прославляют кровожадных украинских коллаборационистов нацизма, действовавших в годы Второй мировой войны, и вдохновлявших их предшественников. Оба, если прислушаться к словам лидера «Свободы» Олега Тягнибока, призывают к созданию этнически чистой нации, очищенной от «московско-еврейской мафии» и «прочего отребья» к которому он причисляет гомосексуалистов, феминисток и левые политические силы. Оба движения приветствовали одесскую бойню. На вебсайте лидера «Правого сектора» Дмитрия Яроша появилась запись: «Это очередной светлый день в истории нашей нации». Депутат парламента от «Свободы» добавил: «Браво, Одесса.. Пусть дьяволы горят в аду». Если нужны дополнительные доказательства, вот они. В декабре 2012 года Европарламент осудил «расистские,

антисемитские и ксенофобские взгляды партии «Свобода», которые идут вразрез с основополагающими ценностями и принципами ЕС». В 2013 году Всемирный еврейский конгресс обвинил «Свободу» в неонацизме. Но хуже то, что обозреватели едины в своем мнении: «Правый сектор» является еще более экстремистским объединением.

Результаты выборов в этом плане не показательны. Вместе Тягнибок и Ярош получили менее двух процентов голосов на президентских выборах; однако историкам хорошо известно, что во времена смуты, когда, как писал Уильям Йейтс (William Yeats) «центр не может удержаться», небольшие, но решительно настроенные движения способны воспользоваться моментом, как это сделали ленинские большевики и гитлеровские нацисты. На самом деле, «Свобода» и «Правый сектор» пользуются гораздо большей властью и влиянием, нежели показывают результаты голосования. «Умеренные» в пользующемся американской поддержкой правительстве Киева своим приходом к власти в результате насильственного переворота и своей личной безопасностью обязаны этим движениям, и в награду за такие действия они отдали «Свободе» и «Правому сектору» примерно пять из восьми (это зависит от меняющейся политической принадлежности) главных министерских постов, в том числе, в таких сферах как национальная безопасность, армия, прокуратура и образование. Более того, как отмечается в исследовательской работе блестящего выпускника Мичиганского университета Пьетро Шакаряна (Pietro Shakarian), «Свобода» получила губернаторские должности в пяти областях, ко-

торые составляют 20 процентов украинской территории. И здесь еще не учитывается роль «Правого сектора» в «антитеррористической операции».

Здесь также не учитывается тот факт, что бесчеловечные идеалы фашизма переходят в разряд политического мейнстрима. В декабре 2012 года лидер фракции «Свободы» в парламенте назвал американскую актрису Милу Кунис (Mila Kunis) «грязной жидовкой». С 2013 года поддерживающие Киев бандитствующие элементы и боевики постоянно порочат русских, называя их «колорадами» (цвета колорадского жука напоминают цвета священной для России георгиевской ленты). А недавно поставленный американцами на пост премьера Арсений Яценюк назвал участников сопротивления юго-востока «недочеловеками». Его министр обороны предложил отправить этих людей в фильтрационные лагеря с целью последующей депортации, что вызвало опасения о грядущих этнических чистках. Бывший премьер-министр Юлия Тимошенко, номинально возглавляющая партию Яценюка и участвовавшая в майских президентских выборах в качестве одного из главных кандидатов, в одном из записанных разговоров пожалела о том, что не может «поубивать всех их [русских на Украине] атомным оружием». В стремлении к очищению Украины не менее апокалиптически звучат рассуждения власти о «стерилизации».

Столкнувшись с такими фактами, американские апологеты Киева сочинили еще одно логическое обоснование. Любой неофашист на Украине, заверяют они нас, гораздо безопаснее, чем «четко выраженные фашистские аспек-

ты» путинизма. Данное утверждение даже не заслуживает серьезного анализа: каким бы самовластным правителем ни был Путин, в его правлении, политике, государственной идеологии и личных поступках нет ничего подлинно фашистского.

На самом деле, сравнение Путина с Гитлером, чем занимаются видные американцы, начиная с Хиллари Клинтон и Збигнева Бжезинского, и заканчивая Джорджем Уиллом (George F. Will), это очередной пример того, как наши новые рыцари холодной войны безрассудно и опрометчиво наносят ущерб национальной безопасности США в тех важных областях, где сотрудничество с режимом Путина исключительно ценно. Если заглянуть вперед, то можно сказать, что потенциальных президентов, выступающих с такого рода высказываниями, Путин вряд ли будет приветствовать с распростертыми объятиями – ведь во время войны Советского Союза с фашизмом умер его брат, а отец получил ранения. Более того, десятки миллионов россиян, чьи родственники погибли на той войне от рук настоящих фашистов, считают кощунством эту клевету на своего популярного президента, как и те бесчинства, которые творит Киев.

* * *

Тем не менее, администрация Обамы реагирует на происходящее молчанием, а то и хуже. Историки решат, чем занималось на Украине в предыдущие двадцать лет правительство США и финансируемые им организации по «продвижению демократии», но во многом роль Вашинг-

тона в нынешнем кризисе уже сейчас ясна и понятна. Когда в ноябре–декабре прошлого года начались массовые протесты Майдана против президента Януковича, сенатор Джон Маккейн, высокопоставленный руководитель из Госдепартамента Виктория Нуланд, а также целая толпа американских политиков и официальных лиц приезжали в Киев, вставали на трибуне бок о бок с лидерами протестов, главным среди которых был Тягнибок, и заявляли: «Америка с вами!» Затем появилась запись разговора Нуланд с американским послом Джеффри Пайеттом (Geoffrey Pyatt), во время которого они сговаривались о свержении Януковича и о замене его на Яценюка. Вскоре тот действительно стал премьер-министром и остается на этом посту до сих пор.

Между тем, президент Обама лично предупреждал Януковича о недопустимости насилия. Об этом же неоднократно говорил и госсекретарь Джон Керри. Но когда начались жестокие уличные столкновения, в результате которых был свергнут Янукович (произошло это спустя буквально несколько часов после принятия при посредничестве Европы и при содействии Белого дома компромиссного решения, согласно которому Янукович должен был до новых выборов в декабре 2014 года оставаться на посту президента во главе правительства национального примирения), администрация приняла роковое решение. Она с энтузиазмом поддержала такой исход с насильственным свержением. Обама лично признал переворот законным, назвав его «конституционным процессом» и пригласив Яценюка в Белый дом. Соединенные Штаты

как минимум негласно содействовали тому, что произошло потом. А произошло следующее. Путин после колебаний принял в марте решение о присоединении Крыма, а на юго-востоке Украины началось восстание, переросшее в идущую до сих пор гражданскую войну.

Неизвестно, насколько активно американские представители участвуют в киевской «антитеррористической операции», но администрация определенно не демонстрирует особой скрытности. До и после начала активной военной кампании Киев посещали директор ЦРУ Джон Бреннан (John Brennan) и вице-президент Джозеф Байден (дважды), а за ними последовала целая стая «высокопоставленных руководителей американского оборонного ведомства», потекло оружие, и пошла финансовая помощь несостоятельному правительству в Киеве. Несмотря на эту жизненно важную для Киева поддержку, Белый дом не стал настаивать на проведении расследования одесской бойни, зловещих убийств снайперами 18–20 февраля многочисленных протестующих на Майдане и милиционеров, что ускорило изгнание Януковича. (Вначале говорили, что снайперов направил Янукович, но появившиеся позднее улики указывают на экстремистов из рядов оппозиции, а возможно, и на «Правый сектор». В отличие от Вашингтона, Совет Европы требует от Киева расследовать оба события.)

Сегодня, когда на Украине творятся зверства и надвигается гуманитарная катастрофа, Обама и Керри как государственные деятели куда-то исчезли. Если не считать периодически звучащих банальностей о добродетельных

намерениях Вашингтона и Киева, и утверждений об ответственности Путина за все это насилие, давать конкретные ответы они поручили чиновникам рангом ниже. Естественно, все они рассказывают одну и ту же манихейскую историю о борьбе добра со злом, начиная с Белого дома и кончая Госдепартаментом. Так, миссионерствующий неокон из Госдепа Нуланд, которая несколько дней провела на Майдане, заверила комитет Конгресса, что у нее нет свидетельств той роли, которую на Украине играют фашистские элементы. Посол Пайетт, который ранее высказал аналогичное мнение о расправе в Одессе, отнесся к этим событиям еще более пренебрежительно, заявив услужливым редакторам из *New Republic*, что весь этот вопрос «смехотворный».

Еще большее безобразие заключается в том, что ни один американский официальный представитель не выступил с содержательным заявлением и соболезнованиями по поводу гибели гражданского населения от рук киевского правительства, и даже по поводу событий в Одессе. Вместо этого администрация проявляет неизменное безразличие. Отвечая на вопрос о том, испытывает ли ее начальство «хоть какую-то обеспокоенность» по поводу людских потерь в ходе военной кампании Киева, пресс-секретарь Госдепартамента Джен Псаки (Jen Psaki) неизменно говорит «нет». На самом деле, выступая 2 мая в Совете Безопасности ООН, представитель США Саманта Пауэр, говоря конкретно о «контртеррористической инициативе», отказалась от своей глубоко чтимой доктрины под названием «Обязанность защищать» и выдала киев-

ским лидерам американскую лицензию на убийство. Приветствуя их «выдающуюся, почти невообразимую сдержанность», о чем сам Обама заявил после одесских событий, она заявила: «Их ответ вполне приемлем, соразмерен, и если говорить откровенно, точно так поступила бы любая из наших стран». (После этого администрация заблокировала призыв Москвы о создании гуманитарного коридора ООН между юго-востоком Украины и Россией.)

Вопреки нескончаемым действиям администрации и СМИ по демонизации Путина и его «агентов» на Украине, «антитеррористическую операцию» можно завершить только там, где она началась – в Вашингтоне и Киеве. Если оставить в стороне вопрос о том, какой властью новый президент обладает в Киеве (и над воюющими боевиками из «Правого сектора»), «мирный план» Порошенко и объявленное 21 июня прекращение огня создавали благоприятные возможности, за исключением двух выдвинутых в них важных условий: ополченцы на юго-востоке должны были сначала «сложить оружие», и Порошенко один должен был решить, с кем вести переговоры о мире. Это сродни условиям капитуляции, и 1 июля Порошенко в одностороннем порядке прекратил перемирие и активизировал наступление Киева на восточные города.

А администрация Обамы продолжает усугублять ситуацию. Несмотря на возражения некоторых натовских союзников и даже глав американских корпораций, президент и его госсекретарь, который на протяжении всего кризиса действует в большей степени как военный ми-

нистр, нежели как главным дипломат страны, постоянно угрожают России все более суровыми экономическими санкциями, предъявляя Путину одно условие за другим, хотя знают, что в большинстве своем они явно являются невыполнимыми. 26 июня Керри даже потребовал (буквально), чтобы российский президент «в ближайшие часы помог разоружить» членов сопротивления на юго-востоке, как будто у них нет никаких причин для участия в собственно украинском конфликте, и они просто боевики из частной армии Путина.

В действительности реальные цели администрации с начала кризиса непонятны, причем не только для Москвы. Стремятся ли США к переговорному компромиссу, в результате которого на Украине должна произойти существенная федерализация и децентрализация, и страна в результате будет поддерживать долгосрочные экономические связи с Россией, лишенная возможности вступить в НАТО? А может, цель в том, чтобы вся страна принадлежала исключительно Западу и стала членом НАТО? Или это вендетта против Путина и всего того, что он якобы сделал и не сделал за все эти годы? (Некоторые поступки Обамы и Керри, явно нацеленные на то, чтобы унижить и оскорбить Путина, показывают, что в этом есть доля правды.) Или цель в том, чтобы спровоцировать Россию на войну с США и НАТО на Украине?

Последний вариант кажется вполне возможным независимо от того, существуют такие намерения или нет. После того, как Россия аннексировала в марте Крым (или «воссоединилась» с ним), «выдающуюся сдержанность»

демонстрирует не Киев и не Вашингтон, а Путин. Однако в силу происходящих событий делать это ему становится все труднее. Почти ежедневно российские государственные средства массовой информации, и особенно телевидение, представляют яркие репортажи с мест, показывающие, как Киев ведет наступление на восточные города Украины. В результате и элита, и общество в целом испытывают возмущение, негодование и даже ярость, недоумевая, почему Путин отказывается от военного вмешательства.

Мы можем не обращать внимания на приводимый ниже обвинительный вердикт влиятельного идеолога российских ультранационалистов, который тесно связан с командирами сил «самообороны» на Украине: «Путин предает не только Донецкую народную республику и Луганскую народную республику, но и себя, Россию и всех нас». Однако не следует недооценивать значение статьи, появившейся в ведущей прокремлевской газете «Известия», которая обвиняет российское руководство в «игнорировании криков о помощи» и спрашивает: «Неужели Россия оставила Донбасс в беде?» Если это так, предупреждает автор, то результатом станет «самый страшный кошмар для России», которая займет положение «побежденной страны».

Не менее важны и аналогичные предостережения лидера российских коммунистов Геннадия Зюганова, ведь его партия вторая по численности в стране и в парламенте. Она пользуется значительным влиянием среди военной элиты, в руководстве органов безопасности и даже

в Кремле. Так, один из помощников Путина публично призвал его направить в районы боевых действий истребители, чтобы создать «бесполетную зону», и уничтожить киевские самолеты на подлете и наземные силы, как это было сделано во время операции ООН в Ливии, которой руководили американцы. Кремль этого не забыл и не простил. Если такое произойдет, силы США и НАТО, концентрирующиеся в настоящее время в Восточной Европе, также могут вмешаться, и в результате возникнет конфронтация наподобие карибского кризиса. Как напоминает нам один бывший российский министр иностранных дел, которым восхищается Запад, «ястребы есть с обеих сторон».

Но в Соединенных Штатах этого даже не замечают. В демократической политической системе ведущие средства массовой информации должны срывать завесу тайны и устранять неясность боевой обстановки. Но в ходе украинского кризиса ведущие американские газеты и телеканалы действуют почти так же предвзято и уклончиво, как Белый дом и Госдепартамент. Они затушевывают происходящие зверства, а то и вовсе о них умалчивают, и в целом полагаются на информацию из Вашингтона и из Киева. Поэтому большинство американцев, сами того не подозревая, опозорены действиями администрации Обамы. А те, кто знает, но молчит – в правительстве, в аналитических центрах, в университетах и в СМИ – сами становятся соучастниками преступления.

Почему мы должны вернуться к принципу паритета между США и Россией*

Он уже погрузил нас в новую (или возобновленную) холодную войну, потенциально даже более ожесточенную, чем предшествовавшее сорокалетнее противостояние между Америкой и СССР, поскольку эпицентр этой новой схватки находится у самой границы России, потому что у этой войны нет стабилизирующих законов, выработанных в течение предыдущей холодной войны, а еще потому, что в отличие от прежних времен, сегодня в американском политическом истеблишменте и медиа-сообществе не существует никакой оппозиции. Я также говорил о том, что мы можем вскоре оказаться даже ближе к реальной войне с Россией, чем во время карибского ракетного кризиса в 1962 году.

К сожалению, я вынужден сказать, что сегодня кризис зашел еще дальше. Новая холодная война обострилась и обрела формальные черты в процессе, который начался в феврале прошлого года как, в сущности, украинская гражданская война и позже превратился в гибридную войну между США/НАТО и Россией. Это сопровождалось потоком провокационной дезинформации из Вашингтона, Москвы, Киева и Брюсселя. США и Евросоюзом были введены экономические санкции, подтолкнувшие Россию к политической изоляции от Запада, как в конце 1940-х.

---

* Впервые опубликовано в: The Nation. 2015, April 14. Печ. по: Ино-
сми. 2015, 14 апреля.

Еще больший риск заключается в том, что обе стороны активно приступили к разворачиванию обычных и ядерных вооружений, а также к испытанию друг друга на прочность в воздухе и на море.

Дипломатические связи между Вашингтоном и Москвой уступили место милитаризированному мировоззрению, в то время как сотрудничество, формировавшееся в течение многих десятилетий в сфере торговли, образования и контроля над вооружениями, практически прекращено.

И все же, несмотря на этот ужасный кризис и его растущую опасность, в Америке до сих пор не существует никакой оппозиции – ни в администрации, ни в Конгрессе, ни в ведущих средствах массовой информации, ни в университетах, ни в аналитических центрах, ни в обществе. Вместо этого – почти не подвергающаяся критике политическая, финансовая и военная поддержка все более авторитарному киевскому режиму, который едва ли представляет собой бастион «демократии и западных ценностей».

На самом деле, надежда предотвратить разрастание войны находится под угрозой из-за действий политических сил, прежде всего Вашингтона и поддерживаемого Америкой Киева, которые, судя по всему, стремятся к военному столкновению с российским президентом Владимиром Путиным, которого незаслуженно обливают грязью. В феврале канцлер Германии Ангела Меркель и президент Франции Франсуа Олланд выступили посредниками в минском военно-политическом соглашении ме-

жду Путиным и украинским президентом Петром Порошенко, которое, в случае его выполнения, могло бы способствовать окончанию гражданской войны на Украине.

Могущественные противники минских договоренностей, как в Вашингтоне, так и в Киеве, осуждают перемирие, считая его проявлением «политики умиротворения» в отношении Путина и требуя от президента Обамы направить вооружения стоимостью 3 миллиарда долларов киевским властям.

Этот шаг привел бы к эскалации войны на Украине, срыву перемирия и политических договоренностей, заключенных в Минске, и спровоцировал бы военный ответ России с самыми непредсказуемыми последствиями. В то время как единая позиция Европы относительно кризиса раскололась, что может привести к разрушению трансатлантического альянса, эта безрассудная позиция Вашингтона получила почти единогласную поддержку в конгрессе (необходимо отдать должное тем 48 конгрессменам, которые проголосовали против резолюции 23 марта, даже если их усилия оказались слишком слабыми и запоздалыми).

Что я еще могу сказать сегодня? Я мог бы попытаться доказать, что первопричиной этого рокового кризиса является политика, проводимая США с 1990-х годов, а вовсе не «российская агрессия». Однако, я уже делал это несколько месяцев назад и позже опубликовал несколько своих статей на эту тему. Сегодня я хочу кратко остановиться на холодной войне между США и СССР, а также взглянуть на ближайшую перспективу, чтобы задать во-

прос, возможно несколько «донкихотский»: Даже если переговоры по украинскому конфликту будут успешными, как мы можем обеспечить их соблюдение и что можно сделать, чтобы избежать новой, длительной и еще более ожесточенной холодной войны с постсоветской Россией?

Ответ – новая «разрядка напряженности» между Вашингтоном и Москвой. Для этого мы должны заново усвоить главный урок истории сорокалетней американо-советской холодной войны. Эта история почти забыта, извращена или вовсе неизвестна многим молодым американцам. «Разрядка» как идея и политический курс, означает расширение элементов сотрудничества в американо-советских отношениях при одновременном сокращении точек столкновения, в особенности, хотя и не исключительно, в сфере гонки ядерных вооружений. В этом отношении «разрядка» имеет долгую, сложную, нередко печальную, но в конечном итоге победную историю.

Если не касаться первой «разрядки» 1933 года, когда США официально признали советскую Россию, после пятнадцати лет дипломатического непризнания (первая холодная война), настоящая «разрядка» началась в середине 1950-х во время правления президента Дуайта Эйзенхауэра и советского лидера Никиты Хрущёва.

Вскоре она была сорвана силами холодной войны и событиями в обеих странах. Это волнообразное состояние продлилось тридцать лет: при президенте Джоне Кеннеди и Хрущёве, после Карибского ракетного кризиса, при президенте Линдоне Джонсоне и советском генсеке Леониде Брежнев, во время войны с Вьетнамом, при президенте

Ричарде Никсоне и Брежневе в 1970-х (самый долгий период разрядки) и недолго при президентах Джералде Форде и Джимми Картере, также с Брежневым. Каждый раз «разрядка» неизбежно срывалась, сознательно и несознательно.

Наконец, в 1985 году один из самых последовательных сторонников холодной войны среди американских президентов, Рональд Рейган, начал вместе с советским лидером Михаилом Горбачевым новую «разрядку», настолько глубокую, что оба они, также как и последователь Рейгана, президент Джордж Буш-старший, поверили, что холодная война пришла к концу. Как могла политика разрядки, несмотря на три десятилетия повторявшихся поражений и политической диффамации, оставаться жизнеспособной и в конечном итоге успешной (как тогда казалось большинству обозревателей) американской политикой?

Прежде всего, дело в том, что Вашингтон постепенно признал советскую Россию в качестве великой державы, обладающей легитимными национальными интересами в международной сфере. Это признание получило концептуальное обоснование и особое название: «паритет».

Это правда, что паритет начался с крайне неохотного признания того факта, что ядерный потенциал США и СССР достиг состояния «гарантированного взаимного уничтожения» и в силу различия между двумя системами, принцип паритета не означает морального равенства. Правда и то, что мощные политические силы в Америке никогда не принимали этого принципа и последовательно с ним боролись. Несмотря на это, принцип паритета

все же существовал, как секс в викторианской Англии, лишь косвенно признаваемый в обществе, однако постоянно практикуемый, что отразилось в общепринятом словосочетании «две мировые сверхдержавы», без прилагательного «ядерные».

Самое главное, что каждый из президентов США, от Эйзенхауэра до Рейгана, возвращался в свое время к этому принципу. Так, Джек Мэтлок-младший, высокопоставленный дипломат и историк «разрядки» времен Рейгана–Горбачева–Буша, рассказывает, что для Рейгана «разрядка основывалась на нескольких логических принципах», первым из которых был следующий: «страны должны строить равноправные отношения».

Особую важность имели три элемента американо-советского паритета.

Во-первых, обе стороны признали сферы влияния, «красные линии», которые недопустимо пересекать. Этот принцип прошел испытание во время кризиса на Кубе в 1962 году, однако в конце концов победил. Во-вторых, ни одна из сторон не должна чрезмерно вмешиваться, помимо взаимной военной пропаганды, во внутреннюю политику другой. Принцип невмешательства также подвергся проверке, в особенности в связи с проблемой еврейской эмиграции из СССР и преследованием политических диссидентов, однако, в целом он все же соблюдался. И в-третьих, Вашингтон и Москва несли общую ответственность за мир и всеобщую безопасность в Европе, даже несмотря на экономическое и военное соперничество. Разумеется, и это положение не раз проверялось на прочность во время

серьезных кризисов, однако стороны никогда не отказывались от принципа паритета.

Эти правила паритета предотвратили настоящую войну между США и СССР во время холодной войны. Они стали фундаментом дипломатических успехов во время «разрядки», от символических встреч на высшем уровне, соглашений о контроле над вооружениями, хельсинкского Договора о европейской безопасности 1975 года, до многочисленных форм сотрудничества, которое сейчас отвергается. Кроме того, в 1985–1989 годах они сделали возможным объявление обеими сторонами об окончании холодной войны.

Сегодня мы снова в состоянии холодной войны с Россией, особенно в связи с конфронтацией на Украине, вызванной по большей части нарушением со стороны Вашингтона принципа паритета.

Конечно, сейчас мы знаем, где, почему и как это произошло. Три лидера, которые обсуждали окончание американо-советской холодной войны неоднократно говорили в 1988–1990, что «в холодной войне нет побежденной стороны». Обе стороны, как они уверяли друг друга, оказались победителями. Однако, когда Советский Союз прекратил свое существование два года спустя в декабре 1991, Вашингтон объединил эти два исторических события, что привело к изменению точки зрения президента Буша-старшего. В своем обращении к Конгрессу в 1992 году он заявил: «С божьей помощью, Америка победила в холодной войне». Он добавил, что «единственной сверхдержавой в мире стали Соединенные Штаты Америки».

Это двойное отрицание принципа паритета и претензии Америки на первенство в международных отношениях стало, и остается сегодня, практически священной аксиомой американской политики, которая воплотилась в формулировке госсекретаря Мадлен Олбрайт: «Америка – единственная незаменимая держава мира», которую президент Обама по-своему повторил в 2014 году в обращении к курсантам Вест-Пойнта: «Соединенные Штаты есть и остаются единственной незаменимой нацией».

Этот официальный американский триумфализм – то, чем мы убеждали самих себя и чему учили наших детей в течение почти двадцати пяти лет. Он крайне редко подвергается критике со стороны ведущих американских политиков и комментаторов. Этот ортодоксальный подход привел к многим катастрофам во внешней политике США, не только в отношениях с Россией.

Более двух десятилетий Вашингтон воспринимал постсоветскую Россию как побежденную и, следовательно, более слабую страну, подобно Германии и Японии после второй мировой войны, и не обладающую легитимными правами и интересами, сравнимыми с американскими, как внутри страны, так и за рубежом. Анти-паритетное мышление сформировало все важные политические шаги Вашингтона в отношении России, начиная с катастрофического «крестового похода» по созданию нового образа России в Америке в 1990-х годах, продолжающейся экспансии НАТО к российским границам, невзаимных переговоров, известных как «избирательное сотрудничество», двойных стандартов во внешней политике и нарушений

собственных обещаний, до настойчивых указаний по «продвижению демократии» во внутренней политике самой России.

Два особенно опасных примера прямо относятся к украинскому кризису. В последние годы лидеры США не раз заявляли о том, что России не полагается никаких «сфер влияния», даже на собственных границах, в то же время расширяя собственную сферу влияния с помощью НАТО, к самым границам России. Эта самая большая в истории мирного времени сфера влияния занимает приблизительно миллион квадратных километров. Попутно американские официальные СМИ и политические деятели стали обливать грязью лично Владимира Путина так, как никогда не поступали ни с одним из советских лидеров, по крайней мере после Сталина, создавая впечатление новой политической тенденции, противоположной принципу паритета – делегитимизации и свержения российского правительства.

Москва много раз выражала протест против американской политики мировой гегемонии, особенно решительно после того, как эта политика привела к гибридной войне в одной из бывших советских республик Грузии в 2008 году, однако Вашингтон оставался глух.

По всей вероятности, следует считать неизбежным, что этот анти-паритетный подход привел и к сегодняшнему украинскому кризису, причем Москва отреагировала так, как и должна была реагировать при любом другом национальном лидере, о чем хорошо было известно каждому осведомленному наблюдателю.

Если идея «разрядки напряженности» не будет полностью реабилитирована, включая ее важнейший принцип паритета, новая холодная война приведет к угрозе настоящей войны Запада против ядерной России. Мы должны добиваться новой «разрядки». Возможно, время не на нашей стороне, но разум – безусловно. Тем, кто скажет, что это «политика умиротворения» или «апологетика Путина», мы ответим, нет, это американский патриотизм, не только из-за риска большой войны, поскольку истинная национальная безопасность США во многих жизненно важных сферах и многих регионах (от распространения ядерного оружия и международного терроризма до проблем ближневосточного урегулирования и ситуации в Афганистане) нуждается в Кремле как в партнере.

Тем, кто настаивает, что американский президент ни в коем случае не должен вступать в партнерство с «демонизированным» Путиным, мы объясним, что его образ чудовища почти не основан на фактах и логике.

Мы также подчеркнем, что расширение НАТО на восток с 1990-х годов целенаправленно исключило Россию из постсоветской «системы европейской безопасности», которую Путин сейчас обвиняет в предательстве, поскольку эта экспансия нарушает прежние обещания Запада, данные Кремлю, относительно «общего европейского дома».

Триумфалистам, настаивающим на том, что Россия не заслуживает никаких сфер влияния, мы ответим, что это стремление России – не империализм образца девятнадцатого века, а оправданная зона безопасности на ее границах, свободная от военного присутствия США и НАТО,

например, на Украине и в Грузии. А еще мы зададим вопрос: если США имеют право на такие зоны безопасности не только в Канаде и Мексике, но по всему западному полушарию, согласно вашингтонской доктрине Монро, почему Россия не должна иметь подобных интересов в отношении своих соседей? Тем же, кто ответит, что любая страна формально имеет право вступить в НАТО, мы скажем, что НАТО – не организация в сфере безопасности, это не благотворительная ассоциация, не Американское общество пенсионеров, и ее беспорядочное расширение не привело к повышению степени безопасности ни одной из стран, а лишь разрушило дипломатические институты, что и продемонстрировал украинский кризис.

Тем, кто скажет, что Россия не имеет равных с Западом прав, поскольку проиграла сорокалетнюю холодную войну, мы должны объяснить, как это произошло на самом деле.

А сторонникам мнения, что Америка должна продолжать «продвижение демократии» даже путем смены режима в современной России, мы ответим, как я это уже делал на слушаниях в Конгрессе в 1977 году: «Мы не обладаем монополией на применение силы, чтобы непосредственно влиять на перемены в Советском Союзе. Любое иностранное правительство, которое вмешивается во внутренние дела СССР... принесет своей стране и другим больше вреда, чем пользы. Соединенные Штаты должны оказывать влияние на либерализацию Советского Союза путем развития долгосрочной внешней политики и формирования такой международной обстановки, которая

усилит реформистские тенденции и лишит почвы реакционные настроения в Советском Союзе... Короче, “разрядка”».

Все это подтверждается событиями, произошедшими менее десяти лет назад, и позже забытыми. Это не в меньшей степени относится к России и американо-российским отношениям сегодня, начиная с применения принципа паритета к Украине. Это означает, что две страны договариваются о независимом статусе Украины при условии ее внеблокового статуса, с определенной степенью возможностей для тех регионов, которые сохраняют свою историческую связь с Россией и тех, кто стремится к более тесным отношениям с Западом. Осуществление тяжело достигнутых минских договоренностей было бы важным шагом в этом направлении, и их противники это хорошо понимают.

Перестанет ли Россия быть частью Запада?^{*}

Безусловно, Россия географически не может перестать быть частью Запада. Ее просторы охватывают огромные дальневосточные территории и народы и протяженную границу с Китаем, но помимо этого, они включают и крупные европейские города – такие, как Санкт-Петербург. Лишь по этой причине Россия была в разные

---

^{*} Впервые опубликовано в: The Nation. 2017, September 13. Печ. по: Иносми. 2017, 14 сентября.

времена в той или иной степени и европейской, и неевропейской страной. Как говорится, география – это судьба, но Коэн обращает особое внимание на следующие исторические моменты:

- Глубокие разногласия, существовавшие в рядах российской политической и интеллектуальной элиты между славянофилами, которые видели истинную судьбу России только отдельно от Запада, и западниками, которые видели ее с Западом, изначально вызывавшие жаркие споры в XIX веке, так и не исчезли. Можно утверждать, что в ходе последующих исторических событий в стране они лишь стали еще более острыми.

- Наглядно это проявилось в 1920-е годы в коммунистической партии Советского Союза, когда соперничающие фракции спорили и враждовали по причине разного понимания природы и будущего революции 1917 года.

- Долгая сталинская эпоха, продолжавшаяся с 1929 по 1953 годы, предполагала наличие таких признаков западной модернизации страны, как грамотность, индустриализация и урбанизация, а также элементов того, что некоторые наблюдатели называли «восточной деспотией». Эти противоречивые явления, свойственные Западу и Востоку, легли в основу борьбы, главным образом внутри коммунистической партии. Но не только – в последующие десятилетия они составили основу борьбы между антисталинистами-реформаторами и сталинистами-неоконсерваторами.

- Даже во время длившейся 40 лет холодной войны, когда существовал «железный занавес», СССР при всей его

изоляции по-прежнему был связан с Западом. Например, официальная коммунистическая идеология, пусть даже формальная, по сути своей была западной и интернационалистической. Более того, в европейских странах, попавших в ловушку социалистического лагеря (ГДР, Чехословакии, Польше и других странах) сохранились их западные политические течения, которые из их собственных коммунистических партий проникали в умы представителей советского политического истеблишмента. Неудивительно, что многие из ближайших советников Михаила Горбачева, которые повлияли на его программу реформирования советской системы по западному образцу, называемой «перестройкой», сами находились под значительным влиянием идеологических тенденций, существовавших в европейских странах социалистического лагеря, и происходивших там событий.

Более того, когда в 1991 году произошел распад СССР (в значительной степени благодаря горбачевским демократическим реформам), многие в Вашингтоне, в Европе и в прозападных группировках в Москве считали, что Россия теперь или вскоре после короткого переходного периода станет неотъемлемой частью Запада, возглавляемого Соединенными Штатами. Однако сегодня, немногим более 25 лет спустя, в Вашингтоне и в некоторых странах Европы Россию гневно осуждают, называя ее «угрозой № 1 для Запада», врагом, который стремится подорвать, а то и вовсе уничтожить западную демократию – от Америки до Европы. И хотя Коэн утверждает, что это широко распространенное и практически общепринятое мнение не име-

ет под собой никакой фактологической основы, мы должны задаться вопросом – что пошло не так?

- Ошибочное мнение Запада заключается в том, что все русские антикоммунисты-реформаторы были прозападными. На самом же деле, если брать в расчет провинциальные политические и интеллектуальные элиты, то большинство из них были и остаются современными славянофилами. Теперь они проявляют себя в различных направлениях «евразийства» и национализма. С 1991 года их влияние (с учетом возрастающей роли Русской православной церкви, в «идеологии» которой отсутствуют западные элементы «коммунизма»), весьма заметно выросло.

- Более важными для России были два потрясения, которые она испытала вслед за распадом Советского Союза и предшествовавшей ему холодной войной. Сначала произошла социальная, экономическая и демографическая катастрофа 1990-х годов, связанная с появлением демократии и капитализма, которые распространял Запад. Вторым шоком стало начало новой холодной войны, в ходе которой Вашингтон и Брюссель обвиняют Россию во всех грехах – от украинского кризиса 2014 года до избрания Дональда Трампа президентом США. Многие россияне – пожалуй, большинство россиян из числа политиков и представителей интеллигенции – не верят ни одному из этих голословных обвинений. На самом деле они делают вывод, что Запад лишь стремится исключить, изолировать и ослабить Россию независимо от ее истинных намерений.

• Кроме того, образованные россияне, имеющие гораздо более широкий доступ к информации, чем принято считать на Западе, видят конкретные политические меры и действия, предпринимаемые Западом (и в особенности Соединенными Штатами), которые в их понимании направлены на то, чтобы изолировать Россию.

Неудивительно и то, что Россия оказывает противодействие Западу и даже отвергает его. Одним из умеренных проявлений этого противодействия является значительный рост популярности идеологических движений наподобие славянофильства. Более существенным и значительным примером является растущая экономическая независимость Москвы от Запада и ее переориентация на незападных партнеров – от Китая и Ирана до стран БРИКС в более широком смысле. Есть и другие примеры, среди которых, разумеется, и перемены в военной сфере.

Между тем, самыми быстрорастущими сегментами населения России являются миллионы граждан-мусульман и выходцев из Центральной Азии. Рано или поздно демография будет влиять на политику – если уже не влияет.

Возможно, но не обязательно, что все эти перемены и развитие событий с ориентацией на Восток, со временем приведут к политическому отторжению России от Запада. Если это так, то ситуация прояснится после того, как Путин покинет пост президента России. Одним из признаков этого является то, что ни один из его потенциальных преемников, находящихся сегодня «в поле зрения», не является (в российском контексте) таким же «прозападным», каким был Путин в 2000 году, когда он пришел к власти.

И наконец, что будет означать, если со временем Россия в политическом плане «уйдет» от Запада (или ее оттуда вытеснят)? Скорее всего, Россия – с ее обширными территориями, колоссальными природными ресурсами, наукой мирового уровня, огромной армией и ядерным потенциалом, а также правом вето в Совете Безопасности ООН – объединится в прочный альянс со всеми другими стремительно развивающимися странами, которые не являются частью американско-натовского Запада и даже выступают против него. И, конечно же, это приведет к тому, что Россия будет все больше отдаляться от способствующих либерализации влияний Запада – назад к своим более авторитарным традициям.

Такой вероятный сценарий, хотя и по-прежнему гипотетический, является еще одним следствием новой холодной войны, которая началась и продолжается стараниями не Москвы, а Вашингтона и Брюсселя.

Почему так необходима встреча Путина и Трампа?*

Согласно недавним сообщениям, в настоящее время в Вашингтоне и Москве всерьез обсуждается возможность проведения официальной встречи президента США Дональда Трампа и президента России Владимира Путина. Подобные ритуализированные, но зачастую весьма со-

---

* Впервые опубликована в: The Nation. 2018, June 6. Печ. по: Иносми. 2018, 6 июня.

держательные саммиты часто использовались в период холодной войны между США и СССР, чтобы среди прочего урегулировать конфликты и повысить уровень сотрудничества между этими двумя сверхдержавами. Самое большое значение такие саммиты имели в моменты наивысшей напряженности. Некоторые из них были чрезвычайно успешными, некоторые – менее успешными, а какие-то с самого начала были обречены на неудачу. Учитывая сегодняшние чрезвычайно токсичные политические обстоятельства – даже если отвлечься от сильнейшего сопротивления внутри Вашингтона (в том числе внутри администрации Трампа) любому сотрудничеству с Кремлем – нам, возможно, стоит спросить себя, может ли саммит Трампа и Путина привести к каким-то положительным результатам. Тем не менее, очень важно и даже крайне необходимо, чтобы Вашингтон и Москва все же предприняли такую попытку.

Причины вполне очевидны. Пришло время внести некоторые коррективы в список причин, обуславливающих ее опасность, которых уже как минимум 10.

1. Политический эпицентр новой холодной войны находится не в далеком Берлине, как это было в период первой холодной войны начиная с конца 1940-х годов, а непосредственно у российских границ – от стран Балтии и Украины до бывшей советской республики Грузии. На каждом из этих фронтов новой холодной войны существует или недавно возникла вероятность начала горячего конфликта. Сегодня российско-американские военные отношения являются особенно напряженными в Прибал-

тике, где НАТО в настоящий момент наращивает свой военный потенциал, и на Украине, где интенсивность российско-американской опосредованной войны продолжает нарастать. «Советского блока», который прежде служил буфером между Россией и НАТО, больше не существует. И множество возможных столкновений на этом новом Восточном фронте Запада – как запланированных, так и случайных – могут с легкостью спровоцировать начало настоящей войны между США и Россией. Причиной формирования такой беспрецедентной ситуации у российских границ – как минимум с момента вторжения нацистской Германии в 1941 году – стало, разумеется, совершенно неразумное решение расширить границы НАТО на восток, принятое в конце 1990-х годов. Это решение, принятое во имя «безопасности», сделало положение вовлеченных государств менее безопасным.

2. Опосредованные войны были характерной чертой первой холодной войны, однако чаще всего это были небольшие войны, разгоравшиеся в странах так называемого третьего мира – к примеру, в Африке – и в них крайне редко были задействованы советские или американские военные – обычно СССР и США помогали только деньгами и оружием. Современные опосредованные войны стали другими: они возникают в центрах геополитики, и в них задействовано множество американских и российских кураторов, военных советников и даже, возможно, бойцов. Мы уже наблюдали две такие войны: первая произошла в Грузии в 2008 году, где российские войска выступили против грузинской армии, которую финансировали, гото-

вили и направляли американские военные и фонды; второй стала война в Сирии, где в феврале антиасадовские силы, пользующиеся поддержкой США, убили множество российских бойцов. Москва никак не отреагировала на этот инцидент, однако она пообещала сделать это, если будет «следующий раз», а такое вполне может произойти. Если такое случится, это обернется войной непосредственно между Россией и Америкой. Между тем риск начала такого непосредственного конфликта продолжает расти на Украине, где поддерживаемое США, но политически слабое правительство Петра Порошенко, по всей видимости, хочет начать очередное наступление на контролируемый ополченцами Донбасс, пользующийся поддержкой Москвы. Если оно начнет наступление, и эта его кампания не сойдет быстро на нет, как прежде уже бывало, Россия, несомненно, вмешается, и ее вмешательство примет форму вполне недвусмысленного «вторжения» на восток Украины. В этом случае Вашингтону придется принимать судьбоносное решение – делать выбор между войной и миром. Уже нарушив свои обязательства, прописанные в Минском соглашении, которое пока остается наилучшим инструментом для урегулирования украинского кризиса мирным способом, Киев, по всей видимости, руководствуется непреодолимым импульсом стать тем самым хвостом, который виляет псом войны. Однако его возможности для организации провокаций или дезинформационной кампании остаются ничтожными, в чем мы убедились на прошлой неделе в связи с историей об «убийстве и воскрешении» журналиста Аркадия Бабченко.

3. Многолетняя демонизация лидера Кремля Путина на Западе и особенно в США тоже является беспрецедентной. Напомним, что ни один советский лидер, по крайней мере со времен Сталина, не подвергался такой длительной, необоснованной, абсолютно унижительной личной диффамации. В то время как к советским лидерам как правило относились как к приемлемым партнерам для переговоров с американскими президентами, Путина превратили в нелегитимного национального лидера, которого в лучшем случае называют «убийцей из рядов КГБ», а в худшем – кровожадным «главой мафии».

4. Более того, демонизация Путина спровоцировала русофобскую диффамацию самой России – «России Владимира Путина», как часто пишут «Нью Йорк Таймс» (New York Times) и другие ведущие издания. В недавнем прошлом врагом был советский коммунизм. А сегодня врагом стала Россия, которой в связи с этим отказывают в праве называться великой державой, имеющей легитимные национальные интересы. «Принцип паритета», как Коэн его назвал в период первой холодной войны, – признание того, что обе стороны имеют свои легитимные интересы внутри и за пределами своих границ, которое служило основанием для дипломатии и переговоров и находило воплощение в саммитах глав государств, – больше не работает, по крайней мере со стороны США. Кроме того, исчезло и осознание того, что в холодной войне виноваты обе стороны, по крайней мере в определенной степени. С точки зрения влиятельных американских обозревателей, которые признают реальность новой холодной вой-

ны, во всем виновата исключительно «путинская Россия». Если нет признанного паритета и общей ответственности, для дипломатии тоже не будет места – остается только дальнейшая милитаризация отношений, в чем мы сегодня убеждаемся.

5. Между тем большая часть инструментов обеспечения безопасности эпохи первой холодной войны – механизмов сотрудничества и выполняемых обеими сторонами правил поведения, которые складывались на протяжении нескольких десятилетий, чтобы предотвратить горячую войну между двумя сверхдержавами – просто испарилась или серьезно ослабела после начала украинского кризиса в 2014 году, о чем заявил – один из немногих – генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш (António Guterres): «Холодная война вернулась – в полном смысле слова, но теперь она иная. Механизмы и инструменты обеспечения безопасности, призванные снижать риск эскалации, которые существовали в прошлом, больше, по всей видимости, не работают». Во время недавнего ракетного удара Трампа по Сирии американцы сделали все возможное, чтобы находящиеся там россияне не погибли, однако Москва все равно пообещала нанести удар по американским ракетным установкам и другим вовлеченным силам, если будет «следующий раз», вероятность которого довольно высока. Даже многолетний процесс контроля над вооружениями может, как нас убеждают эксперты, подойти к «концу». Если это случится, мы получим ничем не контролируруемую новую гонку вооружений, а также свертывание продолжающегося дипломатического процесса, который по-

зволял поддерживать советско-американские отношения в периоды кризисов. Коротко говоря, если и есть какие-то правила новой холодной войны, то их еще нужно окончательно сформулировать и принять. В условиях этой полуанархии мало кто помнит о новых технологиях ведения войны в киберпространстве. Какими, к примеру, могут быть последствия для безопасного функционирования ключевых российских и американских систем раннего оповещения и систем управления ядерными силами, которые оберегают нас от случайного запуска ракет, все еще приведенных в состояние повышенной боевой готовности?

6. Обвинения в рамках Рашагейта в том, что Кремль скомпрометировал – или даже сделал своим агентом – президента США, тоже беспрецедентны. Эти обвинения повлекли за собой чрезвычайно опасные последствия, среди которых оказались не имеющая под собой никаких оснований мантра «Россия атаковала Америку» в период президентских выборов 2016 года; агрессивные нападки на президента Трампа каждый раз, когда он беседует с Путиным лично или по телефону; и превращение Путина и Трампа в настолько токсичные фигуры, что большинство политиков, журналистов и профессоров, осознающих опасности нынешней ситуации, не хотят говорить о вкладе США в новую холодную войну.

7. Ведущие СМИ тоже, разумеется, сыграли печальную роль во всем этом. В отличие от первой холодной войны, когда сторонники политики разрядки имели примерно такой же доступ к ведущим СМИ, как и ее противники, сегодня ведущие СМИ агрессивно навязывают идею о том,

что во всем виновата только Россия. Сегодня они руководствуются не принципом разнообразия мнений, а принципом «предвзятости восприятия». Альтернативные голоса (предлагающие альтернативные факты) редко звучат в наиболее влиятельных ведущих газетах или на телеканалах. Одним из тревожных результатов стало то, что «дезинформация», которую генерирует Вашингтон или которая нравится Вашингтону и его союзникам, приведет к негативным последствиям прежде, чем ее можно будет скорректировать. Фальшивое убийство Бабченко (которое, разумеется, заказал сам Путин) было быстро разоблачено, однако ситуация оказалась совершенно иной в случае с предполагаемым покушением на Скрипаля в Англии, которое обернулось самой масштабной высылкой российских дипломатов из США в истории, прежде чем официальная версия Лондона начала рассыпаться на части. Это тоже не имеет никаких прецедентов: мы наблюдаем холодную войну, лишенную возможностей для дебатов, которые необходимы для постоянного пересмотра и корректировки американской политики и которые были характерны для первой холодной войны – по сути, мы имеем дело с навязываемой догматизацией политики США, которая становится все более опасной и недемократичной.

8. В отличие от первой холодной войны, сегодня внутри американского мейнстрима не существует практически никакой значимой оппозиции роли США в новой холодной войне – ни в СМИ, ни в Конгрессе, ни внутри двух ведущих политических партий, ни в университетах, ни на

уровне населения. Это тоже крайне опасно, беспрецедентно, и это противоречит демократическим принципам. Вы только подумайте о том оглушительном молчании, которое хранят множество американских корпораций, в течение многих лет успешно работавших с постсоветской Россией – от сетей ресторанов быстрого питания и производителей автомобилей до фармацевтических компаний и энергетических гигантов. А теперь вспомните, как вели себя главы «Пепсико» (PepsiCo), «Контрол дейта» (Control Data), «Ай-би-эм» (IBM) и других крупных американских корпораций, стремившихся попасть на советский рынок в 1970-х и 1980-х годах, когда они публично поддерживали и даже финансировали организации и политиков, выступавших за разрядку в советско-американских отношениях. Как можно объяснить молчание их нынешних коллег, которые обычно руководствуются стремлением к прибыли? Неужели они боятся, что их назовут «сторонниками Путина» или «сторонниками Трампа»? Если это так, то в условиях новой холодной войны будет крайне мало по-настоящему смелых влиятельных людей, готовых бросить вызов преобладающей точке зрения.

9. Кроме того, сегодня существует широко распространенный миф о том, что современная Россия, в отличие от СССР, слишком слаба – ее экономика хрупкая и маленькая, а ее лидер «находится в изоляции на международной арене» – чтобы вести холодную войну на протяжении длительного периода времени, и что в конечном итоге Путин, который «пытается прыгнуть выше головы», капи-

тулирует. Это чрезвычайно опасное заблуждение. Как Коэн ранее говорил, «путинская Россия» вовсе не изолирована на международной арене, и уровень ее изоляции устойчиво снижается даже в Европе, где как минимум пять стран уклоняются от влияния Вашингтона и Брюсселя и, возможно, скоро откажутся от экономических санкций против России. Кроме того, несмотря на санкции, энергетическая и сельскохозяйственная отрасли России процветают. В геополитическом отношении у Москвы есть немало военных и связанных с ними преимуществ в тех регионах, где разворачивается новая холодная война. Мы не можем говорить о том, что Россия, имеющая в своем распоряжении столько современного ядерного и неядерного оружия, «пытается прыгнуть выше головы». Более того, подавляющее большинство россиян сплотились вокруг Путина, потому что они искренне верят в то, что Запад во главе с США действительно ведет наступление на их родину. Любой человек, обладающий элементарными знаниями в области истории России, поймет, что Россия не станет сдаваться ни при каких обстоятельствах.

10. Наконец (по крайней мере, пока), мы наблюдаем нарастающую военную «истерию», которую часто комментируют в Москве и в Вашингтоне. В ее основе лежит множество факторов, однако телевизионные ток-шоу и выпуски «новостей», широко распространенные как в США, так и в России, играют важную роль. Вероятно, только тщательное количественное исследование может продемонстрировать нам, кто сыграл более печальную роль в раздувании этой истерии – каналы «Эм-эс-эн-би-си»

(MSNBC) и «Си-эн-эн» (CNN) или их российские аналоги. Стоит отметить, что в определенных масштабах этот американский телевизионный экстремизм существовал и в эпоху первой холодной войны, однако он практически всегда был сбалансирован по-настоящему информированными, разумными точками зрения, которые теперь мы встречаем крайне редко.

Не является ли такой анализ рисков, присущих новой холодной войне, экстремистским или алармистским? Даже некоторые обычно сдержанные специалисты, по всей видимости, согласны с точкой зрения Коэна. Эксперты из одного центристского аналитического центра в Вашингтоне считают, что по шкале от 1 до 10 вероятность начала настоящей войны с Россией колеблется от 5 до 7. По некоторым сообщениям, бывший глава британской разведки М16 сказал, что «впервые на нашей памяти возник реальный риск конфликта между сверхдержавами». А уважаемый российский генерал в отставке сказал, что любая военная конфронтация «обернется применением ядерного оружия со стороны США и России».

В сложившейся опасной ситуации один саммит Трампа и Путина не сможет устранить все риски новой холодной войны. Однако советско-американские саммиты традиционно выполняли три дополнительные функции. Они создавали своего рода сотрудничество в области безопасности – не сговор – и в нем был задействован тот ограниченный политический капитал лидеров внутри их стран, который они должны были признавать и не ставить под угрозу. Они отправляли четкий сигнал аппаратам национальной

безопасности друг друга – которые зачастую не слишком хорошо относились к идее сотрудничества и разрядки – о том, что их «босс» настроен решительно, и им пора прекратить тянуть резину или даже устраивать диверсии. Саммиты, наполненные множеством ритуалов и широко освещаемые прессой, обычно приводили к улучшению медиа-политической ситуации, что было необходимо для продолжения сотрудничества на фоне конфликтов холодной войны. Если саммит Трампа и Путина позволит достичь хотя бы одной из этих целей, он, возможно, предотвратит ту катастрофу, которая нам сейчас угрожает.

Трамп как еретик холодной войны^{*}

Как все американские президенты, начиная с Франклина Делано Рузвельта в 1943 г., Трамп встретился на высшем уровне с кремлевским лидером – российским президентом Путиным. Встреча состоялась 16 июля в Хельсинки. И как у всех американских президентов, начиная с Эйзенхауэра, основной и главной целью ее было стремление уменьшить вероятность войны между двумя ядерными супердержавами. В условиях новой российско-американской холодной войны, чреватой возможностями перерастания в горячую на разных фронтах, от Украины, Прибалтики и Черноморского региона до Сирии, важ-

---

* Впервые опубликовано в: The Nation. 2018, July 18. Перевод Ирины Давидян.

нейшим долгом Трампа, долгом, обусловленным национальной безопасностью, было встретиться с Путиным в самом уважительном формате. Как и на предыдущих саммитах, подробности выяснятся позднее, но ряд важных договоренностей был достигнут: два лидера договорились реанимировать такой необходимый российско-американский дипломатический процесс, вдрызг разорванный последними событиями; восстановить многолетние переговоры по сокращению и контролю ядерного оружия и тем самым предотвратить новую гонку ядерных вооружений; приложить совместные усилия к тому, чтобы помешать Ирану, ближневосточному партнеру России, грозить «безопасности Израиля», как выразился Путин, на границах этой страны; совместными усилиями ликвидировать «гуманитарный» кризис в Сирии, вызванный в значительной мере помощью, оказанной Вашингтоном и его союзниками «борцам за свободу» из антиассадовской оппозиции, и в меньшей – уроном, нанесенным вмешательством в сирийскую войну Москвы в сентябре 2015 г. с целью уничтожить грозившее захватить Дамаск смертоносное Исламское государство; способствовать развитию американо-российских «бизнес-связей», что выглядит заоблачным чаянием в условиях наложенных на Россию американских и европейских экономических санкций. (Возможно, со стороны Трампа это был сигнал, что он не будет возражать, как это делал Обама, если Европейский союз сократит или приостановит свои санкции – в соответствии с пожеланиями отдельных членов Союза и со здравым смыслом.)

В прежние времена, именуемые теперь «нормальной» холодной войной, эти итоги саммита снискали бы широкую поддержку, даже аплодисменты по всему американскому политическому спектру, как это было даже при президентстве Никсона. Но не Трампа, чьи достижения вызвали беспрецедентный поток обвинений в его адрес со стороны главенствующего двухпартийного (в основном демократического, но не только) политического и медийного истеблишмента. Выражения варьировались, от «Вашингтон пост» до MSNBC и CNN, но тон задавала некогда почтенная «Нью-Йорк таймс», что стало для нее сегодня почти ежедневной практикой. Заголовок на первой полосе ее номера от 17 июля трубил: «Трамп, встав на сторону Путина, усомнился в данных американских спецслужб относительно выборов 2016 года». Заголовок ниже уточнял: «Презрение к американским институтам и восхваление врага». Сам «репортаж» не скупился на прокурорскую риторику, а вот достигнутые Путиным и Трампом договоренности в нем почти не упоминались. Колумнисты «Нью-Йорк таймс» соревновались между собой в предъявлении обвинений американскому президенту. Еще 16 июля, когда о результатах саммита ничего толком не было известно, появилась статья Чарльза М. Блоу с громающим аллитерацией заголовком: «Trump, Treasonous Traitor» («Трамп, предатель и изменник»). Статья Мишель Голдберг, вышедшая 17 июля, носила менее громкое название: «Трамп демонстрирует миру, что он путинский лакей». Как я и предвидел еще за несколько недель до саммита, эта вредная идея была подхвачена основным

корпусом новостных печатных и кабельных изданий: Трамп предал и опозорил Америку перед всем миром. Так же, как ранее в случае с «российской угрозой» – созданной во многом самой американской политикой, – голоса инакомыслящих (если не считать таковыми неквалифицированные «говорящие головы» Трампа) не были допущены к «дискуссиям».

Не поведение Трампа на саммите, а освещение его в СМИ – вот что было позорным. А СМИ освещали «новости» так, как им было нужно, привлекая голоса ведущих политиков из разных частей политического спектра. Как обычно в подобных случаях, поход добровольцев-охранителей системы возглавил сенатор Джон Маккейн: «Никогда еще ни один президент не прогибался так низко перед тираном». И добавил от себя: «Одно из самых позорных выступлений американского президента, какое только можно припомнить». Более необычным, впрочем, учитывая традиционное для руководителей американской разведки дистанцирование от публичной политики, было поведение бывшего директора ЦРУ Джона Бреннана, который поспешил выступить прокурором и судьей Трампа, заявив, что его поведение в Хельсинки «переходит порог» импичмента и является «ничем иным, как предательством». Единственной крупной политической фигурой, стоящей вне и над этим затеянным политиками и СМИ неправым и смехотворным судилищем, был сенатор от Кентукки Рэнд Пол. Выступив в защиту президента Трампа и его встречи с Путиным с точки зрения интересов американской национальной безопасности, сенатор Пол

проявил себя как единственный настоящий государственный деятель в Конгрессе – позиция, когда-то уважаемая, но давно отринутая современным Сенатом.

Именно эти до сих пор не доказанные, необоснованные обвинения в духе «Рашагейт» породили то, что получило название «синдром помешательства», или «шизофрения Трампа». (Комментаторам, по-видимому, хотелось увидеть, как Трамп под пытками выбивает из президента России признание.) Отсюда обвинения, что в Хельсинки Трамп выступил в союзе с Путиным «против американских разведывательных служб». Оставим в стороне мутную роль, сыгранную этими службами в происхождении «Рашагейта», о чем следовало бы Бреннана допросить под присягой, и припомним, как эти службы в свое время подтолкнули американских президентов к действиям, обернувшимся катастрофами в заливе Свиней на Кубе, во Вьетнаме, Ираке и Ливии, и это еще неполный список национальных несчастий, о которых мы сегодня сожалеем. Припомним также сенатский комитет Черча 1975 г., который исследовал и обнародовал информацию о незаконных и даже преступных деяниях «спецслужб», в особенности ЦРУ. Политологи говорят, что начальники могут меняться, а вот сами бюрократические ведомства – несильно. И при этом преследователи Трампа, особенно либеральные демократы и их СМИ, предпочитают судить его, отталкиваясь от добродетельности «спецслужб», поведение которых сами когда-то нещадно критиковали. «Шизофрения», как и было сказано.

Причем это зашло так далеко, что один удивительный, но далеко не глупый комментарий Трампа, прозвучавший

до и после саммита, остался практически не замеченным, а кем-то даже поднят на смех. А он напрямую касался самого важного вопроса российско-американских отношений: Почему эти отношения с 1991 г., с конца Советского Союза, вылились в новую, еще более опасную холодную войну? На протяжении последних пятнадцати лет американский двухпартийный истеблишмент отвечает на этот вопрос практически единодушно: во всем виноват Путин, «Путинская Россия». Решение Вашингтона придвинуть НАТО к границам России, бомбить традиционного российского союзника Сербию, выйти в одностороннем порядке из Договора по баллистическим ракетам, произвести военную смену режимов в Ираке и Ливии, спровоцировать украинский кризис и поддержать переворот в Киеве, приведший в 2014 г. к свержению законно избранного президента, и многое другое – все это ни при чем, нет, только «Путинская агрессия» привела к новой холодной войне. Это объяснение давно превратилось в жесткую двухпартийную ортодоксию, не терпящую никакого инакомыслия, никаких альтернативных объяснений, а те, кто, в силу своей информированности, такие объяснения предлагает, отстраняются от дискуссии и даже выставляются в неприглядном свете. (См., например, мои книги «Провал крестового похода: Америка и трагедия постсоветской России», глава 7 и Эпилог, а также «Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War».) Как результат – у нас долгие годы нет дебатов, не происходит переосмысления и, следовательно, пересмотра того «триумфалистского» подхода в духе «победитель получает

все», который утвердился при президенте Билле Клинтоне в 1990-е годы и продолжился, в смысле неизменности духа и набора практик, при всех последующих, от Джорджа Буша-младшего до Обамы. Именно непрошибаемая ортодоксия привела сегодня не только к новой холодной войне с Россией, но и к реальной опасности настоящей войны с ней, от Украины и Прибалтики до Сирии.

И тут вдруг президент Трамп, следуя ли здравому смыслу или мудрому совету, порывает с этой многолетней неправильной и опасной ортодоксией. В своем твите 15 июля он написал: «Наши отношения с Россией НИКОГДА еще не были хуже, и все из-за многолетней глупости и ту-пизма Соединенных Штатов». В Хельсинки, в ответ на вопрос о новой холодной войне, он сформулировал это более дипломатично: «Я считаю обе страны ответственными. Я думаю, Соединенные Штаты вели себя глупо. Мы все вели себя глупо. Мы должны были начать этот диалог давным-давно». Все сказанное здесь Трампом основано на фактах и анализе этих фактов, даже глубоком анализе. Но в то же время это – откровенная ересь и возможная причина, по которой его встреча с Путиным продолжает шельмоваться представителями политических и медийных элит, сделавшими карьеры на защите ортодоксальных догм в ущерб американской и международной безопасности.

Еретиков презирают, клеймят, но иногда в истории они торжествуют. Как бы неодобрительно не относились люди к иным словам и делам президента, любой, кто хочет избежать войны с Россией (опять же, возможно, ядер-

ной войны), к какой бы части политического спектра он ни принадлежал, должен поддержать и упрочить эту ересь Трампа – пока она не перестанет быть ересью, пока не последуют полноценные дебаты по поводу безрассудной американской политики, начатой в 1990-е годы, и пока этот подход не изменится, что должно было случиться, как выразился Трамп, «давным-давно». Еще не слишком поздно, но это, возможно, последний шанс.

Кем не является Путин?*

«Путин – это зло, и он намерен совершать злодеяния».

Сенатор Джон Маккейн

«(Путин) был агентом КГБ. По определению, он не имеет души».

«Если это что-то напоминает, так это то, что сделал Гитлер в 1930-е годы».

*Номинированный кандидат в президенты
в 2016 году Хиллари Клинтон*

Призрак творящего зло Владимира Путина нависает над нами, и это мешает рассуждать в Америке о России, по крайней мере, в течение десяти лет. Следует отдать должное Генри Киссинджеру за его предупреждение (возможно, в этом отношении он находится в одиночестве, если

---

* Впервые опубликовано в: The Nation. 2018, September 20. Печ. по: Иносми. 2018, 23 сентября

брать ведущие американские политические фигуры) о вреде попыток сильно исказить имидж российского лидера, продолжающихся с 2000 года: «Демонизация Владимира Путина не является политикой. Это алиби для того, чтобы ее не иметь».

Но Киссинджер тоже ошибался. Вашингтон сделал так, что многие направления политики подвержены теперь сильному влиянию со стороны демонизации Путина – нападки личного характера в данном случае превосходят все то, что делалось в отношении коммунистических лидеров в последние дни существования Советской России. Эти направления политики в 2000-х годах выражались в виде растущего количества претензий, а затем переросли в американо-российские опосредованные войны в Грузии, на Украине и в Сирии. На самом деле, влиятельные политики приняли более раннюю формулировку покойного сенатора Джона Маккейна как составной части новой и более опасной холодной войны: «Путин является неисправимым русским империалистом и аппаратчиком КГБ... Его мир – это жестокое, циничное место... Мы не должны допустить, чтобы темнота мира г-на Путина накрыла собой новые части человечества».

Мейнстримные СМИ играют главную обвинительную роль в этом процессе демонизации. Вот весьма типичные фразы, написанные редактором редакционной полосы газеты Washington Post: «Путин любит делать так, чтобы подсакивали тела... Править с помощью страха – это советская традиция, но теперь там нет никакой идеологии – лишь пагубная смесь, состоящая из персонального возве-

личивания, ксенофобии, гомофобии и примитивного антиамериканизма».

Уважаемые издания и авторы сегодня, как правило, понижают свой уровень, соревнуясь между собой в очернении «некой фигуры с дряблыми мышцами», «низкорослого серого упыря по имени Владимир Путин». Можно привести сотни подобных примеров, если не больше, и все это продолжается в течение многих лет. Обливание грязью российского лидера превратилось в оружие в ортодоксальном американском нарративе новой холодной войны.

Как это происходит со всеми институтами, демонизация Путина имеет свою собственную историю. Когда он впервые появился на мировой сцене (в 1999–2000 годах) как преемник, получивший благословение от Бориса Ельцина, Путина приветствовали ведущие представители американского истеблишмента политических средств массовой информации. Главный корреспондент газеты *New York Times* в Москве, а также другие журналисты сообщали о том, что новый российский лидер «имеет эмоциональное обязательство относиться построения сильной демократии». Спустя два года президент Джордж Буш-младший с похвалой отозвался о своем саммите с Путиным и назвал его «началом очень конструктивных отношений».

Однако дружественный в отношении Путина нарратив вскоре уступил место постоянной и резкой критике. В 2004 году обозреватель газеты *New York Times* Николас Кристоф (Nicholas Kristof) непреднамеренно объяснил – по крайней мере, частично, – почему это произошло. Кри-

стоф горько пожаловался на то, что «был обманут г-ном Путиным. Он не является трезвой версией Бориса Ельцина». В 2006 году один из редакторов газеты Washington Post выразил уточненное мнение этого истеблишмента. Он заявил: «Настало время начать думать о Владимире Путине как о враге Соединенных Штатов». Остальное, как говорится, история.

Так кем же является Путин, если учитывать все время его пребывания у власти? Возможно, нам следует оставить этот большой и сложный вопрос будущим историкам, когда материалы для полного биографического изучения – мемуары, архивные документы и так далее – станут доступными. Но даже в этом случае читателей может удивить то, что российские историки, интеллектуалы, работающие в области политики, и журналисты уже ведут публичные споры, и их мнения значительно расходятся в том, что касается «плюсов и минусов» лидерства Путина (моя собственная оценка находится где-то посередине).

Однако в Америке и в других местах на Западе только предполагаемые «минусы» принимаются в расчет, когда речь идет о крайне негативном анти-культе Путина. Многие оценки основаны на недостаточной информации, а также на крайне ограниченном количестве избирательных или не поддающихся проверке источниках, и, кроме того, они мотивированы политическими обидами, в том числе со стороны некоторых олигархов ельцинской эпохи и их агентов на Западе.

Однако если мы обозначим и проанализируем, пусть даже коротко, основные «минусы», поддерживающие де-

монизацию Путина, мы сможем, по крайней мере, понять, кем он не является.

- Путин не является тем человеком, который после прихода к власти в 2000 году «де-демократизировал» российскую демократию, установленную президентом Борисом Ельциным в 1990-е годы, и восстановил систему, напоминающую советский «тоталитаризм». Демократизация началась и развивалась в Советской России во время правления последнего советского лидера – Михаила Горбачева, и происходило это в период с 1987 года по 1991 год.

Ельцин постоянно наносил по этому историческому русскому эксперименту тяжелые и, возможно, фатальные удары. Среди прочего, в октябре 1993 года он использовал танки для разрушения свободно избранного российского Парламента, а вместе с ним и всего конституционного порядка, сделавшего Ельцина президентом. Он провел две кровопролитные войны против Чечни – небольшой отколовшейся провинции. Он позволил небольшой группе связанных с Кремлем олигархов похитить самые дорогие российские активы и содействовал тому, что около трети населения страны оказались в бедности и в тяжелом положении, включая представителей некогда многочисленного и обладавшего хорошими профессиональными навыками советского среднего класса. Он подтасовал результаты своих собственных выборов в 1996 году. А еще он ввел в действие «суперпрезидентскую» Конституцию, ограничив влияние законодательной и судебной власти, однако воспользовался всем этим уже его преемник. Возможно, Путин и дальше проводил процесс де-демократи-

зации, начатый Ельциным в 1990-е годы, но он не был его инициатором.

• Путин не сделал себя царем или «автократом» советского стиля, то есть он не стал деспотом, обладающим абсолютной властью и превращающим в политику свою волю. Последним кремлевским лидером, обладавшим такой властью, был Сталин, который умер в 1953 году, а вместе с ним и его продолжавшийся 20 лет массовый террор. По причине возраставшей бюрократической рутины внутри политико-административной системы каждый следующий советский лидер обладал меньшим объемом персональной власти, чем его предшественник. Путин, возможно, имеет больше власти, но если бы он, действительно, был «хладнокровным, безжалостным» автократом – «наихудшим диктатором на планете», – десятки тысяч протестующих не появлялись бы регулярно на улицах Москвы и не имели бы иногда официальное разрешение. А еще их протесты (и отдельные аресты) не показывались бы по государственному телевидению.

Политологи, в целом, согласны с тем, что Путин является «мягким авторитарным» лидером, управляющим системой, которая имеет унаследованные от прошлого авторитарные и демократические компоненты. Их мнения расходятся в том, что касается конкретизации, определения и балансировки этих элементов, однако большая их часть, как правило, соглашались с коротким постом, размещенном в фейсбуке 7 сентября 2018 года известным дипломатом и ученым Джеком Мэтлоком (Jack Matlock): «Путин... не является абсолютным диктатором, как его

представляют некоторые люди. Его власть, похоже, основывается на балансировке различных патронажных сетей, некоторые из которых являются криминальными (В 1990-е годы большая их часть таковыми и были, и никто их не контролировал). Поэтому он не может публично признать, что (криминальные действия) совершались без его одобрения, поскольку это будет свидетельствовать о том, что он не полностью держит в руках бразды правления».

• Путин не является кремлевским лидером, который «глубоко уважает Сталина», его Россия не является «гангстерской тенью сталинского Советского Союза». Эти утверждения настолько преувеличены и поверхностны относительно сталинского режима террора, Путина и сегодняшней России, что их даже трудно комментировать. В сегодняшней России, помимо разнообразных политических свобод, большинство граждан пользуются большей свободой для того, чтобы жить, учиться, работать, писать, говорить, путешествовать, чем раньше (Когда такие профессиональные «демонизаторы» как Дэвид Крамер (David Kramer) говорят об «ужасной ситуации с правами человека в путинской России», следует задать им вопрос: в сравнении с какой Россией в истории, или с каким другим государством в современном мире?)

Путин явно понимает, что миллионы россиян имеют и часто высказывают просталинские настроения. Тем не менее, его роль в продолжающихся спорах по поводу исторической репутации этого деспота беспрецедентна в одном отношении – это роль антисталинского лидера. Вот пример: если Путин с особым уважением относится в па-

мяти Сталина, то почему его личную поддержку получили два мемориала (великолепный Государственный музей истории ГУЛАГа и весьма экспрессивная «Стена скорби»?), посвященные памяти миллионам жертв этого тирана, и оба они находятся в центре Москвы? Последний из них был впервые предложен кремлевским лидером Никитой Хрущёвым в 1961 году. Однако он не был построен и его преемниками, и так продолжалось до Путина, который принял это решение в 2017 году.

– Путин не является создателем постсоветской российской «клептократической экономической системы» с ее олигархами и другими распространенными видами коррупции. Эта система оформилась при Ельцине в ходе шоковой терапии и приватизационных схем 1990-х годов, когда «жулики и воры», осуждаемые сегодня оппозицией, по сути, и появились.

Путин в течение многих лет проводит «антикоррупционную политику» по нескольким направлениям. Насколько она оказалась успешной – это обоснованный предмет для споров. Столь же обоснованным является и вопрос о том, какой властью он обладает для правления в окружении как ельцинских, так и собственных олигархов. Однако нет реального контекста для того, чтобы называть Путина «клептократом», и это очень похоже на демонизацию, основанную на плохой информированности.

Так, например, в одном недавно опубликованном научном исследовании говорится о том, что Путин «и либеральная технократическая экономическая команда, на которую он полагается, искусно управляют российской

экономикой», хотя они и могут быть «коррупцированными». Бывший директор Международного валютного фонда (МВФ) идет дальше и делает вывод о том, что нынешняя экономическая команда Путина «нетерпимо относится к коррупции» и что «Россия в настоящее время занимает 35 место из 190 стран в рейтинге Всемирного банка относительно условий для бизнеса (Doing Business). В 2010 году она находилась на 124 месте».

Если говорить о жизни людей, то в 2000 году, когда Путин пришел к власти, около 75 % россиян жили в бедности. Многие из них потеряли даже скромное наследие советской эпохи – накопления всей своей жизни; медицинские и социальные пособия; реальную заработную плату; пенсии; рабочие места, а средняя продолжительность жизни мужчин опустилась значительно ниже 60 лет. Всего за несколько лет «клептократ» Путин мобилизовал достаточно средств, чтобы остановить эту человеческую катастрофу, и, кроме того, миллиарды долларов были направлены в специальные фонды «на черный день», которые помогли защитить нацию в наступившие сложные времена. Мы можем как угодно оценивать эти достижения, но именно по этой причине россияне продолжают называть Путина «Владимир Спаситель».

• Теперь мы подходим к наиболее зловещему из выдвинутых против него обвинений: Путин, получивший подготовку как «головорез КГБ», регулярно отдает приказы об убийстве неудобных журналистов и своих личных врагов, и делает он это как «бос мафиозного государства». Эту демонизирующую аксиому легче всего опровергнуть, потому

что нет никаких реальных доказательств в поддержку этой версии и даже никакой логики. И, тем не менее, это мнение получило повсеместное распространение. Авторы редакционных статей и комментаторы газеты New York Times – и далеко не только они одни – так часто называют Путина «головорезом», а его политику «бандитизмом» (иногда они даже усиливают свою критику и используют выражение «автократический головорез»), что подобная оценка, возможно, содержится в руководстве для внутреннего использования. Неудивительно, что так много политиков используют подобные выражения, как это сделал и сенатор Бен Сэсс (Ben Sasse): «Мы должны сказать американскому народу и сказать миру – мы знаем, что Владимир Путин является головорезом. Он бывший агент КГБ и убийца».

Немногие из современных мировых лидеров – а, возможно, никто из них – не подвергается такому очернению, да еще с такой регулярностью. И даже Сэсс, на самом деле, «не знает» никого из них. Он и другие ему подобные выбирают из кучи сообщений влиятельных средств массовой информации те из них, в которых содержатся огульные обвинения в адрес Путина, но одновременно они прячут подальше сводящие на нет «но», имеющие отношение к истинным доказательствам. Поэтому другой обозреватель газеты New York Times может себе позволить написать так: «Я понимаю, что это доказательство является всего лишь косвенным и не убедительным. Но это один из многих подозрительных примеров». Это тоже можно считать журналистским «примером», когда речь заходит о Путине.

Отставив в сторону других мировых лидеров со значимыми или менее значимыми предыдущими карьерами в разведывательных службах, можно сказать, что годы работы Путина в качестве сотрудника КГБ в Восточной Германии были явно поучительными. Спустя много лет, в возрасте 65 лет, он все еще с гордостью о них говорит. Какими бы ни были другие составляющие этого опыта, он сделал Путина европеизированным русским, человеком, бегло говорящим по-немецки, а также политическим лидером с замечательной и продемонстрированной способностью воспринимать и холодно анализировать очень большие объемы информации (почитайте стенограмму или посмотрите запись нескольких его длинных интервью). Неплохая черта для лидера в весьма непростые времена.

Более того, ни один серьезный биограф не станет считать лишь один период из продолжительной карьеры человека определяющим, как это делают демонизаторы Путина. Почему бы вместо этого не взять период после того, как он покинул КГБ в 1991 году, когда он работал заместителем мэра Санкт-Петербурга, который в то время считался одним из двух или трех наиболее демократичных лидеров в России? Или последовавший непосредственно за этим период работы в Москве, где он своими глазами увидел масштабы коррупции ельцинской эпохи? Или те годы, когда он, еще будучи относительно молодым, начал работать в качестве президента?

Что касается обозначения «убийца» журналистов и других своих «врагов», то в этом списке много россиян,

которые погибли – у себя в стране или за границей – в результате сомнительных или естественных причин, и все они рефлексивно приписываются Путину. Наша священная традиция состоит в том, что бремя доказательства возлагается на обвинителя. Обвинители Путина не предоставили ни одного доказательства – только предположения, косвенные намеки или плохо переведенные высказывания Путина по поводу судьбы «предателей». Два случая послужили прочным основанием для этой клеветнической практики – убийство занимавшейся журналистскими расследованиями Анны Политковской, которая была застрелена в Москве в 2006 году, а также смерть Александра Литвиненко, сомнительного перебежчика и бывшего сотрудника КГБ со связями с обиженными олигархами ельцинской эпохи, который умер от радиационного отравления в Лондоне в том же 2006 году.

Никакие доказательства не указывают на Путина в этих делах. Главный редактор той газеты, в которой работала Политковская – речь идет о благочестиво независимой «Новой Газете» – все еще считает, что это убийство было заказано чиновниками из Чечни, обвиненными в нарушении прав человека. Что касается Литвиненко, то, несмотря на яростные утверждения средств массовой информации и проведенные в стиле кенгуру «слушания», предположившие, что Путин, «вероятно», несет ответственность, пока нет никаких убедительных доказательств даже того, было ли отравление Литвиненко намеренным или случайным. Такое же незначительное количество доказательств характерно и для других дел, в том числе в

отношении убийства оппозиционного политика Бориса Немцова в 2015 году «на фоне (удаленных) стен Кремля».

Что касается российских журналистов, то следует, однако, отметить, наличие статистических данных, которые, как правило, не привлекают к себе внимания. По данным Американского комитета защиты журналистов 77 журналистов были убиты – 41 во время правления Ельцина и 36 во время правления Путина (данные по 2012 год включительно). К 2018 году их число увеличилось до 82–41 при Ельцине и такое же количество при Путине. Все это убедительно свидетельствует о том, что все еще частично коррумпированная постсоветская экономическая система, а не Ельцин или Путин, стала причиной убийства такого большого количества журналистов после 1991 года, и большинство из них занимались проведением журналистских расследований. Вот что сказала жена одного журналиста, который, как говорят, был отравлен: «Многие западные аналитики возлагают ответственность за эти преступления на Путина. Однако более вероятной причиной является система взаимной ответственности и культура безнаказанности, которая начала формироваться еще до Путина, в конце 1990-х годов».

• Недавно было выдвинуто еще одно обвинение: Путин является фашистом и сторонником господства белых. Это обвинение, судя по всему, делается, в основном, теми людьми, которые хотят отвлечь внимание от той роли, которую играют неонацисты в поддерживаемой Соединенными Штатами Украине. Путин, несомненно, считает это грубой попыткой дискредитации, и даже на ее по-

верхности, если быть предельно снисходительным, следует сказать, что она ни на чем не основана. Как иначе объяснить напыщенное заявление сенатора Рона Уайдена (Ron Wyden) во время слушаний 1 ноября 2017 года о «нынешнем фашистском руководстве в России»? Один молодой ученый недавно показал несостоятельность почти необъяснимой поддержки этого тезиса со стороны одного старшего профессора Йельского университета. Мой подход сопоставим, но отличен от этого.

Какими бы ни были ошибки Путина, обвинение в «фашизме» является абсурдным. Ничто из его заявлений в течение почти 20 лет нахождения у власти не свидетельствует о фашистских взглядах, основной смысл которых состоит в культе крови и утверждениях о превосходстве одной этнической группы над всеми остальными. Для Путина, руководящего огромным мультиэтническим государством – в нем проживают самые разные группы с разным цветом кожи – подобные высказывания или соответствующие действия являются невероятными, и их даже можно назвать политическим самоубийством. Вот почему он постоянно призывает к гармонии в «нашем многонациональном государстве» с его «многонациональной культурой», как он еще раз подчеркнул это в своей инаугурационной речи в 2018 году.

В России, конечно же, имеются мыслители и активисты, выступающие с позиций превосходства белой расы, хотя многие из них были посажены в тюрьму. Однако нет оснований говорить о каком-то массовом фашистском движении в стране, где так много миллионов людей по-

гибли во время войны против нацистской Германии, во время войны, которая непосредственным образом затронула Путина и явно оказала заметное влияние на него. Хотя он родился после войны, его мать и его отец с трудом выжили, несмотря на почти фатальные ранения и болезни, а его старший брат умер во время продолжительной немецкой блокады Ленинграда. Кроме того, во время войны погибли несколько его дядей. Только те люди, которые не имеют подобного опыта или неспособны представить себе нечто подобное, могут рассуждать о фашисте Путине.

Существует еще один несложный для понимания и существенный факт. У Путина нет ни следа антисемитизма. Здесь мало на это обращают внимания, но средства массовой информации в России и в Израиле много сообщают о том, что жизнь евреев при Путине лучше, чем она была в течение всей продолжительной истории этой страны.

• И, наконец, следует сказать о многочисленных демонизирующих утверждениях – по крайней мере, в настоящее время – о том, что Путин, осуществляющий руководство внешней политикой, ведут себя исключительно «агрессивно» за границей. В лучшем случае, подобные утверждения можно назвать «мнением отдельных людей», преимущественно полуслепых. В худшем случае это является оправданием того, что даже один министр иностранных дел Германии вынужден был назвать «разжиганием Западом войны» против России.

Что касается трех случаев, которые приводятся в качестве примера «агрессивности» Путина, то те обстоятельства,

которые уже давно привожу я и многие другие, указывают на возглавляемую НАТО подстрекательскую деятельность, в первую очередь в процессе расширения военного альянса НАТО с конца 1990-х годов от границ Германии к российским границам. Опосредованная американо-российская война в Грузии в 2008 году была инициирована поддерживаемым Соединенными Штатами президентом этой страны, рассчитывавшим на членство в НАТО. Кризис 2014 года и последовавшая за ним опосредованная война на Украине стала результатом продолжительных попыток включить эту страну в состав НАТО, несмотря на цивилизационные связи этого обширного региона с Россией. А военное вмешательство Путина в Сирии в 2015 году было предпринято по убедительной причине: нужно было выбирать, кто будет находиться в Дамаске – сирийский президент Асад или террористическая группировка Исламское государство (запрещена в России, – прим. ред.). Кроме того, следует учитывать отказ президента Барака Обамы вступить в направленный против Исламского государства альянс. В результате этой истории в России часто говорят о том, что Путин как руководитель поздно реагирует на события за границей и что его действия не являются достаточно «агрессивными».

В аксиому относительно «агрессивного Путина» включены еще две другие. Одна из них состоит в том, что Путин является несоветским лидером, который пытается восстановить Советский Союз за счет соседей России. Его постоянно и неверно цитируют, и в качестве такого примера приводят сказанные им в 2005 году слова: «Развал

Советского Союза был величайшей геополитической катастрофой 20 века». Можно подумать, что он ставит это событие выше двух мировых войн. Но вот что он, на самом деле, сказал: «крупнейшей геополитической катастрофой 20 века» – именно таковым развал Советского Союза и был для большинства россиян.

Хотя Путин часто критически отзывается о советской системе и ее основателях, о Ленине и Сталине, он, как и большинство представителей его поколения, во многом, естественно, остается советским человеком. Однако сказанные им слова в 2010 году отражают его истинные взгляды, а также взгляды большинства других русских: «Кто не жалеют о распаде Советского Союза, у того нет сердца. А у того, кто хочет его восстановления в прежнем виде, нет головы».

Другая ложная побочная аксиома состоит в том, что Путин якобы всегда был настроен «против Запада», особенно «против Америки» и «всегда относился к Соединенным Штатам» с «плохо скрываемым подозрением». Однако простой взгляд на годы его правления свидетельствует об обратном. Путин, вестернизированный русский, стал президентом в 2000 году, когда еще сильны были традиции Горбачева и Ельцина, и тогда он надеялся на установление «стратегической дружбы и партнерства» с Соединенными Штатами. Этим объясняется значительная помощь после событий 9 сентября (2001 года), оказанная им в ходе военных действий Соединенных Штатов в Афганистане. Отсюда вытекает его полноценное партнерство в американо-европейских клубах с участием главных

лидеров, пока он не понял, что к России не будут относиться как к равному партнеру, а НАТО приблизится к российским границам.

С учетом всего того, что произошло почти за два десятилетия – особенно, если посмотреть на это глазами Путина и других российских лидеров, – было бы удивительным, если бы не изменилось его отношение к Западу, особенно к Америке. Как он сказал в 2018 году: «Мы все меняемся». А несколькими годами ранее Путин сделал характерное признание – первоначально у него были «иллюзии» по поводу внешней политики, но он не уточнил, какие именно. Возможно, он имел это в виду, выступая в конце 2017 года: «Самая главная ошибка с нашей стороны в отношении Запада в том, что мы слишком вам доверяли. А ваша ошибка заключается в том, что вы восприняли это доверие как слабость и злоупотребили этим доверием».

Если мое опровержение аксиом относительно демонизации Путина убедительно, то к какому выводу это нас приводит? Разумеется, не к апологии Путина, а к вопросу: «Кто есть Путин?» Россияне любят говорить: «Пусть история рассудит», но с учетом опасностей новой холодной войны, мы не можем ждать. По крайней мере, мы можем начать с некоторых исторически правдивых вещей. В 2000 году молодой и имевший мало опыта человек стал лидером обширного государства, которое очень быстро распалось, или «развалилось», и так было дважды в 20-м веке – в 1917 году и в 1991 году – с катастрофическими последствиями для его жителей. В обоих случаях эта страна потеряла свой «суверенитет», а вместе с ним и основательную часть своей безопасности.

Это постоянно появляющиеся темы в путинских словах и делах. Именно с них и должен начинаться процесс понимания. Никто не может сомневаться в том, что он уже является наиболее последовательным «государственным деятелем» 21-го столетия, хотя эти слова редко применяются к нему в Америке, если вообще применяются. А что означает слово «последовательный»? Даже если не учитывать приведенные выше мнимые минусы, сбалансированная оценка будет включать и настоящие недостатки.

Вот, например, вопрос: а нужно ли было настолько укреплять и расширять кремлевскую «вертикаль» на территории всей страны для того, чтобы восстановить единство России? А нужно ли было наделять равным приоритетом исторический эксперимент с демократией? А разве не было альтернативы аннексии Крыма, даже с учетом воспринимаемых угроз? А лидерство Путина, действительно, не сделало ничего для пробуждения страхов у небольших восточноевропейских государств, которые Россия угнетала в течение столетий? Это только небольшое число вопросов, которые могут стать минусами рядом с заслуженными Путиным плюсами.

Каким бы ни был подход, кто бы ни сделал сбалансированную оценку, можно, перефразируя Спинозу, сказать – не для того, чтобы демонизировать, не для того, чтобы насмеяться, не для того, чтобы ненавидеть, а для того, чтобы понять.

Издания АИРО в 2023 гг.

RUSSIAN FATE: A memoir that I'll never write. From the files of Stephen F. Cohen. РУССКАЯ СУДЬБА: Воспоминания, которые я никогда не напишу. Из архива Стивена Коэна. Сост. Катрина ванден Хювел и Геннадий Бордюгов. – М.: Пробел-2000; АИРО-XXI, 2023. – 380 с.

Тартаковский А.Б. Семейный архив / Предисловие С. Смирнова. – М.: Пробел-2000, 2023. – 252 с. – (Серия «АИРО – первая публикация»).

Лаврентьева М.Ю. Слово против слова: информационно-психологические войны. XX век. – М.: Пробел-2000; АИРО-XXI, 2023. – 288 с. – (Серия «АИРОАИРО-XXI – первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).

Щербина С.П. Мемология российской истории XX века. Рождение и эволюция исторических образов. – М.: АИРО-XXI, 2023. – 552 с.

СССР-100: реконструкция истории и юбилея. Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2023. – 592 с.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Стивен КОЭН
ВОЙНА С РОССИЕЙ?

Дизайн, верстка и оформление обложки: *Сергей Щербина*

www.airo-xxi.ru

E-mail: airo@airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 10.10.2023

Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 16.75

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»

Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4

Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru